П-73
29

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П-25494

П-73

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Краткие сообщения ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

Редакционная коллегия
член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. Брагинский*
(ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Г. М. Петров, Б. В. Ржевин,*
кандидат филологических наук *Н. А. Сыромятников*
кандидат экономических наук *Р. А. Ульяновский*

П 25494
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
АН Киргизской ССР

Т. Т. Мхитарян

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО ВЬЕТНАМСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА[1]

Методы и материалы исследования

Исследованием звукового состава вьетнамского языка[2], в частности его вокализма, занимались вьетнамские и зарубежные лингвисты. Однако все они при изучении вьетнамских звуков, как правило, основывались только на методе зрительного наблюдения и слухового восприятия.

Большим недостатком работы некоторых французских лингвистов, например Мориса Граммона, служило незнание вьетнамского языка, что нередко приводило этих исследователей к ошибочным заключениям. Отсутствие экспериментальной базы в таких исследованиях имело своим результатом большой разнобой в освещении звуковой системы вьетнамского языка. Этот разнобой продолжает сохраняться и до настоящего времени.

Чтобы в известной мере восполнить этот пробел в изучении звукового состава современного вьетнамского языка, автор настоящей статьи исследовал артикуляцию вьетнамских гласных фонем с помощью методов, которые успешно применяются в современной экспериментальной фонетике и дают наиболее эффективные результаты. Эти методы заключаются в рентгенографии органов речи (метод рентгеноскопии) и фотографировании положения губ при артикуляции исследуемых звуков (метод фотограмм).

Придавая большое значение объективным данным, полученным в результате инструментального исследования, следует все же иметь в виду, что они могут быть правильно поняты и объяснены только в свете данных непосредственного наблюдения (включающего слуховое

---

[1] В настоящей статье рассматриваются только гласные фонемы-монофтонги (в ханойском произношении) и не затрагиваются сочетания гласных с полугласными.

[2] Вьетнамский язык является национальным языком вьетнамского народа. На нем говорит свыше 17 млн. вьетнамцев. Кроме того, частично он распространен в Лаосе и Камбодже, а также в Таиланде, где проживает около 50 тыс. вьетнамцев.

восприятие, зрительное наблюдение, мышечное осязание). Поэтому фонетическая характеристика гласных фонем-монофтонгов определялась комплексным исследованием, в котором данные непосредственного наблюдения за положением артикулирующих органов проверялись экспериментом. Акустические особенности этих звуков устанавливались на слух. Таким образом были прослушаны и определены все гласные фонемы языка в словах, специально отобранных для исследования.

Для экспериментального исследования[3] в качестве испытуемого был приглашен преподаватель вьетнамского языка, по национальности вьетнамец (уроженец г. Ханоя), произношение которого вполне соответствует нормам современного вьетнамского литературного языка (ханойский говор северовьетнамского диалекта).

Основная цель проделанного эксперимента состояла в исследовании артикуляционно-акустических особенностей гласных звуков, на которые опирается словоразличение во вьетнамском языке, т. е. гласных фонем. Чтобы избежать искажения гласных фонем при произнесении, в качестве материала исследования бралось односложное простое слово, преимущественно в ровном тоне, совпадающее с непроизводной корневой морфемой, звуковая оболочка которой образована гласными [i], [ê], [e], [a], [ɔ], [u], [o], [ô], [ɯ][4], или односложное слово, в составе которого находились гласные [ă] и [â].

О фонематических свойствах вьетнамских гласных-монофтонгов

Чтобы выявить фонематические свойства вьетнамских гласных, т. е. определить гласные фонемы вьетнамского языка, необходимо в первую очередь сопоставить между собой простейшие единицы речевого общения, какими являются слова.

Такое сопоставление следует производить с учетом особенностей фонетико-морфологического строя исследуемого языка.

В специальной литературе по вьетнамскому языку до сих пор еще нет установившегося понятия слова и его границ.

Не касаясь в настоящей статье существа проблемы вьетнамского слова и его границ, представляется возможным рассматривать словарный состав вьетнамского языка с точки зрения производности и непроизводности его слов.

Непроизводные слова вьетнамского языка, как правило, односложны и в смысловом значении неразложимы. Они могут быть охарактеризованы как корневые слова, имеющие в своем составе только одну знаменательную морфему. В фонетическом отношении такие односложные слова приравниваются к одному слогу. Преимущественно из них состоит основной словарный фонд вьетнамского языка и значительная часть его словарного состава. Производные слова образуются

[3] В статье не дается описания условий рентгенографии и хода исследования, поскольку они представляют собой техническую сторону рассматриваемого вопроса.

[4] Для транскрипционного обозначения гласных фонем в данной работе были использованы соответствующие буквы вьетнамского национального алфавита.

различными способами, в том числе фонетически (чередование тонов, чередование звуков в слоге и т. д.).

При этом нужно учитывать и то важное обстоятельство, что современный вьетнамский язык характеризуется большой омонимией составляющих его морфем[5]. Все омонимы вьетнамского языка имеют одинаковый состав фонем и их вариантов. Таким образом, для определения фонемного состава вьетнамского языка достаточно сопоставить между собой все односложные слова или корневые морфемы этого языка, поэтому основным методом определения фонемного состава будет метод сопоставления наименьших смысловых единиц этого языка— односложных слов или корневых морфем[6]. Такое сопоставление обусловливается еще и тем, что во вьетнамском языке, в отличие, например, от русского, непроизводные морфемы четко отграничены друг от друга фонетически, морфологически и графически и характеризуются устойчивостью своего звукового состава.

Специфика структуры вьетнамского слога определяется в первую очередь тем, что каждому слогу в этом языке присуща своя мелодика, которую обычно называют тоном или тональностью (по-вьетнамски – thanh). Тон представляет собой мелодический рисунок или движение голоса, его дифференциацию с точки зрения высоты и характера ее изменения. В современном северовьетнамском диалекте различают шесть тонов[7]:

1) ровный тон (thanh không) *ma*;
2) нисходящий плавный (thanh huyền) *mà*;
3) нисходяще-восходящий (thanh hỏi) *mả*;
4) восходящий прерывистый (thanh ngã) *mã*;
5) восходящий (thanh sắc) *má*;
6) резко нисходящий (thanh nặng) *mạ*.

Тональность, или тон, представляет собой органическую часть вьетнамского односложного слова или слога, поскольку мелодический рисунок тона накладывается одновременно на все компоненты слога.

Ввиду того, что наибольшей вариативностью модуляций голоса и тембра обладают именно гласные звуки, тон, как правило, проявляется прежде всего на гласном элементе слога.

Однако это ни в какой мере не дает основания утверждать, что тон влияет на качество гласного звука. Как показало специальное

[5] Подобное явление присуще и другим языкам китайско-тибетской группы, например китайскому.

[6] Такое сопоставление необходимо производить в сходных произносительных условиях в разных словах, имеющих одинаковый тон. Последнее особенно важно для языков с политональным фонетическим строем, таких, как вьетнамский, китайский, бирманский, тайский и другие, поскольку различие в тонах двух совершенно одинаковых, с точки зрения звукового состава, слов в этих языках приводит к изменению их лексического значения. Например, во вьетнамском языке звуковой комплекс [kam] в разных тонах будет представлять четыре слова с различным лексическим и грамматическим значением:

cam [*kam*] ‘апельсин’, ‘оранжевый’;
cám [*kám*] ‘звук’;
cảm [*kả̉m*] ‘звук’;
cảm [*kả̉m*] ‘западня’, ‘схватывать’;
càm [*kàm*] ‘простужаться’.

[7] Название каждого тона определяется по его мелодическому рисунку.

исследование, изменения качества гласного ни в одном из этих тонов не происходит[8].

Особенность вьетнамских тонов состоит в том, что они не могут быть изолированно воспроизведены в речевом потоке подобно, например, гласным звукам. Они могут быть изолированы только в абстракции, тогда как в действительности они составляют неотъемлемую часть односложных слов и соответственно обладают фонологической значимостью.

Во многих случаях тональность[9] является единственным средством различения звуковых оболочек односложных слов. Например:

ca [ka] 'песня';
cá [ká] 'рыба';
cả [kả] 'весь'.

Фонологический анализ слогового состава вьетнамского языка дает возможность определить следующие фонематические свойства вьетнамских гласных, характеризующие их как фонемы.

1. Все вьетнамские гласные, за исключением гласных [ă] и [â], могут произноситься изолированно, т. е. служить звуковым выражением соответствующих корнеслов.

Из этого можно сделать вывод о том, что вьетнамские гласные [i], [ê], [e], [a], [ɔ'], [ɯ], [o], [ô], [u] обладают словообразующей функцией как основной, осуществляемой ими в процессе общения.

2. Перечисленные гласные, в том числе и гласные [ă], [â], характеризуются как фонемы своей словоразличительной функцией. Тем самым все вьетнамские гласные выполняют в языке еще и другую функцию — словоопознавательную или смыслоразличительную. Осуществление вьетнамскими гласными этой функции в значительной мере облегчается отсутствием в современном вьетнамском языке позиционного чередования гласных, какое наблюдается, например, в русском языке [stol/stʌl-a].

Возьмем, например, фонетический ряд корнеслов, имеющих одинаковый звуковой состав и различающихся только одним слогообразующим гласным [bản], [bắn], [bần], [bửn].

Различие в данных звуковых комплексах ведет к различению семантического значения указанных корнеслов: „доска — сердитый — грязный — изношенный".

Таким образом, перечисленные гласные могут быть признаны самостоятельными основными видами гласных фонем. Этими фонемами являются девять гласных, способных находиться в изолированной позиции[10]: [i], [ê], [e], [a], [ɔ'], [ɯ], [o], [ô], [u], и две гласных фонемы: [ă] и [â], которые, хотя и не встречаются в изолированном положении, но тем не менее обладают способностью различать звуковые оболочки корнеслов. Например, *ăn* [ăn] 'есть' и *ân* [ân], 'благодарить'; к тому же, как показал лабораторный анализ, этим гласным [ă] и [â] присущи определенные артикуляционно-акустические качества, которые в свою очередь дают возможность рассматривать их как самостоятельные фонемы.

[8] Имеется в виду экспериментальное исследование системы вьетнамских тонов, проведенное М. В. Гординой в соавторстве с Н. Д. Андреевым, специалистом по германским языкам, в Ленинградском университете. Результаты этого исследования были опубликованы в статье «Система тонов вьетнамского языка (по экспериментальным данным)» в «Вестнике ЛГУ» (№ 8, вып. 2, 1957. стр. 132—148).

[9] Следует также отметить, что тоны выполняют существенную роль и в словообразовании различных типов вьетнамских слов, например слов-повторов.

[10] Гласный [i] как в изолированном положении, так и в составе двусложных слов в национальном алфавите отображается двумя разными буквами *i* и *y*. Это, очевидно, дало Н. Д. Андрееву основание считать, что в современном вьетнамском языке насчитывается 12 (а не 11) гласных фонем. См.: Н. Д. Андреев. *Периодизация истории индоевропейского языка* («Вопросы языкознания». 1957, № 2, стр. 9).

Характеристика гласных фонем вьетнамского языка

В основу характеристики вьетнамских гласных фонем был взят тембр гласного, положение массы языка, его кончика, степень подъема спинки языка, форма губного отверстия и, наконец, длина и высота переднего резонатора[11], с которым связана ширина прохода между корнем языка и задней спинкой зева. Длина и высота переднего резонатора, как известно, составляют два важнейших признака характеристики артикуляции гласных звуков. Установление длины переднего резонатора дает возможность классифицировать гласные на передний, средний и задний ряды. По высоте переднего резонатора различают гласные высокой, средней и низкой ступени подъема узкой и широкой разновидности

1. По своему тембру гласные фонемы вьетнамского языка располагаются в следующем порядке: [i], [ê], [e], [a], [ă], [â], [ɔ'], [ɯ], [o], [ô], [u].

2. По месту образования (т е. по направлению подъема определенной части спинки языка к соответствующей области твердого или мягкого нёба или движению языка по горизонтали вперед-назад) гласные фонемы классифицируются на:

а) фонемы переднего ряда [i], [ê], [e];
б) фонемы среднего ряда [a], [ă], [â], [ɔ'], [ɯ];
в) фонемы заднего ряда [o], [ô], [u].

Внутри этих рядов выделяются фонемы переднего продвинутого ряда [e], среднего продвинутого ряда [ă], среднего отодвинутого ряда [â], [ɔ' и заднего продвинутого ряда [o].

Такая классификация гласных фонем вьетнамского языка обусловливается различной длиной переднего резонатора при их артикуляции. Последняя представляется в табл. 1, составленной по данным эксперимента.

Таблица 1

Гласные фонемы	Передний ряд			Средний ряд					Задний ряд		
	[i]	[ê]	[e]	[a]	[ă]	[â]	[ɔ]	[ɯ]	[o]	[ô]	[u]
Длина переднего резонатора (в *мм*)	36—39	37	36	44	37	46	43—45	40	45	47	50

[11] Высота переднего резонатора определяется высотой подъема определенной части спинки языка по направлению к соответствующей зоне твердого или мягкого нёба и измерялась в ходе исследования по рентгенограммам для каждого гласного.

По высоте подъема спинки языка к соответствующей части твердого или мягкого нёба гласные фонемы классифицируются на фонемы высокой, средней и низкой ступени подъема.

Табл. 2 характеризует вьетнамские гласные фонемы по высоте переднего резонатора.

Таблица 2

Гласные фонемы	Передний ряд			Средний ряд					Задний ряд		
	[i]	[ê]	[e]	[a]	[ă]	[â]	[ơ]	ư	[o]	ô]	[u]
Высота переднего резонатора (в *мм*)	5	5	6	16	10	9	9	6	9	5	5

Таким образом, фонемами высокой ступени подъема являются [i], [ê], [e], [ư], [ô], [u]; фонемами средней ступени подъема — [ă], [â], [o'], [o]; фонемами низкой ступени подъема — [a].

Фонемы каждой из перечисленных ступеней подъема представлены звуками узкой и широкой разновидности. К узкой разновидности фонем высокой ступени подъема следует отнести [i], [ê], [u]; к широкой разновидности — [e], [ư], [ô].

Широкую разновидность фонем средней ступени подъема составляют [ă], [â], [o'], [o]; и широкая разновидность фонем низкой ступени подъема представлена одной фонемой [a].

4. По положению губ при произнесении вьетнамские гласные фонемы делятся на огубленные [o], [ô], [u] и неогубленные [i], [ê], [e], [a], [ă], [â], [o'], [ư].

5. По напряженности главного артикулирующего органа — языка, вьетнамские гласные фонемы классифицируются на напряженные [i], [ê], [ư], [ô], [u] и ненапряженные [e], [a], [ă], [â], [o'], [o].

6. Во вьетнамском языке по долготе и краткости[12] могут противопоставляться только некоторые фонемы, имеющие одинаковое место образования: [a], и [ă], [ơ], и [â].

Однако этот вопрос остается до настоящего времени неизученным и требует экспериментального исследования. Остальные гласные имеют каждый особый, свойственный только ему одному артикуляционный уклад органов речи, и в количественном отношении не противопоставляются.

При произнесении вьетнамских гласных мягкое нёбо поднято, поэтому в этом языке не встречаются назализованные гласные. Для вьетнамских гласных характерна общая артикуляционная устойчивость[13]. Альтернанты (или варианты) гласных фонем могут быть выявлены из

[12] Вьетнамские лингвисты Ле Ван Ли, Нгюен Бат Туи и другие классифицируют гласные вьетнамского языка еще и по степени раскрытия рта при их произнесении. Так, по их мнению, с минимальной степенью раскрытия рта произносятся гласные [i], u', [u]; со второй степенью — [ê], [o'], [o]; с третьей степенью — [e], [â], [o]; с четвертой степенью — [a], [ă]. (См.: Le Van Ly, *Le parler vietnamien*, Paris, 1948, p. 40; Nguyễn Bạt Tụy, Cũ và văn vịêd khwa họk, Saigon, 1950.

[13] На эту особенность вьетнамских гласных указывал Ле Ван Ли. См.: Le Van Ly, *Le parler vietnamien*.

сопоставления их в разных позициях в односложном слове (совпадающем со слогом).

Такими позициями гласных в различных типах вьетнамских слогов являются следующие[14]:

1) в изолированном положении, когда один из гласных (кроме]ă] и [â]) служит звуковым выражением слога;

2) в начале слога перед конечнослоговым глухим согласным [áp] [át];

3) в начале слога перед конечнослоговым сонантом [am], [an];

4) в начале слога перед конечнослоговым полугласным [ai̯], [au̯][15];

5) на конце слога после начальнослогового согласного [ta], [na];

6) на конце слога после начальнослогового полугласного]o̯a];

7) в середине слога между начальнослоговым и конечнослоговым полугласным: [u̯'ai̯];

8) в середине слога после начальнослогового полугласного и перед конечнослоговым сонантом [u̯'ơn];

9) в середине слога после начальнослогового полугласного перед конечнослоговым глухим согласным [u̯'ơk];

10) в середине слога между глухими согласными [kák], [kát];

11) в середине слога между сонантами [nan].

Наблюдения за артикуляцией вьетнамских гласных фонем (по данным эксперимента)

1. Фонема [a]. Артикуляционно-акустические качества этой фонемы четче всего проявляются в изолированном произнесении, поскольку только в такой позиции устраняется влияние на данный звук других фонетических признаков.

Ниже приводятся корневые морфемы или слоги, звуковая оболочка которых образована этой фонемой.

Á 'Азия';

ạ — междометное слово, выражающее уважение;

a — междометное слово, выражающее боль;

á — междометное слово, выражающее радость, удивление;

a — корневая морфема в двусложном слове *a-dua* 'поддакивать';

a — корневая морфема в двусложном слове: *a-phiện* 'опиум';

a — корневая морфема в двусложном слове *a-hoàn* 'служанка';

a — корневая морфема в двусложном слове *a-tòng* 'подражать'.

По данным рентгенографии и по непосредственному наблюдению за произношением гласного [a], а также учитывая мускульное ощущение испытуемого при произнесении этого звука, характеристика фонемы [a] слагается из следующих особенностей. Фонема имеет низкий тембр переднего резонатора в шепотном произношении. При артикуляции этой фонемы масса языка отодвинута назад, при этом передний резонатор бо́льший, чем задний (рис 1). Средняя часть спинки языка поднята к твердому нёбу таким образом, что ее вершинная часть располагается примерно против наивысшей соответствующей части твердого нёба. Такое положение позволяет определять

[14] В данной статье не рассматриваются позиции, при которых вьетнамские гласные образуют сочетания с полугласными.

[15] Знак ‿ передает неслогообразующий характер гласного.

фонему [а] симметричным гласным; между передней и средней частями языка образуется некоторая вдавленность. Кончик языка при этом отодвинут от внутренней стенки передних зубов, мягкое нёбо поднято, закрывая проход в полость носа. Фонема [а] произносится с наибольшим по сравнению с другими гласными фонемами раскрытием рта.

Губы нейтральны, не напряжены, при этом значительно обнажены нижние и слегка верхние зубы.

Фонема [а] является долгой по отношению к фонеме [ă], однако в количественном отношении оба звука могут сопоставляться только в двух положениях: в начале или в середине слова, поскольку [ă] в конце слова не встречается.

Таким образом, фонема [а] представляет собой неогубленный, ненапряженный, симметричный гласный среднего ряда, низкой ступени подъема, широкой разновидности.

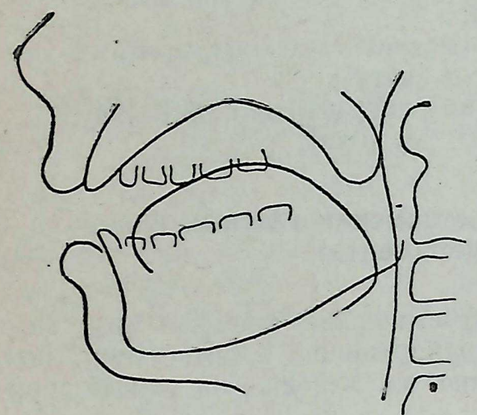

Рис. 1. Артикуляция гласного [а]

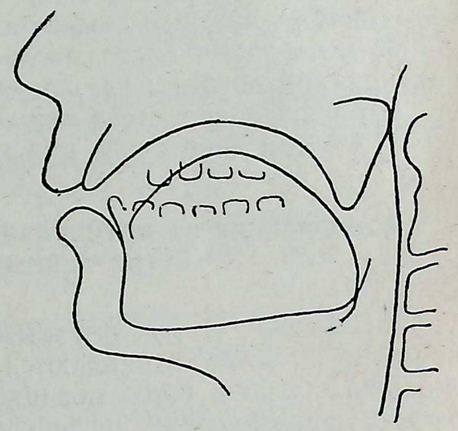

Рис. 2. Артикуляция гласного [ă]

2. Фонема [ă]. В изолированном положении не встречается, как не может находиться и в конце слога. Однако во всех остальных позициях эта фонема четко противопоставляется другим фонемам вьетнамского языка. В шепотном произношении в слоге [ăп] она имеет менее высокий тембр, чем [а];

При артикуляции фонемы [ă] активный орган речи — язык — имеет форму выпуклого по направлению к твердому нёбу бугра (рис. 2). Губы не растянуты и не напряжены; нижние зубы обнажены. Фонема [ă] в позиции перед конечнослоговым сонантом [п] представляет собой неогубленный, ненапряженный, симметричный гласный среднего выдвинутого ряда, средней ступени подъема, широкой разновидности.

3. Фонема [â]. Эта фонема, так же как и фонема [ă], не встречается в изолированной позиции и в абсолютном исходе слога. По данным рентгенограммы (рис. 3) и по непосредственным наблюдениям, при произнесении фонемы [â] задняя часть спинки языка довольно высоко поднята к твердому нёбу и при этом несколько оттянута назад так, что от внутренней ее части образуется пологий скат. Кончик языка отодвинут от внутренней стенки нижних зубов. Губы не округлены, обнажают нижние зубы. Общая характеристика фонемы [â]: неогубленный, ненапряженный гласный среднего отодвинутого ряда, средней ступени подъема, широкой разновидности.

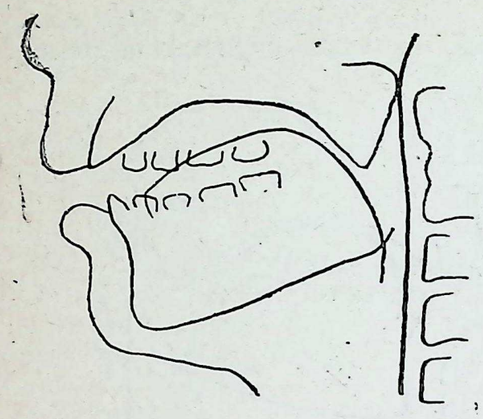

Рис. 3. Артикуляция гласного [â]

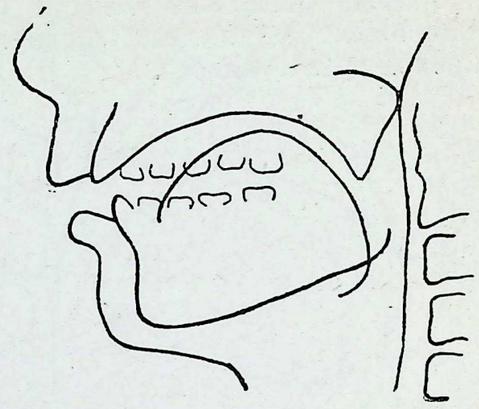

Рис. 4. Артикуляция гласного [ơ]

4. Фонема [ơ]. В изолированной позиции эта фонема служит звуковым выражением следующих корнеслов:

ờờ ‘да, да’ (утверждение);
ợ ‘вращать’;
ở ‘жить’, ‘проживать’ (глагол), ‘в’ (предлог).

В изолированной позиции гласный [ơ] артикулируется задней спинкой языка, поднятой к твердому нёбу и несколько оттянутой назад (рис. 4). Мягкое нёбо поднято. Кончик языка значительно отстоит от нижних зубов. Общая конфигурация языка—полукруглая. Передняя и задняя части языка почти симметричны. Губы нейтральны, нижние зубы обнажены. Экспериментальное исследование артикуляции этой фонемы, непосредственное наблюдение за ее произнесением и проверка мускульного ощущения испытуемого позволяют определить фонему[ơ] как неогубленный, ненапряженный гласный среднего ряда, средней ступени подъема, широкой разновидности.

По месту образования фонемы [â] и [ơ] относятся к гласным среднего ряда более заднего образования, чем, например, гласные [а] и [ă].

Характерно, что мускульное ощущение испытуемого подтверждает положение вьетнамских лингвистов[16] о том, что при произнесении [ơ] как бы образуется ряд [ơ.....ơ.....ơ.], тогда как [â] протянуть нельзя.

Данные рентгенографии дают основание рассматривать обе фонемы [â] и [ơ] как гласные одинакового места образования.

5. Фонема [ư]. Артикуляция этой фонемы осуществляется средне-задней частью спинки языка, высоко поднятой к зоне нёба (рис. 5). Масса языка при этом напряжена. Корень языка близко подходит к задней стенке зева. Тело языка сильно оттянуто назад. Кончик языка далеко отстоит от нижних зубов. Губы в нейтральном положении, рот полуоткрыт.

В словарном составе вьетнамского языка очень мало односложных слов, звуковая оболочка которых образована этой фонемой. Можно назвать следующие:

ựr—междометное слово, выражающее боль,
ư—вопросительная частица в значении „кто?“,
ừ—утвердительная частица.

[16] Le Van Ly, *Le parler vietnamien*, p. 20.

Анализ позволяет отнести фонему [ɯ] к числу неогубленных, ненапряженных гласных среднего ряда, высокой ступени подъема, широкой разновидности.

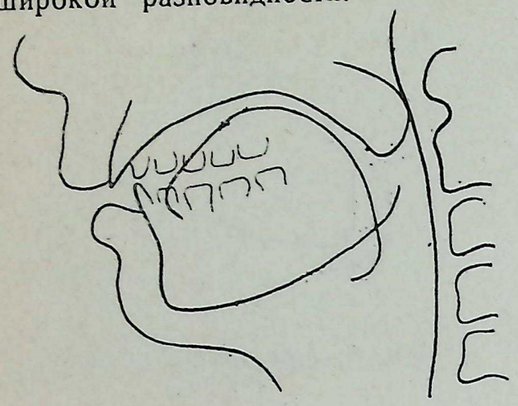

Рис. 5. Артикуляция гласного [ɯ]

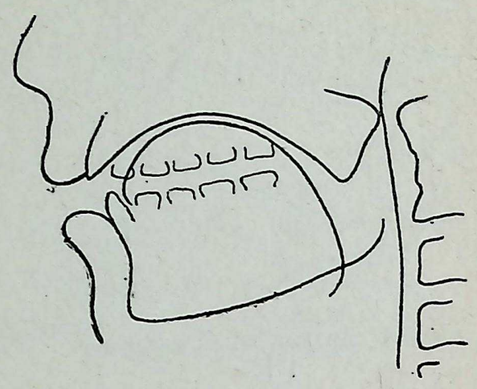

Рис. 6. Артикуляция гласного [i]

6. Фонема [i]. При артикуляции этой фонемы спинка, как и все тело языка, имеет плоскую форму и высоко поднята к твердому нёбу (рис. 6). Кончик языка упирается во внутреннюю поверхность нижних зубов. Большое напряжение языка создает ложкообразную вдавленность на передней поверхности языка. Фонема [i] в изолированной позиции имеет самый высокий тембр в шепотном произнесении.

При артикуляции фонемы [i] челюсти близко подходят одна к другой, углы рта сильно растянуты, обнажая нижние передние зубы. Фонема образует звуковую оболочку некоторых корнеслов:

i ‘идентичный’;
ì ‘неподвижный’;
ỉ ‘опираться’;
ý ‘мысль’, ‘идея’;
y ‘медицина’.

Таким образом, фонема [i] характеризуется как неогубленный, напряженный гласный переднего ряда, высокой ступени подъема, узкой разновидности.

7. Фонема [ê]. Эта фонема образует следующие корнеслова:

ệ ‘усталый’; ê ‘покинутый’.

При артикуляции этой фонемы тело языка напряжено, спинка языка поднята к твердому нёбу (рис. 7). Тело языка плоской формы располагается по всей резонирующей полости рта. Рот полуоткрыт, губы и углы рта растянуты, нижние зубы обнажены. Фонема [ê] артикулируется при несколько более опущенной нижней губе, чем при артикуляции [i], но растянутость губ значительно меньшая, чем при артикуляции [i].

Таким образом, фонема [ê] характеризуется как неогубленный, ненапряженный гласный переднего ряда, высокой ступени подъема, узкой разновидности.

8. Фонема [e]. В изолированной позиции фонема [e] образует звуковую оболочку следующих корнеслов:

e ‘бояться’, ‘опасаться’;
è —звукоподражательное слово, выражающее усталость.

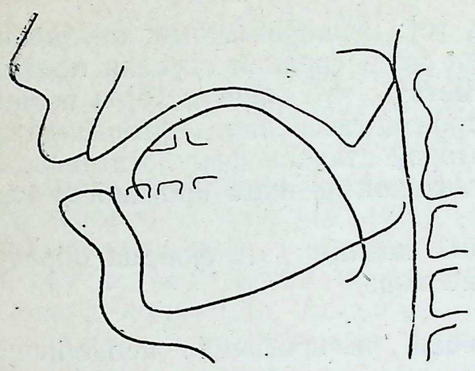

Рис. 7. Артикуляция гласного [ê]

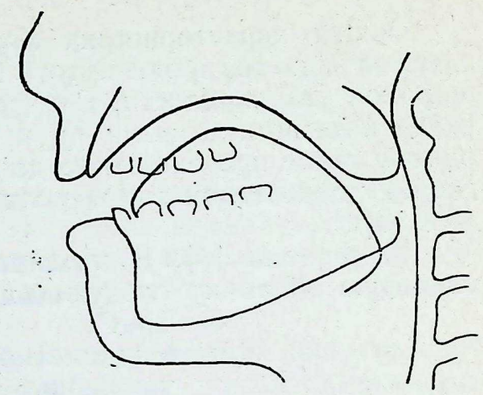

Рис. 8. Артикуляция гласного [e]

При артикуляции фонемы [e] (рис. 8) передне-средняя часть спинки языка поднимается к твердому нёбу, но ширина прохода между спинкой языка и соответствующей зоной твердого нёба значительно большая, чем при артикуляции фонемы [ê]. Масса языка при этом несколько продвинута вперед, кончик языка упирается в основание нижних зубов, нижняя губа опущена, нижние зубы обнажены. По сравнению с фонемой [ê] фонема [e] обладает бо́льшей степенью открытости. Такое предположение подтверждается мускульным ощущением испытуемого, который отмечает, что гласный [ê]—„закрытый“, а [e]—„открытый“.

Общая характеристика фонемы [e]: неогубленный, ненапряженный гласный переднего продвинутого ряда, высокой ступени подъема, широкой разновидности.

9. Фонема [o]. Эта фонема образует в изолированном положении звуковую оболочку следующих корнеслов:

o ‘сестра отца’ (употребляется главным образом в северных районах Центрального Вьетнама);
ó ‘орел’.

Фонема [o] артикулируется средне-задней спинкой языка, поднятой к соответствующей части твердого нёба (рис. 9). Тело языка, занимая в целом заднее положение, несколько продвинуто вперед. Кончик языка отстоит от нижних зубов. Губы сильно округлены, но не вытянуты вперед. Зубы остаются обнаженными.

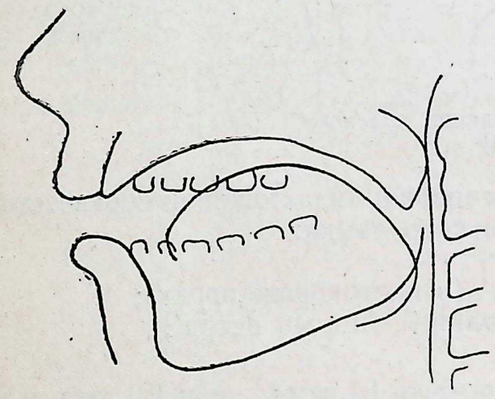

Рис. 9. Артикуляция гласного [o]

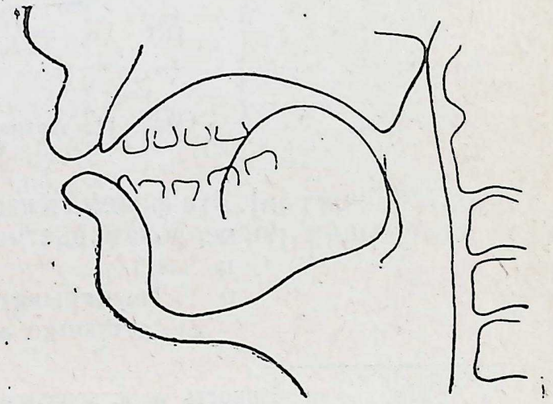

Рис. 10. Артикуляция гласного [ô]

Общая характеристика фонемы [o]: ненапряженный, огубленный гласный заднего, продвинутого вперед ряда, средней ступени подъема, широкой разновидности. Следует отметить, что фонема [o] в позиции перед конечнослоговыми [ŋ] и [k] произносится как дифтонгоид [aọ]; однако такое произношение до некоторой степени факультативно, поскольку при беглом темпе речи в указанной позиции произносят гласный [o] [17].

10. Фонема [ô]. В изолированной позиции эта фонема образует звуковую оболочку следующих корнеслов:

ô ‘зонт’;
ồ—междометное слово, выражающее неодобрение, удивление;
ố ‘загрязненный’;
ộ ‘гнездо’, ‘семья’, ‘выводок’.

Фонема [ô] артикулируется спинкой языка, поднятой к границе между мягким и твердым нёбом (рис. 10). Тело языка собрано, напряжено и далеко оттянуто назад таким образом, что в передней части ротовой полости образуется значительный по объему передний резонатор. Кончик языка далеко отстоит от внутренней поверхности нижних зубов. Губы сильно округлены, но не выступают вперед. Нижние зубы не видны.

Фонема [ô] в положении перед заднеязычным носовым согласным [ŋ] и заднеязычным [k] приобретает дифтонгичный оттенок и обычно произносится как дифтонгоид [oọ]. Но в беглом произношении этот оттенок снимается.

Общая характеристика фонемы [ô]: огубленный, напряженный гласный заднего ряда, высокой ступени подъема, широкой разновидности.

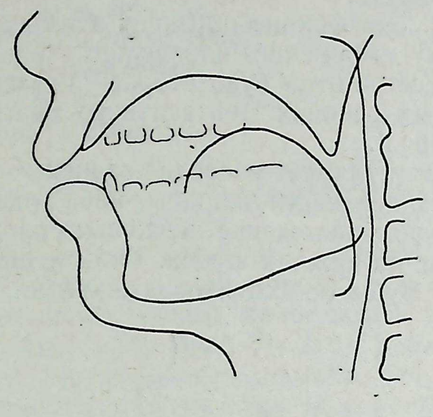

Рис. 11. Артикуляция гласного [u]

11. Фонема [u]. Эта фонема в изолированном положении соответствует следующим корнесловам вьетнамского языка:

u ‘мать’;
ù 1) ‘выигрывать’ (в настольных играх);
2) ‘вспышка молнии’, ‘порыв ветра’;

[17] На эту особенность произношения гласного [o] перед и [k] указывал в свое время Леопольд Кадьер. См.: L. Cadière, *La phonétique annamite*, Paris, 1902, p. 19.

ú 1) ‘много’;
2) ‘стена’, ‘ограда’;
ụ ‘земляной вал’, ‘редут’;
ủ 1) ‘неясный’, ‘туманный’;
2) ‘прятать’.

При артикуляции фонемы [u] задняя часть спинки языка высоко поднимается к мягкому нёбу (рис. 11). Тело языка—дугообразной формы, напряжено и сильно оттянуто назад. Кончик языка далеко отстоит от внутренней поверхности нижних зубов. Губы энергично собраны, округлены, выдвинуты вперед.

Общая характеристика фонемы [u]: огубленный, напряженный гласный заднего ряда, высокой ступени подъема, узкой разновидности.

На основании приведенной акустико-артикуляционной характеристики гласные фонемы вьетнамского языка могут быть сведены в определенную систему, которая представлена в табл. 3.

Таблица 3

Система гласных фонем современного вьетнамского языка (в ханойском произношении)

По высоте подъема языка / По месту образования	Высокая ступень		Средняя ступень		Низкая ступень	
	Узкая разновидность	Широкая разновидность	Узкая разновидность	Широкая разновидность	Узкая разновидность	Широкая разновидность
Передний продвинутый ряд	—	[e]	—	—	—	—
Передний ряд	[i], [ê]	—	—	—	—	—
Средний продвинутый ряд	—	—	—	[ă]	—	—
Средний ряд	—	[ɯ]	—	—	—	[a]
Средний отодвинутый ряд	—	—	—	[â], [ơ]	—	—
Задний продвинутый ряд	—	—	—	[o]	—	—
Задний ряд	[u]	[ô]	—	—	—	—

М. С. Андронов

РАЗГОВОРНЫЕ ФОРМЫ ТАМИЛЬСКОГО ГЛАГОЛА

В современном тамильском языке существует значительное расхождение между письменными формами, зафиксированными в грамматиках и литературе, и разговорными, употребляющимися в устной речи и в последнее время все более проникающими в художественную литературу. Это явление, характерное и для других восточных языков, например тюркских, до некоторой степени напоминает аналогичное соотношение полного и разговорного стилей речи в русском яыке, где "разница между этими двумя стилями" также "исключительно велика"[1]. В тамильском языке это расхождение настолько велико, что, как отмечают некоторые авторы, иностранец, изучивший с помощью грамматики и учителя литературный стиль и очутившийся после этого среди лиц, говорящих по-тамильски, с трудом может поверить, что последние говорят на языке, который он изучает[2]. К сожалению, сила традиции настолько велика, что грамматики (в том числе единственная имеющаяся на русском языке[3]) подробно не описывают разговорные формы, ограничиваясь лишь отдельными беглыми замечаниями. Обычно эти формы считают противоречащими грамматике (ungrammatical), искаженными (corrupt) или вульгарными (vulgar). В действительности же далеко не все формы, встречающиеся в устной речи, являются вульгарными — большая часть их представляет собой установившийся стандарт, норму разговорного стиля.

В настоящее время употребление письменного, или литературного (книжного), стиля ограничено печатным словом, а также различными выступлениями и речами, произносимыми в официальной обстановке. В обиходной речи господствует разговорный стиль. Он не заключает в себе ничего грубого или вульгарного и характерен для

[1] Л. В. Щерба, *Фонетика французского языка,* М., 1955, стр. 22. См. также: Л. В. Щерба, *О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов* («Записки неофилологического общества», вып. VIII, Пг., 1915, стр. 339—347); *«Грамматика русского языка»*, Изд-во АН СССР, т. I, 1952, стр 56.

[2] G. Matthews, *The vulgar pronunciation of Tamil* (BSOAS, 1942, X), p. 992.

[3] А. М. Мерварт, *Грамматика тамильского разговорного языка,* Л., 1929.

устной речи всех тамилов, в том числе наиболее культурных и образованных слоев[4].

Вполне понятно, что для иностранца изучение тамильского языка обычно начинается с литературного (полного) стиля. Однако этим нельзя ограничиваться в надежде на то, что разговорный стиль придет сам собой: „правила разговорного стиля в каждом языке свои, а поэтому их приходится систематически изучать"[5].

В целом тамильские разговорные формы характерны значительным упрощением фонетической структуры слов. От соответствующих литературных они отличаются прежде всего опущением конечных согласных, широким распространением назализации, а также явлениями ассимиляции и субституции. Ср., например, *nā* из *nāṉ* 'я'; *avā* из *avaṉ* 'он'; *ava* из *avaḷ* 'она'; *nāṅka* из *nāṅkaḷ* 'мы'; *nīṅka* из *nīṅkaḷ* 'вы'; *avuṅka* из *avarkaḷ* 'они'; *oṉṟu* из *oṉṟu* 'один'; *mūṉṟu* из *mūṉṟu* 'три'; *añcu* из *aintu* 'пять'; *iṉṟikki* из *iṉṟaikku* 'сегодня'. В системе гласных, помимо назализации, характерно упрощение дифтонгов, а также образование гласных окончаний посредством суффиксации краткого *u*, например: *āṉe* из *āṉai* 'слон'; *peṉṉu* из *peṇ* 'женщина' *kaṉṉu* из *kaṇ* 'глаз'. Возможны и другие изменения: *reṇṭu* из *iraṇṭu* 'два'; *nēkku* из *eṉakku* 'мне'; *nōkku* из *uṉakku* 'тебе'; *oṭal* из *uṭal* 'тело'; *atukku* из *ataṟku* 'тому' (от *atu* 'то'); *ippa* из *ippoḻutu* 'сейчас' и т. д.

Однако наибольшим изменениям подвергаются в разговорном языке глагольные формы, прежде всего их личные окончания:

Литературные формы			Разговорные формы	
		Единственное число		
1-е л.		*-ēṉ*	*-ēṉ*	(произносится *ē*)
2-е л.		*-āy*	*-ē*	
	м. р.	*-āṉ*	*-āṉ*	(произносится *ā*)
3-е л.	ж. р.	*-āḷ*	*-ā*	
	ср. р.	*-tu*	*-tu, -u*	
		Множественное число		
1-е л.		*-ōm*	*-ōm*	(произносится *ō*)
2-е л.		*-īrkaḷ*	*-īṅka*	(иногда *-iṅka*)
	одуш.	*-ārkaḷ*	*-āṅka*	
3-е л.				
	неодуш.	*-ṉa*	*-tuka*	

Таким образом, конечные *ṉ, ḷ, m* опускаются, причем опущение носовых согласных вызывает назализацию предшествующих гласных, а *r* в окончаниях 2-го и 3-го лиц множественного числа переходит в *ṅ*. Например:

eppō vantē? (С — 2, р. 32) 'Когда ты пришел?' (*vantē* вместо *vantāy*);

[4] Этот общепринятый, нормативный разговорный стиль необходимо отличать от диалектизмов (ср., например, произношение *ḷ* как *ḷ* в южных районах Тамилнада и как *y* в северных). Следует также иметь в виду наличие некоторых особенностей в говорах отдельных социальных групп.

[5] Л. В. Щерба, *Фонетика французского языка,* стр. 22.

П 25494

nīṅka nēram kaḷiccu vantīṅkaṉṉu nāṉ ippac coṉṉēṉā? (Ti. Ja., K. m., I) 'Разве я сказал сейчас, что вы пришли поздно?' (*vantīṅka* вместо *vantirkāḷ*);

eṅkē pōyiruppā? (С — 2, p. 36) 'Куда ей уйти?' (*iruppā* вместо *irupp āḷ*);

antap peṇṇukku vāḻvu tēṭit taruvatu uṅka kaiyilirukku (С — 2, p. 36) 'В ваших руках вернуть эту женщину к жизни' (*irukku* вместо *irukkiṟatu*);

celvam, eṉṉa aṅkē pārkkiṟē vā (С — 1, p. 32) 'Челвам, ты что смотришь пойдем' (*pārkkiṟē* вместо *pārkkiṟāy*).

Окончание множественного числа 3-го лица *-ār* (употребляемое также и в единственном числе в форме вежливости) иногда может принимать гласный *u*, облегчающий в данном случае произношение.

avaruṭaiya appā camīpattilē iṟantupōṉāru (С — 1, p. 32) 'Его отец недавно умер' (*p ōṉāru* вместо *pōṉār*).

oru periyavar vantirukkāru (С — 2, p. 39) 'Пришел какой-то важный человек' (*irukkāru* вместо *irukkiṟār*).

Как видно из сравнения системы личных окончаний литературных и разговорных форм тамильского глагола, все разговорные формы оканчиваются на гласный, в то время как все литературные формы, кроме одной — 3-го лица единственного числа среднего рода настоящего и прошедшего времени, имеют в абсолютном исходе согласный (или полугласный, по тамильской классификации) звук. В связи с этим необходимо отметить, что в соседних дравидийских языках — „телугу, каннара и тулу — все слова дравидийского происхождения оканчиваются на гласный звук"[6], тогда как в тамильском языке в конце слов допускаются также носовые согласные и плавные (*y, r, l, ḷ, ḻ,*). Эта особенность разговорных форм является, по-видимому, результатом того, что в разговорной речи развиваются явления, общие для всех южных дравидийских языков, а формы, зафиксированные в литературе, отражают более древнее состояние языка. Возможно, правда, что это результат прямого влияния соседних дравидийских языков. Неразработанность диалектологии тамильского языка не позволяет в настоящий момент ответить на вопрос, возникла эта особенность разговорного языка самостоятельно или под внешним влиянием. Однако не вызывает сомнения, что это явление сближает тамильский язык с соседними. Тенденция к образованию гласных окончаний наблюдается не только в глагольной системе тамильского языка, но и в других классах слов. Например, литературное *peṇ* 'женщина' дает разговорное *peṇṭu*, лит. *nāṉ* 'я' — разг. *nā*; лит. *kaṇ* 'глаз' — разг. *kaṇṇu*; лит. *makaḷ* 'дочь' — разг. *maka*; лит. *makaṉ* 'сын' — разг. *makā*, лит. *pēr* 'имя' — разг. *pēru*; лит. *uṅkaḷ* 'ваш' — разг. *uṅka* и т. д.

Эта тенденция подтверждается также и тем, что при употреблении глагольной формы с эмфатической вопросительной частицей опущения конечного согласного не происходит. Например:

cummātāṉ vantīṅkaḷā? (С — 2, p. 33) 'Вы просто так пришли?' (*vantīṅkaḷā* вместо *vantīṅka*);

cāppiṭṭīṅkaḷā? rāttiri nallā tūṅkiṉīṅkaḷā? (С — 2, p. 37) 'Вы ели? Ночь спали хорошо?' (*cāppiṭṭīṅkaḷā, tūṅkiṉīṅkaḷā* вместо *cāppiṭṭīṅku, tūṅkiṉīṅku*).

[6] R. Caldwell, *A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages*, 3-rd edition, London, 1913, p. 183.

Из показателей времени наибольшему изменению в разговорной речи подвергаются показатели настоящего времени *-kkiṟ* и *-kiṟ-*. Изменения эти сводятся к опущению отдельных звуков и целых слогов. Иногда опускается слог *ki*, иногда — слог *iṟ*. В формах, образованных от корней, принимающих в настоящем времени *-kkiṟ-*, обычно опускается *iṟ*.

Например, от корня *iru-* 'быть' образуются:

	Литературные формы	Разговорные формы
Единственное число		
1-е л.	*irukkiṟēṉ*	*irukkē*
2-е л.	*irukkiṟāy*	*irukkē*
м. р.	*irukkiṟāṉ*	*irukkā*
3-е л. ж. р.	*irukkiṟāḷ*	*irukkā*
ср. р.	*irukkiṟatu*	*irukkutu, irukku*
Множественное число		
1-е л.	*irukkiṟōm*	*irukkō*
2-е л.	*irukkiṟīrkaḷ*	*irukkīṅka*
3-е л.	*irukkiṟārkaḷ*	*iṟukkāṅka*

anta ciṟukki mēṉakā iṉṉum uyirōṭē iṟukkā (С—2, p. 39) 'Эта девчонка Менака все еще жива';

ippō eṅkēyiṟukkāṉ avaṉ? (С—2, p. 39) 'Где он сейчас?';

atiltāṉiṟukkutu ṟakaciyam (С—1, p. 33) 'В этом-то весь секрет';

inta ūṟlē vantu hōṭṭallē rūm eṭuttu nāṅkaḷellām taṅkiyiṟukkōm (С—2, p. 38) 'Мы все, приехав в этот город, остановились в гостинице'.

В глаголах, образующих настоящее время при помощи суффикса *-kiṟ* , обычно опускается первая часть суффикса и на настоящее время указывает только *-r-* (иногда *-ir-*):

nī eṅkē pōṟē? (С — 2, p. 32) 'Ты куда идешь?' (*pōṟē* вместо *pōkiṟāy*);

ippa nīṅka enna ceyyar pōṟīṅka? (С—2, p. 32) 'Что вы собирает есь теперь делать?' (*pōṟīṅka* вместо *pōkiṟīrkaḷ*);

ṭākṭartāṉ colṟārē piṟāṇa payamillai yeṉṟu (С—2, p. 36) 'Доктор говорит, что опасности для жизни нет' (*colṟārē* вместо *colkiṟārē*).

В разговорных формах глаголов 3-го лица единственного числа среднего рода, образующих настоящее время с суффиксом *-kiṟ-*, показатель времени обычно вообще опускается и личное окончание присоединяется непосредственно к корню:

ceyyutu	'оно делает'	вместо	*ceykiṟatu*
collutu	'оно говорит'	вместо	*collukiṟatu*;
ōṭutu	'оно бежит'	вместо	*ōṭukiṟatu*;
pōkutu	'оно идет'	вместо	*pōkiṟatu*

(от корня *pōku*) и т. д.

Например:

ēṉ ippaṭi tiṭīṟṉu kōpam varutu ivaḷukku? (С—2, p. 35) 'Почему она так внезапно раздражается?' (*varutu* вместо *varukiṟatu*);

teriyutu, teriyutu; (С—1, p. 34) 'Понятно, понятно!' (*teriyutu* вместо *terikiratu*).

У глаголов, принимающих в настоящем времени суффикс *-kkir-*, сохраняется *kk* этого суффикса. Например, литературная форма *naṭa ṭakkiṟatu* 'оно идет' дает разговорное *na- naṭakkutu*, лит. *paṭikki-ṟatu* 'оно, читает' дает разг. *paṭikkutu* или *paṭikkitu*[7].

Множественное число 3-го лица среднего рода образуется присоединением суффикса множественного числа *-ka* (из лит. *-kaḷ*) к форме единственного числа: *ōṭutu* 'оно бежит' дает *ōṭutuka* 'они бегут' (вместо лит. *ōṭukiṉṟaṉa*); *naṭakkutu* 'оно идет' дает *naṭakkutuka* 'они идут' (вместо лит. *naṭakkiṉṟaṉa*) и т. д.

В формах, образованных от корней *varu-* 'приходить' и *taru* 'давать', суффикс настоящего времени *kiṟ-* опускается не только в 3-м лице среднего рода, но и в других лицах:

nāṉ oru tanti elutit tarēṉ (С—2, p. 36) 'Я дам телеграмму' (*tarēṉ* вместо *tarukirēṉ*; настоящее время в значении будущего).

aintu rūpāy vēṇṭumāṉālum tarrēṉ (С—2, p. 38) 'Я дам даже пять рупий, если нужно' (в *tarrēṉ* происходит удвоение *rr*, чего не бывает в литературном языке).

oru noṭiyillē varrēṉ inkē (С—2, p. 39) 'Через минуту я буду здесь'.

Показатели прошедшего времени изменяются в разговорной речи следующим образом: суффикс *-tt-* переходит в *-cc-*, а суффикс *-nt-* переходит в *-ñc-*. Например.

eṉ pēru uṉakkeppaṭit teriñcatu? (С—2, p. 38) 'Каким образом тебе стало известно мое имя?' (*teriñcatu* вместо *terintatu*):

kāvērikkuppōy kuḷiccōm (С—2, p. 38) 'Мы ходили купаться на Кавери' (*kuḷiccōm* вместо *kuḷittōm*);

pi. ē. varai paṭiccēṉ (С—1, p. 32) 'Я доучился до степени бакалавра искусств' (*paṭiccēṉ* вместо *paṭittēṉ*);

uṉākku „tarmu" ṉṉu pēr vaiccāṅkaḷē (С—1, p. 33) 'Тебе дали имя Дхарму' (*vaiccāṅkaḷē* вместо *vaittārkaḷē*).

Форма прошедшего времени от глаголов с показателем времени *-i-* в 3-м лице среднего рода единственного числа изменяет суффикс *-iṟṟu-* в *-iccu* (сочетание *ṟṟ* в разговорной речи часто переходит в *-tt-*, причем последнее в глагольной форме изменяется по общему правилу в *-cc-*):

pārppāṉai aiyareṉṟa kālamum pōccē! (J., 19—9—54) 'Прошло то время, когда брахмана называли господином!' (*pōccē* вместо *pōyiṟṟē* из *pōyiṟṟu+ē*);

rompa ṭaim āccē (С—2, p. 34) 'Уже много времени' (*āccē* вместо *āyiṟṟē*);

vīṭṭu eriñcu cāmpalāp pōcci (С—2, p. 38) 'Дом сгорел дотла' (*pōcci* вместо *pōyiṟṟu*).

Иногда эта форма на *-cci* принимает еще один показатель 3-го лица единственного числа среднего рода *-tu* (явление плеоназма), например: (*āṭu*)... *cettup pōccutu* (Tam. Read., p. 23) '[Баран]... околел'.

В некоторых диалектах окончание *-cci* принимают не только корни, образующие прошедшее время с помощью суффикса *-i(ṉ)*, но и те корни, которые принимают в прошедшем времени суффикс

[7] К. Бески (C. Beschi, *A grammar of the common dialect of the Tamil language*, Madras, 1848, p. 42) отмечает, что *k* иногда сохраняется и у слабого (с суффиксом *-kiṟ-*) глагола *сеу-* 'делать': *ceykiratu* 'оно делает' дает *ceykutu*.

-(n)t. В данном случае окончание *iccu* присоединяется к основе прошедшего времени, уже снабженной суффиксом *-(n)t*: *vanticcu* 'оно пришло' вместо *vantatu*.

Показатели будущего времени в разговорных формах изменению не подвергаются, и в этом отношении разговорные формы будущего времени не отличаются от форм литературных.

В повелительном наклонении суффикс множественного числа *-ḳaḷ* в разговорных формах переходит в *-ka* или *-kō*:

nīṅka cāppiṭṭup pōṅka (С-2, p. 38) 'Вы закусите, а потом идите';

oru līvu leṭṭarai eḻutuṅka (С-2, p. 36) 'Напишите заявление об отпуске';

nallā cāppiṭuṅkō 'Поешьте хорошенько'.

У глагола *varu* 'приходить' суффикс множественного числа *-ṅka, -ṅkō* присоединяется непосредственно к форме повелительного наклонения единственного числа:

vāṅka sār, vāṅkō (AV. 40) 'Заходите, сэр, заходите!'

В связи с этим следует отметить, что суффикс множественного числа *-ṅka* в разговорном языке не воспринимается как сочетание двух суффиксов (ср. лит. *um+kaḷ>uṅkaḷ*). Это ярко видно на примере согласования повелительных форм на *ṅka* с местоимением *nīr* (а не *nīṅgaḷ*) 'вы', как следовало бы ожидать:

um vāyait tiṟaṅka (С—2, p. 38) 'Откройте же ваш ротик' (*tiṟaṅka* вместо *tiṟavum*).

Более того, суффикс *-ṅka* в разговорной речи присоединяется для выражения вежливости к другим глагольным и даже к неглагольным формам:

kēliyā paṅṟiṅka?—illīṅka... (AV) 'Вы шутите?—Нет...' (*illīṅka* вместо *illai*);

vēṇṭāṅka (С—2, p. 39) 'Не нужно' (*vēṇṭāṅka* вместо *vēṇṭām*);

itu eppaṭiṅka uṅkaḻukkuk kiṭaiccatu? (С—2, p. 39) 'Это как вам попало' (*eppaṭiṅka* вместо *eppaṭi*).

Корни глаголов также подвергаются в разговорной речи изменениям, иногда весьма существенным. Так, корень сравнительно часто употребляемого глагола *viṭu* 'оставлять', 'покидать', когда этот глагол следует после деепричастия, обычно теряет начальное *v*, а иногда и весь слог *vi*, и от корня остается лишь *ṭu* (или даже *ṭ*):

cāmāviṉ pēccaik kēṭṭu eṉ cuya puttiyai nān iḻantuṭṭēṉ (С—2, p. 42) 'Слушая речи Самы, я потерял свой собственный разум' (*ṭṭēṉ* вместо *viṭṭēṉ*);

nalla vēḷaiyā ṭiraivar prēkkaip pōṭṭuk kārai niṟuttiṭṭāṉ (С—2, p. 37) 'К счастью, шофер дал тормоза, и остановил машину' (*ṭṭāṉ* вместо *viṭṭāṉ*);

oru mācattukkuḷḷē kuṇamāyiṭum (С—2, p. 36) 'Через месяц выздоровеет' (*iṭum* вместо *viṭum*);

nān metrās pōṉavuṭaṉ uṅkaḻukku cekkā aṉuppiṭuṟēṉ (С—2, p. 38) 'Как только приеду в Мадрас, я вышлю вам чек' (*ṭuṟēṉ* вместо *viṭṭukiṟēṉ*);

nām rompa mōcam pōy iṭṭōm (С—2, p. 32) 'Нас здорово провели' (*iṭṭōm* вместо *viṭṭōm*);

mēṉakāvai maṟantuṭuṅka (С—2, p. 32) 'Забудьте Менаку' (*ṭuṅka* вместо *viṭuṅkaḷ*).

Подобное сокращение корня объясняется неустойчивостью звука *v*. В разговорной речи лабиодентальное *v* часто переходит в била-

биальное *w* с последующим исчезновением[8], чему в значительной мере способствует чрезвычайно быстрый темп речи.

Другой причиной изменения глагольных корней в разговорных формах является регрессивная ассимиляция: *ukkāruṅka* (С—2, р. 33, 37, 35) 'присаживайтесь' из *uṭkāruṅkaḷ* (корень *uṭkār-*). Чаще всего это явление наблюдается в формах настоящего времени, где *k* суффикса уподобляет себе конечный звук корня: корень *nil-* 'стоять' дает лит. *nirkiṟēṉ* 'я стою' (неполная ассимиляция) и разг. *nikkiṟē* (полная ассимиляция), лит. *pārkiṟēṉ* дает разг. *pākkiṟē*. Например:

maṉuṣyaṉukku cukaṅkiṟatu paṇattilā irukku? (Ti. Ja., К. м., р. 138) 'Разве в деньгах счастье?' (*ṅkiṟatu* из *eṉkiṟatu* — неполная ассимиляция);

itō nikkirārē! (Ti. Ja., С. г., р. 29) 'Вон он стоит!' (Корень *nil-* дает лит. *nirkiṟārē* с неполной ассимиляцией и разг. *nikkiṟārē* с полной ассимиляцией).

В корнях на *-ṭu* (*paṭu-* 'испытывать', *cāppiṭu* 'есть' и т. д.) иногда опускается конечное краткое *u*. Например:

nāṉ puṟappaṭṟēṉ (С—2, р. 38) 'Я отправляюсь' (*paṭṟēṉ* вместо *paṭukiṟēṉ*);

cāmā...ēṉ. pavappaṭṟē? (С—2, р. 38) 'Чего ты боишься, Сама?' (*paṭṟē* вместо *paṭukirāy*);

itukkēṉ payappaṭṟīṅka? (С—2, р. 42) 'Почему вы боитесь этого?' (*paṭṟīṅka* из *paṭukiṟīrkaḷ*).

В прошедшем времени глаголов, корни которых исходят на *l* или *ṉ*, иногда имеет место субституция, затрагивающая не только показатель времени, но и корень: *niṉṟēṉ* 'я стоял' переходит в *niṉṉē*; *tiṉṟēṉ* 'я съел' переходит в *tiṉṉē*; *koṉṟu* 'убив' переходит в *koṉṉu*.

В ряде случаев происходит переогласовка корня: дифтонг *ai* упрощается и в произношении *ei* переходит в *e*, а в произношении *ai*— в *a*, сочетание *āy* также переходит в *ā*: *aṭaintēṉ* дает *aṭeñcē* 'я достиг', *ārāyntēṉ—ārāntē* 'я исследовал'. Гласный *o* корня *koṭu-* 'давать' переходит в *u*. Примеры:

peruntēvi, anta leṭṭarai eṅkē vaccē? (С—2, р. 36) 'Перундеви, куда ты положила то письмо?' (*vaccē* из *vaittay*);

eṉakku yāru kuṭuppāṅka? (С—1, р. 34) 'Кто мне даст?' (*kuṭuppāṅka* из *koṭuppārkaḷ*).

Значительному изменению подвергается в прошедшем времени корень глагола *koḷ-* 'брать': *o* корня переходит в *i*, а суффикс прошедшего времени *-t-* церебрализуется и ассимилирует конечный согласный корня: *ḷ+t=ṭṭ* (вместо *ṇṭ* в литературных формах):

ellārum cērntu eṉṉai paiṭṭiyamākak kiṭṭāṅka (С—2, р. 32) 'Все вместе бешено схватили меня' (*kiṭṭāṅka* вместо *koṇṭārkaḷ*);

nāṉ iḷaṉculēyē kaliyāṇam paṇṇik kiṭṭēṉ (Pu., Р. с., р. 15) 'Я женился в ранней молодости' (*kiṭṭēṉ*< *koṇṭēṉ*); *niṉṉukiṭṭup pēcarīṅka lē, ukkārac colluṅka* (С—2, р. 33) 'Что вы разговариваете стоя? Предложите сесть' (вместо *niṉṟukoṇṭu pēcukiṟīrkaḷē uṭkārac colluṅkaḷ*).

Некоторые особенно часто употребляемые слова в потоке живой речи сокращаются настолько, что от них остается два-три звука. Это относится в первую очередь к различным формам глагола *eṉ-* 'говорить' и к слову *vēṇṭum* 'нужно'. Последнее, помимо разговорной

[8] Ср. диалектное (Маттаккалаппу) *ūṭṭil* 'в доме' от лит. *vīṭṭil* (M. E. Veerabahu, S. A. Ramasami, *Tamil and the Tamils*, Madras, 1953), p. 90.

формы *vēṇum*, дает (при сочетании с инфинитивом) *ṇū* (пишется *ṇum*):

ammā, inta pōṭṭō vēṇumā? (Ampi, р. 48) 'Мама, эта фотография нужна?';

iṉṟō pōkaṇum (С—1, р. 32) ‚Сейчас нужно идти' (*pōkaṇum*<*pōkavēṇṭum*).

Формы глагола *eṉ-* 'говорить' обычно теряют начальное *e* и подвергаются действию ассимиляции или теряют *ṟ* в прошедшем времени:

ṇīṟ prōpraiṭṭarṅkaṟēḷ... (AV, р. 40) 'Вы говорите, что вы—хозяин [фотографии] ...' (*ṅkaṟēḷ*<*eṉkiṟīrkaḷ*); *pēppaṟlē eṉṉamō aticayam ṇē* (AV, р. 38) 'Ты говорила, что в газете есть что-то любопытное' (*ṇē*<*eṉṟāy*).

В неличных и отрицательных формах происходят те же процессы, что и в личных: в условном и отрицательном деепричастиях опускается конечное *l*, деепричастие *āy* от *ā-* 'становиться' теряет конечный звук, отрицание *illai* переходит в *illē*. Например:

illēṉṉā nīṅkaḷum uṅka ammāvumāc cērntu kuṭuttaṉam naṭattik koṅkō (Ti. Ja., К. *м.*, р. 83) 'Если вы не согласны, то можете со своей матерью вести хозяйство сами' (*illēṉṉā*<*illai eṉṟāl*);

atukku ṭaim illēṉṉu tāṉ yōcikkiṟēṉ (С—2, р. 36) 'Я думаю что для этого нет времени' (*ṉṉu*<*eṉṟu*);

atuvumillāmē atilē tāṉ vaiṭamiṉ irukku (С—2, р. 38) 'Кроме того, в нем есть витамины' (*illāmē*<*illāmal*);

avacaramā reṇṭu rūpā tēvai (С—2, р. 38) 'Срочно нужны две рупии' (вместо *avacaraṃāy iraṇṭu rūpāy tēvai*).

При сочетании с инфинитивом отрицание *illai* принимает форму *lē*:

eṉṉa colṟē oṉṉumē puriyalēyē (С—2, р. 31) 'Я ничего не понял из того, что ты говоришь' (*puriyalēyē*<*puriyavillaiyē*);

nī oṟu tavaṟum ceyyalē (С—2, р. 32) 'Ты не сделал никакой ошибки' (*ceyyalē*<*ceyyavillai*). Иногда *illaiyē* переходит в *illiyē*:

nāṉ pārkkavē illiyē! (AV, р. 39) 'Я не видел!';

uṉṉaip pārttā appaṭi oṉṉum teriyalliyē! (С—1, р. 33) 'По тебе этого не скажешь' (букв. 'если на тебя посмотреть, ничего такого не покажется').

В глагольных именах обычно изменяется только показатель времени:

pōy pēcaṟatil makā nipuṇar (С—1, р. 33) '[Он] большой мастер врать' (*pēcaṟatil*<*pēcukiṟatil*);

uṉ kūṭa iruntu cāppiṭaṟatukkē maṇaṅ koḷḷalē... (Pu., Р. с., р. 15) 'Я не могу оставаться с тобой и есть твой хлеб...' (*cāppiṭaṟatukkē*<*cāppiṭukiṟataṟkē*).

Причастные имена изменяются по аналогии с личными формами:

avaṅka koñca kālattukku muṉṉē teṟkēyiruntu vantavaṅka (К., р. 53) 'Они некоторое время тому назад приехали с юга' (*vantavaṅka*<*vantavarkaḷ*).

В отрицательных формах повелительного наклонения суффикс множественного числа изменяется по общему правилу:

„*sār, ṭikkaṭ... tūṅkātīṅka*" *eṉṟāṉ kaṇṭakṭar* (Ampi, р. 12) '„Господин, Ваш билет... Не спите",—сказал кондуктор' (*tūṅkātīṅka*< *tūṅkātīrkaḷ*).

Суммируя изложенное выше, можно сказать, что разговорные формы глагола отличаются от литературных следующими чертами:

1) опущением конечных согласных, образованием гласных окончаний и широким распространением назализации (*-ē,-ā,-ṅka*). Исключение составляет окончание третьего лица множественного числа-*ār*, где та же цель (образование гласного окончания) достигается суффиксацией *-u* (ср.: *pēru* 'имя' из *pēr*; *yāru* 'кто' из *yār*; *avaru* 'они' из *avar* и т. д.);

2) упрощением суффикса настоящего времени-(*k*)*kiṟ* за счет опущения начального звука (*kiṟ-hiṟ-iṟ*) или двух конечных (*-kkiṟ→-kk*);

3) палатализацией звуков, составляющих суффикс прошедшего времени (*nt→ñc*, *tt→cc*);

4) упрощением дифтонгов корня за счет опущения их второго компонента (*ai*, *āy→ă*, *ei→e*);

5) регрессивной ассимиляцией (полной и неполной) на стыке двух согласных (*ukkāru* 'садись' из *uṭkār*; *ṅkiṟē* 'говорю' из *eṉkiṟēṉ*);

6) субституцией групп согласных (в тех случаях, когда дальнейшая ассимиляция невозможна) удвоенной согласной: *ṉṟ* (произносится *ndr*)→*ṉṉ*.

Помимо отмеченных наиболее характерных черт имеются и другие, не столь регулярно наблюдаемые (*kēṭkiṟēṉ* 'слушаю' дает *kēkkiṟē*, *kēkkaṟē*, *kēkkuṟē*) или проявляющиеся лишь в отдельных глаголах (*viṭu-* 'оставлять'>*iṭu-*, *ṭu-*, *ceytēṉ* 'я сделал'>*ceñcēṉ*; *piṭikka* 'хватать'>*puṭikka*) и т. д. Все они обусловлены фонетическими причинами и имеют целью облегчить произношение при чрезвычайно быстром темпе речи, характерном для дравидийских языков.

Разумеется, в тех или иных разговорных формах могут не проявляться сразу все отмеченные выше черты. Так, например, наряду с формой *aṭeñcē* 'я достиг' от *aṭaintēṉ* могут встречаться и такие формы, как *aṭaiñcēṉ*, наряду с *vaccē* 'я положил' от *vaittēṉ*—форма *vaiccēṉ* и т. д. Здесь наблюдается приблизительно то же явление, что и в разговорном стиле русского языка, где также можно различить несколько вариантов—более полный (Здрасте, Альсан Альсанч) и более небрежный (Здрась, Сан Санч) [9].

Необходимость подробного изучения разговорных форм, широко употребляющихся в современном тамильском языке, очевидна. Без их знания невозможно понимать современную художественную литературу, не говоря уже об устной речи. Однако помимо чисто практической пользы изучение разговорных форм весьма интересно и многообещающе с точки зрения диалектологии, исторической и сравнительной грамматики. Так, например, зная о неустойчивости конечного *l* (как в *āṉā* из *āṅāl* 'но', *ceytā* из *ceytāl* 'если сделать'), мы вправе предположить происхождение современного инфинитива из глагольного имени на *-(kk)al*, ср. *ceyya* 'делать' и *ceyyal* 'дело', 'поступок', *pāṭa* 'петь' и *pāṭal* 'пение', *pārkka* 'смотреть' и *pārkkal* 'смотрение', *kēṭka* 'слушать' и *kēṭkal* 'слушание' (как в *pārkkalām*, *kēṭkalām*, где устойчивости *l* способствует последующее *ā*). С другой стороны, следует быть чрезвычайно осторожным при попытках проникнуть в глубь дописьменной истории тамильского языка, так как аналогичные изменения и сокращения форм могли иметь место в течение долгого периода времени, предшествовавшего появлению письма.

[9] «*Грамматика русского языка*», т. I, стр. 57.

Условные сокращения

Ampi	— «Ampikai», Ceṉṉai, 1946.
AV	— *Ānanta vikaṭaṉ*», Ceṉṉai, 1956, 2-nd September.
BSOAS	— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London Institution.
C—1	— «Citrā», Ceṉṉai, Janavari, 1955.
C—2	— «Citrā», Ceṉṉai, Pipravari, 1955.
J.	— «Janacakti», Ceṉṉai, 1954, 19 September.
K.	— «Kalki», Ceṉṉai, 1956, 2 September.
Pu., P. c.	— Putumaippittaṉ, *Paṭiṅkuc cīlai*, Ceṉṉai, 1955.
Tam. Read.	— G. U. Pope, *Tamil prose reader*, 7-th edition, Oxford, 1906.
Ti. Ja., C. r.	— Ti. Jāṉakirāmaṉ, *Civappu rikṣū*, Ceṉṉai, 1956.
Ti. Ja., K. m.	— Ti. Jāṉakirāmaṉ, *Koṭṭu meḷam*, Ceṉṉai, 1954.

А. С. Теселкин

О «СПРЯГАЕМЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА» В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Вопрос о «спрягаемых формах глагола» освещается в ряде работ зарубежных специалистов по индонезийскому языку, но окончательно до сих пор не решен. Существует несколько точек зрения на грамматическое значение «спрягаемых форм» и на формальные признаки, выделяющие эту категорию из тех слов индонезийского языка, которые по своим функциям в предложении близки к глаголам индоевропейских языков. Ряд выводов относительно «спрягаемых форм» был сделан на материале классического малайского языка, который, как известно, отличается от индонезийского языка, поэтому они нуждаются в проверке на материале современного индонезийского языка.

Рассматривая вопрос о «спрягаемых формах», исследователи обычно ставили перед собой задачу доказать, что «спрягаемые формы» сходны с формами глаголов индоевропейских языков, или стремились найти в них значения, близкие к значениям глаголов индоевропейских языков. В данной статье ставится задача более четко и более полно, чем это сделано в прежних работах, описать формальные признаки указанной грамматической категории, отличающие ее от других грамматических категорий индонезийского языка, и показать ее общее грамматическое значение. Статья не преследует цели доказать сходство «спрягаемых форм» с категориями индоевропейских языков. Это связано с проблемой частей речи в индонезийском языке, как известно, еще не разрешенной, хотя отдельные попытки в ее решении уже сделаны [1].

В статье рассматривается вопрос о том, к а к функционирует данная категория. Вопрос о том, п о ч е м у данная категория функционирует определенным образом или почему она имеет такие-то формальные признаки и такое-то грамматическое значение, в статье не решается. Это объясняется тем, что нельзя ответить на вопрос, п о ч е м у язык функционирует определенным образом, если еще не известно доподлинно, к а к функционирует данный язык. В частности, не решен еще ряд вопросов, связанных с использованием в индонезийском языке «спрягаемых форм»:

[1] В этом отношении интересны работы индонезийских лингвистов, например: A. Pane. *Mentjari sendi baru tata bahasa indonesia,* Djakarta, 1950; T. Alisjahbana, *Tatabahasa baru bahasa indonesia,* Djakarta, 1955.

а) Существует ли различие в значении конструкций sūrat ini kutulis и surat ini aku tulis (обе конструкции можно перевести одинаково: ‘это письмо пишется мною’ или ‘я пишу это письмо’)?

б) Какую роль играет порядок слов в предложении, где имеется «спрягаемая форма»?

в) Насколько часто употребляется конструкция типа *surat in aku sudah tulis* (‘это письмо написано мною’ или ‘я написал это письмо’)? Считать ли ее употребляющейся параллельно конструкции типа *surat ini sudah kutulis* (‘это письмо написано мною’ или ‘я написал это письмо’)?

г) Существует ли различие в употреблении и в грамматическом значении между *kutanja* и *tanjaku* (оба слова можно перевести одинаково: ‘я спрашиваю’, ‘спросил я’)?

Число еще не решенных вопросов, относящихся только к функционированию «спрягаемых форм», не ограничивается перечисленными. Однако ответа на них в известных автору работах по грамматике индонезийского языка не дано.

«Спрягаемые формы»—это, на наш взгляд, центральная проблема глагола индонезийского языка или точнее, тех групп слов в индонезийском языке, которые по своим функциям в предложении сходны во многих отношениях с глаголом индоевропейских языков. Вопрос о «спрягаемых формах» связан с проблемой так называемой корневой формы глагола и производных с префиксом *me-*, а также рядом других проблем.

Называя несколько групп слов индонезийского языка «глаголом», мы вовсе не хотим сказать, что они совпадают с глаголом индоевропейских языков по их грамматическим значениям. Можно говорить лишь об их частичном сходстве. Вопрос о «спрягаемых формах» рассматривается в данной статье на материале языка современных художественных произведений и современной прессы Индонезии, языка, на котором говорят образованные индонезийцы и ведется официальная и деловая документация в Индонезии. Конечно, наряду с этим общегосударственным, принятым за норму языком существуют диалекты, например джакартский[2], диалект малайского языка, распространенный на Молуккских островах. Они иногда заметно отличаются по своему грамматическому строю от индонезийского языка. Естественно, эти диалекты и индонезийский язык оказывают друг на друга непрерывное влияние. Материалом для настоящей статьи послужил именно индонезийский язык, а не разговорные диалекты малайского языка, употребляющиеся в различных районах Индонезии.

Классический малайский язык и тем более малайский литературный язык XIX—начала XX в. по своему грамматическому строю и основному словарному составу очень близки к современному индонезийскому языку. Поэтому кажется вполне правомерным использование работ по грамматике малайского классического языка и малайского литературного языка XIX—начала XX в. наряду с работами по индонезийскому языку.

В связи с тем, что настоящая статья является одной из первых работ по грамматике индонезийского языка в нашей стране, автор

[2] Индонезийский язык до 30-х годов нашего века назывался малайским, диалекты же этого малайского языка сохранили до сих пор свои названия, за исключением джакартского (батавского) диалекта.

счел уместным кратко коснуться таких вопросов, как общая характеристика грамматического строя и глагола индонезийского языка.

II. Индонезийский язык имеет ярко выраженный аналитический строй. Склонение и спряжение отсутствуют, большую роль играет порядок слов. Для языка характерна постпозиция определения. Различные аффиксы (в основном префиксы) являются словообразующими морфемами (за немногими исключениями). Отношения между словами в предложении выражаются главным образом при помощи порядка слов и служебных слов.

Слово, не оформленное аффиксом, состоит обычно из двух слогов. Существует множество таких корневых слов, конкретное грамматическое значение которых невозможно часто узнать, если не рассматривать их в предложении в определенной ситуации. Здесь, видимо, следует говорить не о том, что одно и то же слово выполняет различные грамматические функции, как это обычно принято утверждать, а о двух различных словах, каждое из которых имеет в предложении свою форму. При этом понятие «форма» не ограничивается морфологическими признаками слова, потому что в индонезийском языке нет морфологии в строгом смысле этого слова, т. е. словоизменяющие аффиксы почти полностью отсутствуют. Поэтому для проведения четкого разграничения слов индонезийского языка по частям речи к формальным признакам слова следует отнести, на наш взгляд, и такие, как способность принимать определенные словообразовательные аффиксы, сочетаемость с другими категориями слов, роль слова в предложении [3].

Следующие примеры дают представление о слове индонезийского языка:

Basuki hendak **duduk** *pada tempat* **duduk** (A. P., K. a. m., p. 42) ‘Басуки хотел сесть на стул’ (дословно: ‘на место сидения’) Здесь **duduk** употребляется в качестве части сказуемого и определения;

Menjusun barang-barang memang termasuk satu ketjakapan jang istimewa pula (MP, p. 2) ‘Размещение предметов также является действительно делом особого умения’. Здесь глагол *menjusun* употребляется в качестве части подлежащего.

В индонезийском языке широко употребляется способ словосложения, причем компонентами сложного слова могут быть как корневые слова, так и производные. Очень развито частичное или полное удвоение.

Глагол в индонезийском языке представлен словами корневыми, производными, образованными при помощи аффиксов, и сложными, образованными при помощи словосложения или редупликации. Например, от корня *adjar* существуют следующие производные:

beladjar ‘учиться’;
mengadjar ‘учить’, ‘обучать’;
mengadjarkan ‘преподавать’ (что-либо);
mempeladjari ‘изучать’;
diadjar ‘быть обучаемым’;
terpeladjar ‘образованный’, ‘обученный’;

[3] Подобные же соображения высказывались во время состоявшейся в конце 1956 г. дискуссии по вопросу о частях речи в китайском языке. См.: В. М. Солнцев, *Проблема частей речи в китайском языке* («Вопросы языкознания», 1956, № 5).

kuadjar ‘обучается (обучался, обучалась, обучаются, обучались) мною’;
kuadjar ‘обучается (обучался, обучалась, обучаются, обучались) тобою’.

От корня *tjinta*:
mentjintai ‘любить’ (кого-либо);
bertjinta-tjintaan ‘любить друг друга’;
ditjintai ‘быть любимым’.

III. Что же представляют собой так называемые «спрягаемые формы» в индонезийском языке?

В примерах на производные от корня *adjar* мы привели формы *kuadjar* и *kauadjar*, состоящие из двух элементов: корня и префикса[4]. Эти формы объединены общим грамматическим значением: они выражают состояние объекта, на который переходит действие, исходящее от субъекта. Морфемы *ku-* и *kau-* называют лицо и число субъекта действия. Предложения с этими формами имеют следующий вид:

Anak ini kuadjar ‘Этот ребенок обучается мной’;
Anak ini kauadjar ‘Этот ребенок обучается тобой’.

Итак, *kuadjar* и *kauadjar* имеют формообразующие морфемы *ku-*, *kau-*. Это и дало повод к названию «спрягаемые формы». Действительно здесь имеется частичное сходство с личными формами глагола индоевропейских языков. Наряду с этим названием употреблялись и продолжают употребляться и другие названия: «форма пациенса», «мгновенные формы» и др.

Еще в конце прошлого века появились работы, в которых рассматривался вопрос о «спрягаемых формах». В общем почти все языковеды соглашались с тем, что эти формы сходны с индоевропейскими глагольными формами. Однако по поводу различных значений их до сих пор нет единой точки зрения. Разберем основные работы, в которых рассматривается этот вопрос.

IV. В родственном индонезийскому яванском языке имеются формы почти аналогичные «спрягаемым формам» индонезийского языка. Предложения на яванском языке, содержащие подобные формы, имеют следующий вид:

Andaran iki daktulis ‘Эта статья пишется мною’;
Andaran iki kotulis ‘Эта статья пишется тобою’.

Таким образом, по своей структуре и грамматическому значению эти формы почти совпадают в обоих языках.

Языковеды начали исследовать эти формы в яванском языке (Роорда и др.). В первых работах эти формы получили название «субъектный пассив». В дальнейшем этот термин стал применяться и к подобным формам малайского языка[5].

Языковеды, начавшие изучать «спрягаемые формы» в малайском языке, считали, что эти формы, или глагольный корень, выражают пассив. Отсюда и получила распространение ошибочная точка зрения, согласно которой малаец якобы из врожденной ему вежливости и скромности предпочитает употреблять форму пассива. Так, Поль Фавр пишет: «Малайцы употребляют пассивную форму глагола гораздо чаще, чем активную, как в разговорном языке, так и в лите-

[4] Вопрос о том, является ли морфема *kau* в данном случае префиксом или самостоятельным словом, нам кажется еще не выясненным.

[5] В данном случае имеется в виду литературный малайский язык, ведущий свое начало от языка малайской классической литературы.

ратурном... Каждый корень, имеющий значение глагола и способный стать активным глаголом при присоединении к нему префикса *me-*, следует считать находящимся в пассивном залоге»[6]. Ясно, что Фавр считает одну корневую форму глагола способной выражать значение пассива. Он рассматривает глагольный корень изолированно, вне связи с другими элементами языка в предложении. Однако он не приводит примеров, которые могли бы убедительно доказать его точку зрения.

Тенделоо[7] делает попытку разбить слова малайского языка на две большие группы: слова-субъекты и слова-предикаты. Последние, по его мнению, играют в предложении главным образом роль сказуемого или определения. Слова-предикаты он делит на две подгруппы: слова в корневой форме и производные с префиксами *di-* или *per-*, с одной стороны, и производные с префиксами *me-* и *ber-* — с другой. Подсчитав случаи употребления обеих подгрупп в произведении малайской классической литературы «*Sedjarah Melaju*», Тенделоо пришел к выводу, что слова первой подгруппы употребляются прежде всего в качестве главного слова сказуемого (под главным словом сказуемого он понимает личную форму глагола в индоевропейских языках) и близки по своим функциям к личным формам глагола в индоевропейских языках, а слова второй подгруппы употребляются чаще в качестве именных форм глагола.

В своей статье Тенделоо выступил против традиционного взгляда, согласно которому глагол в корневой форме или с местоименным префиксом считался грамматическим пассивом, а форма с префиксом *me-* — глаголом в форме действительного залога.

Тенделоо считал, что глагол в корневой форме выражает действие как таковое, как факт, и назвал эту форму аористом. В противоположность аористу формы с *me-* названы дюративными, так как они, по его мнению, заключают в своем значении оттенок длительности действия. «В то время как корневая форма,—пишет Тенделоо, — выражает глагольное понятие как таковое, производное с префиксом (имеется в виду префикс *me-*.—*А.Т.*) выражает то же глагольное понятие, но с тем оттенком, что к этому понятию примешивается представление об определенной длительности»[8].

Что касается «спрягаемых форм», то Тенделоо оставил их без подробного рассмотрения, считая их редко употребляемыми исключениями. Однако он указывал, что этим формам свойственна тесная спайка обоих компонентов и что они сходны с личными формами глагола индоевропейских языков.

Заслуга Тенделоо в том, что он применил синтаксический критерий при определении грамматических значений слов малайского языка, в то время как до него грамматическое значение пытались выводить из самого слова, беря его вне связи с другими элементами предложения.

Но очевидны и ошибки Тенделоо. Определяя грамматическое значение слова, он исходил в основном только из того, каким членом предложения является данное слово и какими частями речи выражается

[6] Paul Favre, *Grammaire de la langue malaise,* Vienne, 1876, p. 129.

[7] H. J. E. Tendeloo, *Feiten en cijfers uit de Sedjarah Melaju in verband met enkele betwiste hoofdpunten der maleische grammatica* (TTLV, XL, Batavia — s'Hage, 1898).

[8] Ibid., p. 113.

этот член предложения в индоевропейских языках. Разделяя слова малайского языка по значению на слова-субъекты и слова-предикаты, Тенделоо не нашел ясных критериев для такого разделения и вынужден был признать, что слова-субъекты могут употребляться вместо слов-предикатов и наоборот[9]. Не были определены также специфические признаки «корневой формы глагола». К ней Тенделоо относил две различные группы слов. Утверждение, что корневая форма глагола представляет действие как таковое, как факт, а форма с *me-* заключает в себе оттенок значения длительности,—также не было доказано.

Другой голландский ученый Ван Опхойсен[10] поставил перед собой задачу выяснить, есть ли в малайском языке формы, которые по своему грамматическому значению и по способу выражения этого значения походили бы на глагол индоевропейских языков.

Исследуя формы *kudjual* 'продается мной', *kaudjual* 'продается тобой', Опхойсен пришел к выводу, что они очень похожи на личную форму глагола индоевропейских языков. Это общее — прежде всего в тесной связи местоименного префикса и глагольного корня. Эта тесная связь остается и тогда, когда вместо префикса употребляется полная форма личного местоимения. Например, *engkau djual* 'продается тобой'. Она, по мнению Опхойсена, настолько прочна, что между двумя частями сочетания нельзя вставить какое-либо другое слово, например такие служебные слова, как *sudah* 'уже', *belum* 'еще не', *tidak* 'не' и другие, а конструкции типа *Aku sudah djual* 'Я [уже] продал', *Kau belum djual* 'Ты еще не продал' и им подобные в малайском языке невозможны.

Такие слова, как *datang* 'приходить', *tidur* 'спать', *sakit* 'больной', 'болеть', а также формы с префиксами *me-*, *ber-* отличаются от слов типа *djual,* потому что они не вступают в тесную связь с местоимениями, и между ними и местоимениями можно вставлять другие слова. Например, обычно говорят *aku belum tidur* 'я еще не спал', *engkau sudah datang* 'ты уже пришел'. Но никогда не говорят *kutidur* или *kumendjual*.

Опхойсен не согласен с мнением Тенделоо о том, что корневая форма глагола выражает действие как таковое, а форма на *me-* имеет дюративное значение[11]. Различие между этими группами, как указывает Опхойсен, состоит в том, что «спрягаемая форма» употребляется тогда, когда объект действия играет в предложении главную роль, выступая в роли подлежащего, форма на *me-* тогда, когда на первый план в предложении выступает слово, являющееся субъектом действия, или когда выделяется действие. Слово, выражающее субъект действия, играет в этом случае роль подлежащего.

Таким образом, в предложении *aku mendjual kuda itu* 'я продаю эту лошадь' *aku* 'я' играет роль подлежащего, а в предложении *kuda itu kudjual* (или *aku djual*) роль подлежащего играет слово *kuda* 'лошадь', являющееся объектом действия.

Однако, продолжает Опхойсен, из всего этого вовсе не следует, что при переводе на один из индоевропейских языков нужно употре-

[9] Ibid.

[10] Ch. van Ophuisen, *Maleische taalstudien* (TTLV, XLVI, Batavia — s'Hage, 1903).

[11] Опхойсен утверждал, что подобное видовое различие следует скорее искать между «спрягаемой формой» и формой на *me-*, с одной стороны, и формой на *ber-* — с другой.

бить в первом предложении (т. е. *aku mendjual kuda itu*) глагол в активном залоге, а во втором—глагол в пассивном залоге. При переводе важно лишь в первом предложении выделить субъект действия или действие, а во втором объект действия. В индоевропейских языках подобное выделение можно осуществить и при помощи одного логического ударения, не применяя грамматические способы. Вместе с тем Опхойсен признает, что «спрягаемые формы» выражают в малайском языке значение, близкое к значению пассива, хотя и нельзя говорить о тождестве этих значений, как нельзя и приписывать категории индоевропейских языков языкам других групп.

Важно замечание Опхойсена о том, что «спрягаемая форма» свойственна только глаголам, имеющим объект. Употребление в предложении этих форм без объекта крайне редко. Следовательно, он считает «спрягаемую форму» свойственной в малайском языке только переходным глаголам.

Опхойсен впервые подробно охарактеризовал и выделил как особую категорию слов «спрягаемые формы» в малайском языке. Очень важно, что он дифференцировал группу слов, которую ранее объединяли в одну категорию «корневой формы». В этом его несомненная заслуга.

В работе Опхойсена имеется и ряд ошибочных утверждений. Он считал, что при выделении действия, имеющего субъект и объект, употребляется форма с префиксом *me-*. Согласно взглядам других языковедов, в данном случае обычно употребляется «спрягаемая форма»[12]. На самом деле так вопрос ставить нельзя. Ведь «спрягаемая форма» выражает состояние объекта действия, а форма с префиксом *me-*—состояние субъекта действия.

Что касается утверждения Девалля о том, что нарушение тесной связи между местоимением и корневой формой глагола будто бы представляет собой обычное явление, то оно, видимо, основано на примерах из разговорного языка, так как в литературном малайском языке нарушение подобной связи считается исключением из общего правила. По правилам современного индонезийского языка конструкция типа *akan kita tjoba terangkan* ‘мы попытаемся объяснить’, *aku baru angangkan* ‘я только что осознал’ считается исключением[13].

Стремление найти в аффиксах глагольных слов малайского языка видовое значение наиболее ярко выражено в работе Катса[14]. Катс считает, что формы с префиксами *ku-*, *kau-* выражают начальную стадию действия. Эти формы, по его мнению, обычно не указывают на конечный результат действия. Например: *Kupandjat pohon itu, tiada terpandjat* ‘Я полез на это дерево, но не мог влезть’.

В этом предложении, утверждает Катс, форма *kupandjat* выражает начальную стадию действия ‘я полез’, а форма *terpandjat* выражает конечную стадию действия ‘влез’.

Конечно, можно подобрать немало примеров, в которых «спрягаемые формы» выражают начальную стадию действия, однако не меньшее число примеров свидетельствует об обратном.

Неправильно, на наш взгляд, утверждение некоторых языковедов

[12] Von Dewall, *Enige opmerkingen op maleische taalstudien,* TTLV., XLVIII, Batavia — s'Hage, 1906.

[13] См.: Pant *Gedjala² baru* («Medan Bahasa», 1956, № 1, Djakarta).

[14] Kats, *Spraakkunst en taaleigen van het maleisch,* III druk, Weltevreden, 1930.

о том, что «спрягаемая форма» представляет действие как однократный акт, что она не может иметь значение длительного действия. Против этого утверждения говорят наряду с прочими следующие примеры:

Kupandangi wadjahnja lama-lama dari samping (Р. А. Т., К., р. 236) ‘Долго **я глядел** со стороны на ее лицо’;

Tambah lama kuperhatikan tingkah-lakunja bertamba terang-lah olehku bahwa ia adalah termasuk wanita jang tidak sederhana hatinja (Р. А. Т., К., р. 216) ‘Чем больше **я присматривался** к ее поведению, тем яснее становилось мне, что она относится к женщинам необычайной души’.

Поэтому Фоккер[15] прав, утверждая, что в индонезийском языке видовая характеристика действия выражается не при помощи глагольных аффиксов, а иными средствами (при помощи усилительных частиц *-lah*, *-pun*, глагола *ada*(*adalah*), редупликации и т. д.).

Английский языковед Уинстедт не дает достаточно четкого определения значений глагольных аффиксов малайского языка. Говоря о том, выражают ли префиксы в малайском языке залоговые значения, он пишет: «В целом будет правильно сказать, что простой глагол (т. е. глагол в корневой форме.—*А. Т.*) находится в активном залоге, но по существу имеется слишком много исключений, слишком много случаев, когда и простой глагол, и производный могут выражать как активный, так и пассивный залог...

...Контекст определяет залог. Один префикс выражает в общем активный, другой—пассивный залог, но с исключениями»[16].

С. А. Меес предложил ввести термин «форма пациенса» для «спрягаемых форм», так как, по его мнению, эти сочетания употребляются главным образом тогда, когда основное внимание обращено на объект действия[17]. По существу С. А. Меес не добавил ничего нового к тому, что было сделано Опхойсеном.

Эмейс[18] ввел понятия «субъектной» и «объектной» конструкций. К первым относятся конструкции, в которых субъект действия стоит перед самим действием и объектом, а ко второй — конструкция, при которой объект действия предшествует действию и субъекту действия.

Таким образом, в примерах: *kubatja buku ini* ‘я читаю эту книгу’, *saja batja buku ini* ‘я читаю эту книгу’, *saja membatja buku ini* ‘я читаю эту книгу’ – представлена субъектная конструкция, а в *buku ini kubatja* ‘эта книга читается мною’, *buku ini saja batja* ‘эта книга читается мною’—объектная конструкция.

По мнению Эмейса, в значении трех субъектных конструкций нет различий. Но с этим трудно согласиться. Конечно, существует множество случаев, в которых эти различия не проявляются с достаточной ясностью. Однако является неоспоримым, что подобные различия существуют, особенно между значениями «спрягаемых форм» и форм с префиксом *me-*. Так, например, если выделяется объект действия, то обязательно употребляется форма с префиксом *me-*+носовой звук, а «спрягаемая форма» в таком случае не может употребляться.

[15] A. A. Fokker, *Inleiding tot de studie van indonesische syntaxis,* Groningen — Djakarta, 1950, p. 45.

[16] Winstedt, *Malay grammar,* Oxford, 1939, p. 60—69.

[17] C. A. Mees, *De beknopte maleische grammatika,* Santpoort, 1931, p. 111.

[18] Emeis, *Inleiding tot de studie van bahasa indonesia,* Djakarta, 1949.

Индонезийский лингвист Армейн Пане[19] «спрягаемую форму» рассматривает как одно слово, которое может играть в предложении роль лишь одного члена предложения. В подтверждение этого он ссылается на отсутствие краткой паузы между элементами, составляющими сочетание, и отсутствие самостоятельного ударения[20] у местоименного элемента сочетания. Связано это, по мнению Панэ, с тем, что субъект действия, выражаемый местоименным префиксом, входящим в состав «спрягаемой формы», не имеет самостоятельного значения в предложении. Панэ считает, что и сочетания полных форм личных местоимений или существительных с глагольным корнем не отличаются по существу от «спрягаемых форм», а также представляют собой одно слово. В противовес этому, сочетание полных форм личных местоимений или существительных с формами, имеющими префиксы *me-, ber-, ter-*,? Панэ рассматривает как два вполне самостоятельных слова, каждое из которых имеет собственное ударение и играет роль члена предложения.

Армейн Панэ отрицает наличие залогового значения в «спрягаемых формах». Однако он соглашается с теми языковедами, которые находят в «спрягаемых формах» видовое значение. Но Панэ не доказывает этого, а трактует вопрос в основном так же, как и Тенделоо.

В работе А. А. Фоккера «Введение в изучение индонезийского синтаксиса» разрабатываются проблемы синтаксиса, и вопрос о «спрягаемых формах» не разбирается особо. Однако автор этой книги отмечает, что «спрягаемые формы» далеко не всегда противостоят формам с *me-* и часто употребляются в активном значении. По мнению А. А. Фоккера, видовая характеристика действия выражается в индонезийском языке не аффиксами, а иными средствами, например при помощи усилительных частиц *-lah, -pun* глагола *ada*, редупликации[21]. Тем самым Фоккер отрицает наличие видового значения в спрягаемых формах.

Из вышедших в самое последнее время работ следует упомянуть грамматику Ганса Келера, который считает, что «спрягаемые формы» по своему происхождению являются сочетанием притяжательного местоимения с существительным, что дает им возможность играть в настоящее время роль подлежащего в предложении. Однако Келер признает, что на современном этапе развития индонезийского языка «спрягаемые формы» выполняют функции глагола[22].

В трудах современных индонезийских языковедов Такдира Алишахбаны, Зайна, Мадонга Лубиса и других вопрос о «спрягаемых формах», как и вообще о частях речи в индонезийском языке, пока еще не разработан с достаточной полнотой.

V. Почти все авторы упомянутых работ стремятся обязательно найти в грамматическом строе индонезийского языка категории, соответствующие грамматическим категориям индоевропейских языков. Определение той или иной якобы существующей в индонезийском языке категории (например, глагола) покоилось, как правило, на каком-либо одном признаке. Опхойсен считал таким признаком неразрывную связь местоимения или существительного с корнем глагола,

[19] Armijn Pane, *Mentjari sendi baru tata bahasa indonesia,* Djakarta, 1950.

[20] Армейн Панэ считает, что в индонезийском языке ударение не силовое, а «дюративное» и падает на предпоследний слог слова.

[21] A. A. Fokker, *Inleiding tot de studie van indonesische syntaxis.*

[22] Hans Kähler, *Grammatik der Bahasa Indonesia,* Wiesbaden, 1956.

Тенделоо—функциональное употребление глагольных слов, Ван Вейк и Фавр—лексическое значение слова, Армейн Панэ—интонацию и ударение.

Однако к грамматическому строю индонезийского языка нельзя, разумеется, подходить с точки зрения грамматического строя индоевропейских языков. Каждый язык имеет свою собственную систему, свои грамматические категории. Поэтому нужно искать не глагол или какую-нибудь часть речи, имеющуюся в индоевропейских языках, а категории слов или словосочетаний, которые объединялись бы общностью формальных признаков и грамматического значения. Эти категории могут и не походить на категории, имеющиеся в других языках, но могут и иметь с ними общие признаки.

Вопрос о критериях при определении какой-либо грамматической категории связан с вопросом о грамматической форме. Грамматическая форма в узком смысле слова—это только морфологические признаки. Если же понимать ее в широком смысле этого слова, то к ней следует отнести всю совокупность внешних признаков, выделяющих данную грамматическую категорию, в том числе и принцип сочетаемости с другими словами, словообразование, интонацию, постоянное ударение.

Руководствуясь изложенными принципами, попытаемся охарактеризовать грамматическую категорию индонезийского языка, которую называют обычно «спрягаемыми формами».

VI. Под «спрягаемыми формами» индонезийского языка понимается сочетание префиксов *ku-, kau-* с глагольным корнем[23]. Например:

Surat ini kubatja ‘Это письмо читается мною’;

Surat ini kaubatja ‘Это письмо читается тобою’.

К внешним, формальным признакам «спрягаемой формы» относятся следующие:

1. Тесная связь между компонентами сочетания, невозможность вставить между ними какое-либо слово или аффикс. При этом нужно отметить, что если *ku-* несомненно является чистым аффиксом (*-ku* встречается также в форме суффикса, имеющего значение притяжательного или личного местоимения), то *kau* употребляется и как самостоятельное слово, например: *Harap sadjā kau tiada mendapat praktek*! (А. Р., К. а. м., р. 108) ‘И хорошо бы ты не получил практики!’

В этом предложении *kau* вполне самостоятельное слово, употребляемое в значении местоимения 2-го лица единственного числа; здесь нет «спрягаемой формы».

2. Необходимое наличие объекта действия, которое выражено «спрягаемой формой». Если объект действия не назван в предложении, то он обязательно подразумевается.

3. Объект действия, обозначаемого «спрягаемой формой», не может быть выражен местоименными суффиксами *-ku, -mu* или *-nja*. В противоположность этому формы с префиксами *me-* могут иметь объект, выраженный одним из этих суффиксов, например:

Bila tiada sekolah jang mau **menerimaku** *djadi guru, akan kudirikan sekolahku sendiri* (А. Р., К. а. м., р. 124) ‘Если ни одна из школ не примет меня на должность учительницы, то я открою собственную школу’.

[23] Или с глаголами, имеющими префикс *per-* или суффиксы *-kan* или *-i*. Принципиального значения для характеристики «спрягаемых форм» описание этих трех аффиксов не имеет.

В данном случае *-ku* является местоименным суффиксом, указывающим на объект действия.

Общее значение «спрягаемой формы»— состояние объекта действия. Этих признаков вполне достаточно, чтобы выделить данную категорию в качестве самостоятельной, однако число их может быть увеличено.

VII. Употребляющиеся в огромном большинстве случаев лишь в корневой форме такие слова, как *datang* 'приходить'; *pergi* 'уходить'; *lari* 'бежать'; *turun* 'падать', 'опускаться'; *duduk* 'сидеть' и другие[24], не могут выступать в роли компонентов «спрягаемой формы» и, следовательно, не вступают в сочетание с местоименными префиксами. Как это видно из их употребления, слова этой группы и по своему грамматическому значению также отличаются от «спрягаемых форм».

По синтаксическим функциям они сходны в абсолютном большинстве с нашими непереходными глаголами, иногда с прилагательными. Лишь немногие из них принимают префикс *me-*. Если слова этой группы имеют объект, то связь их с объектом осуществляется, как правило, при помощи предлогов, например: *Ajah marah* **šama** *anaknja* 'Отец сердится **на** своих детей'.

Наконец, слова этой группы могут вступать в сочетание с одним из суффиксов, соответствующих по своему значению притяжательному местоимению, например:

Sakitnja bukan main '(Его) боль была очень велика', *Tjintaku kepadanja sudah mulai mendingin* 'Моя любовь к ней начала остывать'.

В этих предложениях сочетания *sakitnja* 'его боль' и *tjintaku* 'моя любовь' состоят из корня и суффиксов *-nja, -ku*, имеющих значение притяжательного местоимения.

VIII. В индонезийском языке имеется очень ограниченная группа корневых слов, которые, казалось, можно было бы по их признакам включить и в группу слов типа *datang* и отнести к «спрягаемым формам». Например: *sangka* 'предполагать', 'полагать'; *tanja* 'спрашивать', *tjinta* 'любить', *kata* 'говорить';

sangkaku *dulu itu rasa hatinja djuga istimewa terhadap diriku* (А. Р., К. а. м., p. 170) '**Я полагаю**, что прежде она также питала ко мне особые чувства'.

В этом предложении слово *sangka* принимает суффикс *-ku*.

Pandanglah, **kataku** *padanja* (А. Р,, К. а. м., p. 58) 'Смотри, **сказала я** ей'. Здесь слово *kata* также принимает суффикс *-ku*.

Вместе с тем эти корни могут вступать в сочетание с местоименными префиксами и образовать, таким образом, «спрягаемые формы»:

Karena itu **kutanja** *djuga*: „*Bagaimana sih maksudmu*?" 'Поэтому я спросил также: „Что ты имеешь в виду?"'

IX. Сочетания, образуемые при помощи полных форм личных местоимений и существительных с глагольным корнем или глагольной основой[25], могут иметь те же грамматические значения, что и «спрягаемые формы».

[24] Эти слова, число которых достигает 60, в грамматиках индонезийского языка объединяют в особую группу. Вот некоторые из них: *lompat* 'прыгать'; *tidur* 'спать'; *sakit* 'больной', 'болеть'; *terbang* 'летать'; *keluar* 'выходить'; *bangkit* 'подниматься'; *bangun* 'подниматься', 'вставать'; *bitjara* 'говорить', 'беседовать'; *kawin* 'жениться' и др.

[25] Под глагольной основой в индонезийском языке подразумевается сочетание корневой морфемы с суффиксами *-kan* или *-i* или с префиксом *per-*.

Apa lagikah jang harus aku **katakan?** (Р. А. Т., К., p. 240) 'Что же я должен еще сказать?';

Biarlah aku dan anak-anakmu tak **engkau adjak** *bersenang tetapi didalam duka ini engkau tetap suamiku* (Р. А. Т., К., p. 241) 'Пусть ты не звал меня и своих детей делить радость, но в этом горестном положении ты остаешься моим мужем'.

Все личные местоимения могут вступать в подобные сочетания, сфера употребления которых шире сферы употребления «спрягаемых форм», способных выражать субъект действия, относящийся лишь к 1-му и 2-му лицу единственного числа. Кроме того, местоименный префикс *ku-*, имеющий общее семантическое значение с местоимением *aku*, несет определенную стилистическую окраску. Префикс *kau-*[26] по своему лексическому значению соответствует русскому местоимению 2-го лица единственного числа.

Тем самым сфера употребления «спрягаемых форм» ограничивается.

X. Встречающиеся в примерах предыдущего параграфа конструкции *aku katakan*; *engkau adjak* являются сочетаниями двух самостоятельных слов и поэтому не считаются «спрягаемыми формами». Однако в предложениях, где объект действия предшествует субъекту, эти конструкции употребляются так же, как и «спрягаемые формы»:

Dia pasti aku singkirkan, kupindahkan kebagian lain (Р. А. Т., К., p. 196) 'Непременно я устраню его, переведу в другой отдел'.

В этом предложении конструкция *aku singkirkan* по своей позиции в предложении и грамматическому значению не отличается ничем от «спрягаемой формы»:

Apa lagikah jang harus **kukatakan?** (Р. А. Т., К., p. 240) 'Что же **я** должен **сказать** еще?';

Apa lagikah jang harus **aku katakan** (Р. А. Т., К., p. 240) 'Что же я должен сказать еще?';

Itu adalah sifat suamiku jang tak dapat **kulupakan** (Р. А. Т., К., p. 241) 'Это характер моего мужа, которого я не могу забыть';

Banjak jang dapat **aku lupakan** (Р. А. Т., К., p. 241) 'Многое могу я забыть'.

Из этих предложений ясно, что конструкция типа *aku katakan* употребляется совершенно так же, как и «спрягаемые формы». Обнаружить какое-либо различие в их функциях в предложении нам не удалось.

Известно, что «спрягаемая форма» может употребляться в предложении и впереди слова, обозначающего объект действия. Например:

Kupandangi dia *dengan diam-diam* (Р. А. Т., К., p. 241) 'Я посмотрел на нее украдкой';

Kutengelamkan *kepalaku kedalam kedua tanganku* (Р. А. Т., К., p. 241) '**Я закрыл** голову обеими руками'.

Довольно обычно употребление «спрягаемой формы» в главном предложении, за которым следует придаточное:

Bukankah sudah **kuperingatkan**, *nak, bahwa pergi djauh-djauh itu tidak baik*? (Ut. S,. T., p. 56) 'Разве я не **напоминал** тебе уже, что уезжать далеко нехорошо?'

[26] Пока не разработан вопрос об ударении и интонации в индонезийском языке, невозможно доказать, что в «спрягаемых формах» *kau-* является префиксом, а не словом.

Так называемая «нарушенная конструкция» (например, *aku sudah tulis*) также употребляется довольно часто. Например, в романе известного современного индонезийского писателя П. А. Тура «Коррупция»[27], по нашим подсчетам, имеется более 40 случаев ее употребления, тогда как аналитическая конструкция с местоимением 1-го и 2-го лица единственного числа употребляется там около 200 раз. Однако далеко не всегда «нарушенная конструкция» равнозначна «спрягаемой форме». Она часто употребляется вместо сочетания субъекта действия с действием, выраженным глаголом с префиксом *me-*[28]. «Нарушенная конструкция» лишь тогда бесспорно равнозначна «спрягаемой форме», когда она следует за объектом, так как известно, что сочетание субъекта действия с действием, выраженным глаголом с префиксом *me-*, не употребляется в предложении после объекта действия.

ВЫВОДЫ

1. Грамматическая категория индонезийского языка, называемая обычно «спрягаемые формы», имеет следующие формальные признаки, выделяющие ее из совокупности всех форм глагола индонезийского языка:

а) Тесная связь между компонентами сочетания, образующего «спрягаемую форму», что доказывается невозможностью вставить какое-либо другое слово между компонентами этого сочетания. При этом, если *ku-* является в «спрягаемых формах» несомненно префиксом, так как он не употребляется самостоятельно, то в отношении *kau* это еще не доказано.

б) В предложении, где имеется «спрягаемая форма», обязательно должно быть слово, обозначающее объект действия, выраженного «спрягаемой формой». Если объект действия не назван, он всегда подразумевается.

в) Объект действия, обозначенного «спрягаемой формой», не может быть выражен местоименными суффиксами *-ku*, *-mu* или *-nja*.

2. «Спрягаемая форма» сама по себе не выражает видового значения.

3. Употребление в предложении «спрягаемой формы» исключает логическое выделение субъекта действия.

4. По своему грамматическому значению «спрягаемая форма» не отличается от аналитической конструкции: личное местоимение в полной форме + глагол, не имеющий префиксов *me-* или *ber-*, следующей в предложении за объектом действия.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

A. P., K.a.m. — Armyn Pane, *Kissah antara manusia,* Djakarta, 1953.
MP — «Mimbar penerangan», Djakarta, 1951, № 2.
P. A. T., K. — P. A. Toer, *Korupsi* («Indonesia», 1954, April).
Ut. S., T. — Utuy Sontani, *Tambera,* Djakarta, 1952.
TTLV — Tijdschrift voor indische taal-, land-, en volkenkunde, Batavia — s Hage.

[27] P. A. Toer, *Korupsi* («Indonesia», Djakarta, 1954, April).
[28] «Medan bahasa», Medan, 1956, August, p. 1—6.

Н. Н. Третьяк

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СЛОЖНОГО И ПРОИЗВОДНОГО ГЛАГОЛА В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (ЯПОНСКИЙ СЛОЙ ЛЕКСИКИ)[1]

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДИССЕРТАЦИИ, НАПИСАННОЙ В 1953 г.)

В японоведческой литературе, посвященной сложным словам в японском языке, не проводится границы между сложным и производным глаголом. По существующей в японоведении традиции все глаголы японского слоя лексики, имеющие структуру «II основа глагола + глагол», как правило, относили и относят к сложным глаголам[2].

В грамматике О. В. Плетнера и Е. Д. Поливанова к сложным глаголам отнесены слова, вторые компоненты которых имеют зачастую только графическое и фонетическое сходство с глаголами, используемыми в современном языке как самостоятельные слова. В эту группу входят, например, слова с *кому, киру, ау канэру* и др.[3], а также слова, первой морфемой которых являются так называемые «мнимые префиксы»[4]. А. А. Пашковский в статье о сложно-составных глаголах[5] и в докторской диссертации[6] вслед за О. В. Плетнером и Е. Д. Поливановым считает все эти глаголы сложными. В работах О. П. Петровой, Н. И. Фельдман, А. А. Холодовича, как и в работах других японоведов, которые затрагивают вопросы структуры глагола в японском языке, нигде не дается ясного и точного ответа на вопрос, какие глаголы нужно считать сложными, а какие производными, каковы критерии выделения сложных глаголов в японском языке.

Неправильно было бы считать, что одним из признаков сложного слова может быть перевод его на русский язык двумя или несколькими словами. (См., например, А. А. Холодови, *Синтаксис японского военного языка (Язык военной документации),* М., 1937, стр. 29, 52).

[1] Статья публикуется в дискуссионном порядке. — *Ред.*
[2] Сюда же относят все без исключения исторически сложные глаголы. Однако проблема отграничения этимологически сложных глаголов от тех, которые в современном языке воспринимаются как сложные, в данной статье не рассматривается.
[3] См.: О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, *Грамматика японского разговорного языка*, М., 1930, стр. 110—115.
[4] Там же, стр. 116.
[5] А. А. Пашковский, *Сложно-составные глаголы в современном японском языке* («Ученые записки ВИИЯ», т. 2, М., 1946).
[6] А. А. Пашковский, *Словообразование в современном японском языке (Типы сложных и аффиксальных слов),* докторская диссертация, М., 1953.

Так, *осу* ‘делать вывод’, и *осамару* ‘хорошо владеть собой’ — простые слова, хотя и переводятся на русский язык соответственно двумя или тремя словами. Нельзя согласиться и с переоценкой роли письменности некоторыми японоведами. По мнению О. П. Петровой, «идея заключена в зрительном представлении, выраженном знаком 𠀋, но не в слуховом»[7]. О. П. Петрова считает, что слова образуются не из морфем, а из письменных знаков, иероглифов, что видно из таких формулировок, как «сложение иероглифических компонентов», «слова конструируются из элементов китайской иероглифической письменности»[8] и др. Известно, что письменность в какой-то степени оказывает влияние на язык. Но в основном она остается лишь системой графических знаков, обозначающих звуковую речь.

Правда, иероглифы, в отличие от других письменных знаков, в подавляющем большинстве отражают на письме значимое слово или значимую часть слова. Однако словарный состав языка постоянно развивается, изменяется, а графика языка, его письменные знаки, остаются неизменными на протяжении многих веков. За сотни лет существования иероглифической письменности в Японии начертание иероглифов (их графическая форма) почти не изменилось. А многие слова (и части слов) японского языка, выражаемые на письме этими иероглифами, приобрели за этот же период новые значения, утеряли старые или совсем выпали из языка. Слова, изменившие свою морфологическую структуру в результате изменения производящих основ, продолжали фиксироваться на письме по-прежнему теми же знаками.

Кроме того, при заимствовании китайской письменности некоторые японские сложные слова были записаны одним иероглифом, однако от этого они не стали простыми. Одним иероглифом, например, записываются сложные слова: *анадору* 侮る ‘презирать’, ср.: *ана* ‘недостаток’, ‘дефект’, *тору* ‘понимать’, *коинэгау* 希う ‘просить, умолять’, ср.: *коу* ‘умолять’, *нэгау* ‘просить’ и др.

В современном японском языке имеются простые слова, записанные двумя иероглифами: *каракау* 拗揄う ‘насмехаться’, ‘подшучивать’; *сарау* 復習う ‘повторять’; *сасурау* 流離う ‘скитаться’ и др.

Встречаются и такие слова, которые на письме отображаются то одним знаком, то двумя знаками. Например: *ёкотавару* 横わる и 横仆わる ‘лежать’; *цубуяку* 呟く и 私語く ‘ворчать’ и др.

Если при морфологическом анализе слова основываться на письменности, то слова, записываемые двумя способами, в зависимости от количества иероглифов следовало бы считать в одном случае простыми, в другом случае — сложными словами.

Отсутствие правильных методов анализа морфологической структуры слова в теоретических работах отражается и на практических пособиях. В «Японско-русском словаре», например, в одни статьи с полнозначными глаголами помещается все, что идет за второй основой глагола и имеет с ними звуковое и графическое сходство, несмотря на то, что эти напоминающие полнозначные глаголы части слов не связаны с ними семантически, а иногда и этимологически. Например, статьи, посвященные *кому, киру, сугиру, эру* и др.[9].

[7] О. П. Петрова, *Словообразовательные аффиксы в японской военно-морской лексике* («Ученые записки ВИИЯ», т. 4, 1944), стр. 30.
[8] Там же, стр. 40.
[9] *«Японско-русский словарь»*, сост. Л. А. Немзер и Н. А. Сыромятников, М., 1951.

Недостаточно разработаны принципы морфологического анализа глаголов и в японской лингвистической литературе. Небольшое число японских языковедов выделяет префиксы глагольного происхождения, не считает их компонентами (корнями) сложных слов, однако отсутствие точных критериев в определении характера морфем приводит к тому, что у разных языковедов количество таких префиксов различное. Киэда, например, дает семь глагольных префиксов (*аи, хики, саси, тори, каки, бути, ути*) [10], Токиэда — только два (*хики, бути*) [11], Тодзё — два других префикса (*саси, тори*) [12] и т. д. Что же касается суффиксов, этимологически восходящих к глаголам, то из всех известных нам японских лингвистов только один Токиэда к такого рода суффиксам относит *киру* (после II основы глагола выражает конец действия), *дасу* (после II основы глагола выражает начало действия) и *дасу* (после II основы выражает направление действия наружу) [13]. Если проанализировать, почему в группу аффиксов отнесено только три суффикса и почему к суффиксам причислено *дасу*, то станет очевидным, что Токиэда не руководствуется какими-либо твердыми принципами при анализе структуры слова. В японском языке много слов, которые, так же как и *дасу*, после II основы глагола уточняют направленность действия (*агару, агэру, сару, ёру* и др.). Все эти слова, как и *дасу*, имеют лексические значения, вносимые ими в глаголы, в состав которых они входят. Но тем не менее Токиэда вполне справедливо не считает их суффиксами.

В больших двуязычных словарях, составленных японскими лексикографами, мы также не находим последовательности и единого мнения при выделении суффиксов глагольного происхождения (в толковых словарях японского языка вообще отсутствуют суффиксы этого типа [14]). Например, *киру* считают суффиксом Мацуда, Такэнобу и Кацумата [15]; *кому* — только Кацумата, который не указывает при этом его значения; *дсэру* (указывает на успешное выполнение действия) к группе суффиксов причисляет лишь Мацуда. Ни один из трех указанных лексикографов не относит к суффиксам *эру* (со значением возможности совершения действия), помещая его в одну словарную статью с *эру* ‘получать’ со вторым самостоятельным значением ‘мочь’, хотя примеры на самостоятельное употребление *эру* ‘мочь’ отсутствуют. В примерах *эру* встречается в этом значении только в составе глаголов как их второй компонент, следующий за II основой глагола: *-сиэру*. Некоторые суффиксы вообще не отражаются в словарях: у Такэнобу и Мацуда отсутствуют даже примеры на употребление *кому* в составе слова; выражающий в составе слова взаимно-возвратное и совместное значение *ау* не дан ни в словаре Мацуда, ни у Такэнобу, ни у Кацумата.

Слабая разработанность принципов морфологического анализа слова в японском языке сказывается на написании их латинской или русской транскрипцией, в частности, в словарях. Ни один из известных

[10] 木枝増一, 言等口語法講義, 1931, 頁742.
[11] 時枝誠記, 日本文法口語篇, 1954, 頁156—159.
[12] 森本種次郎, 口語法辭典, 1942, 頁147.
[13] 時枝誠記, 日本文法口語篇, 頁158—159.
[14] См., например, 大槻文彦, 言海, 1904; 金田一京助, 辭海, 1953 и др.
[15] См.: М. Мацуда, *Полный японо-русский словарь*, Токио, 1933; J. Takenobu, *Kenkyusha's New Japanese-English dictionary*, Tokyo, 1936; S. Katsumata, *Kenkyusha's New Japanese-English dictionary*, Tokyo, 1954.

японских лексикографов, пытавшихся показать морфологическую структуру слова, не определяет своих принципов анализа слова. По-видимому, они вообще отсутствуют. Так, например, Миядзаки пишет слово *каки-ирэ* через дефис, разделяя его на морфемы, но не выделяет морфем в слове *канэирэ*; делит на морфемы слова *мидзу-бунэ, мидзу-букурэ*, однако не выделяет их в *мидзугива, мидзугурума.* Еще более непонятно выделение морфем в глаголах: один и тот же компонент в одних словах выделен, а в других нет. Например: *каки-нагасу,* но *кикинагасу, каки-авасэру,* но *кикиавасэру;* не ясно, почему разделены слова *каки-нагасу, каки-соэру, каки-соконау, каки-томэру,* но слитно написаны *какиаямару, какиагэру, какиирэру, какиоросу, какитатэру*[16]. То же самое можно увидеть в словаре Кимура[17] и других словарях.

Во всех языках мира сложные слова имеют общие признаки (они состоят из двух или более корней, образованных из основ слов, употребляемых в языке, и др.), тем не менее сложные слова в разных языках обладают специфическими чертами, что связано с особенностями, имеющимися в грамматике, лексике и фонетике каждого языка.

Попытка дать определение словосложения в японском языке была сделана А. А. Пашковским в его докторской диссертации. Данное А. А. Пашковским определение словосложения по существу является обобщением тех взглядов, которые существовали в японоведении в практической классификации глаголов японского слоя лексики. «Основосложение или словосложение, — пишет А. А. Пашковский, — представляет собою лексическое объединение отдельных, употребляющихся или у п о т р е б л я в ш и х с я (разрядка моя. — *Н. Т.*) самостоятельных слов (основ)»[18]. В этом определении явно игнорируется развитие языка, его словарного состава.

Развитие однокоренных слов, безусловно, отражается на производных единицах языка, в частности на сложных словах, так как производящие основы берутся от слов, употребляемых на данном этапе развития языка. Изменение в словарном составе языка (в непроизводных единицах) приводит к изменениям морфологической структуры сложных слов, которые ранее были образованы из основ ныне исчезнувших или изменивших свое значение слов. Сложные слова, содержащие такие основы, утрачивая сложность своей морфологической и семантической структуры, превращаются либо в простые, либо в производные слова[19].

Несмотря на одинаковые причины образования производных и простых слов от этимологически сложных слов, результат изменения морфологической структуры данной лексической единицы,— т. е. станет ли она производной или превратится в простое слово, — зависит от характера конкретных морфем. Если этимологически сложное слово содержит основу изменившего свое значение или выпавшего из языка другого слова, не придающую всему слову в целом на данном этапе развития языка дополнительного значения, то данное слово следует считать простым. Если же одна из частей слова по тем или иным причинам не соотносится со словом, имеющим тождественную этой части основу, но продолжает сохранять значение в составе слова и при ее присоединении к основам (словам) вносит в них новое лексико-грамматическое или экспрессивное значение, то такую часть слова следует считать аффиксом, а слово, в состав которого она входит, — производным.

[16] Miyazaki Seiji, *Japanese dictionary explained in English,* Tokyo, 1944.
[17] Kimura Kinji, *Grosses Japanisch-Deutsches Wörterbuch,* Tokyo, 1937.
[18] А. А. Пашковский, *Словообразование в современном японском языке*, стр. 173.
[19] Процесс превращения сложных слов в простые — так называемый процесс «опрощения» сложных слов — является особой проблемой и здесь не рассматривается.

Сложным можно называть слово, состоящее из двух или более основ, выделяемых потому, что на данном этапе развития языка могут быть обнаружены основы (слова), имеющие тождественные с ними значения, т. е. могут быть обнаружены производящие основы, исходные слова. Следовательно, в образовании сложного слова современного языка (и на любом другом этапе его развития) не принимают участия слова или их основы, употреблявшиеся только на предыдущем этапе. К с л о ж н ы м с л о в а м в с о в р е м е н н о м я п о н с к о м я з ы к е о т н о с я т с я т а к и е с л о в а, к о т о р ы е, н е з а в и с и м о о т к о л и ч е с т в а и е р о г л и ф о в, о т о б р а ж а ю щ и х и х н а п и с ь м е, с о с т о я т и з д в у х и л и б о л е е о с н о в, и м е ю щ и х з н а ч е н и е, т. е. с о о т н о с и м ы х с о с н о в а м и, у п о т р е б л я ю щ и х с я в с о в р е м е н н о м я з ы к е с л о в. В японском языке подавляющее большинство основ имеет определенную семантику (исключение составляют основы так называемых ономатопоэтических слов). Вследствие этого сложные слова обладают внутренней формой или мотивированностью, т. е. морфемы сложного слова раскрывают значение образованного из них слова. В сложном слове частично выражаются отношения, существующие между предметами в действительности.

Мотивированность сложных слов может быть двоякого рода: мотивированность прямая, непосредственная, и мотивированность переносная, метафорическая. Значения большей части сложных слов, образованных из корней слов в их прямом значении, непосредственно вытекают из значений составляющих их компонентов. При этом раскрывается один из признаков предмета, явления или действия. Такая мотивированность называется прямой, непосредственной. Например: *каиацумэру* ‘скупать’, ср.: *кау* ‘покупать’, *ацумэру* ‘собирать’; *камикоросу* ‘загрызть’, ср.: *каму* ‘кусать’, *коросу* ‘убивать’; *тобиориру* ‘спрыгивать’, ср.: *тобу* ‘прыгать’, *ориру* ‘спускаться вниз’; *аюмиёру* ‘подходить’, ср.: *аюму* ‘идти’, *ёру* ‘приближаться’; *кидзуато* ‘шрам’, ср.: *кидзу* ‘рана’, *ато* ‘след’; *хатадзао* ‘древко’, ср.: *хата* ‘флаг’, *сао* ‘шест’ и др.

Некоторые сложные слова, также образованные из слов в их прямом значении, приобретают переносное, образное значение. Такую мотивированность можно назвать переносной или метафорической. Например: *итоянаги* ‘плакучая ива’ (*ито* ‘нити’, *янаги* ‘ива’), т. е. ‘ива с ветвями, повисшими, как нити’ *самэхада* ‘шероховатость’, ‘шершавость’ (*самэ* ‘акула’, *хада* ‘кожа’), т. е. ‘акулья кожа’; *ханаби* ‘фейерверк’ (*хана* ‘цветы’, *хи* ‘огонь’), букв.: ‘огонь, как цветы’; *таманэ* ‘капуста’ (*тама* ‘шар’, *нэ* ‘овощи’), букв.: ‘овощи, похожие на шар’ и др.

Кроме того, переносная мотивированность наблюдается в сложных словах, в которых происходит развитие абстрактных значений. Например, *кубикиру* ‘обезглавливать’ приобрело еще значение ‘увольнять’; слово *ясэдэ* имеет значение ‘тонкие руки’, от которого в дальнейшем образовалось переносное значение ‘слабые силы’; *кубикасэ* ‘орудие пытки — канга’ приобрело абстрактное значение ‘обуза’, ‘бремя’ и др.

В современном японском языке имеется три морфологичских типа сложных глаголов: 1) II основа глагола+глагол; 2) корень прила-

гательного+глагол и 3) основа существительного+глагол. Два последних морфологических типа сложных глаголов непродуктивны в современном языке и крайне малочисленны.

Особый интерес представляет разграничение сложного и производного глагола, имеющих формально, на первый взгляд одинаковую структуру — II основа глагола+глагол — и относимых поэтому в японоведении в одну группу сложных слов.

По нашему мнению, в современном японском языке глаголы первого типа, т. е. глаголы, образованные по модели II основа глагола+глагол, могут быть и сложными, и производными.

Каковы же критерии разграничения сложных и производных глаголов?

Сложные глаголы первого типа, с точки зрения семантического соотношения морфем (компонентов), чрезвычайно разнообразны. Прежде всего они делятся на две большие группы: глаголы с семантически равноправными морфемами (компонентами) и глаголы, в которых значение одной из морфем уточняет значение другой.

Примером сложных глаголов с семантически равноправными компонентами могут служить *киэусэру (киэру* 'исчезать', 'пропадать', *усэру* 'исчезать', 'пропадать') 'исчезать', 'стираться'; *нагэсутэру (нагэру* 'бросать', *сутэру* 'выбрасывать', 'бросать') 'бросать', 'швырять'; *сусуринаку (сусуру* 'всхлипывать', *наку* 'плакать') 'рыдать; *тōрисугиру* (*тōру* 'проходить', *сугиру* 'проходить') 'проходить' и др.

К сложным глаголам с семантически неравноправными основами можно отнести, например, следующие слова: *нусумикику (нусуму* 'красть', *кику* 'слушать') 'подслушивать', 'слушать украдкой'; *каиацумэру* (*кау* 'покупать', *ацумэру* 'собирать') 'скупать'; *хикитомэру* (*хику* 'тащить', *томэру* 'останавливать') 'удерживать', 'останавливать'; *ёромэкиаруку* (*ёромэку* 'шататься', *аруку* 'идти') 'идти шатаясь'; *ханэагару (ханэру* 'прыгать', *агару* 'подниматься') 'подпрыгивать'; *хикиагэру(хику* 'тащить', *агэру* 'поднимать') 'вытаскивать', 'поднимать судно'; *накияму (наку* 'плакать', *яму* 'переставать') 'переставать плакать'; *куинокосу* (*куу* 'есть', *нокосу* 'оставлять') 'оставлять недоеденным'; *ёмикаэсу (ёму* 'читать', *каэсу* 'возвратить') 'прочитать еще раз', 'перечитать'; *симэнаосу* (*симэру* 'надеть', 'завязать пояс', *наосу* 'исправлять', 'поправлять') 'перевязать пояс' и др.

Признаком сложности морфологической структуры обоих типов сложных глаголов является то, что оба компонента любого из этих глаголов семантически соотносятся с самостоятельно используемыми в современном языке словами (основами слов).

Таким образом, к сложным словам в современном японском языке относятся лишь такие слова, у которых в данный период развития языка ощущается семантическая сложность структуры и вследствие этого ощутима их морфологическая сложность.

...Тотō-дэ митибата-но хатакэ-кара киури то наси-о могитоттэ... («Дзиммин бунгаку» № 9, 1953, 13) '...По пути он сорвал с плантации груши и огурцы, которые росли у края дороги...' *Могитору* (*могу* 'оторвать', 'сорвать', *тору* 'снимать плоды)' 'срывать (плоды, овощи)'

Киита хитотати-ва омосирогаттэ вараикорогару (Сатō, 484) 'Слушающие от удовольствия покатывались со смеху'. *Вараикорогару* (*варау* 'смеяться', *корогару* 'кататься') 'кататься со смеху'.

Сорэдэмо цуи-ни мукō киси-ни хаиагару кото-га дэкита («Дзиммин бунгаку», № 9, 1953, 12) 'Все же он, наконец, смог вскарабкаться

на противоположный берег'. *Хаиагару (хау* 'ползти', *агару* 'подниматься') 'ползти вверх', 'вскарабкаться'.

Саки-то какицудзукэру маэ-ни, кинō каита токоро-о хиттōри ёмикаэсу (Акутагава, 10) 'Прежде чем писать дальше, он бегло перечитывает написанное им вчера'. *Ёмикаэсу (ёму* 'читать', *каэсу* 'возвратить') 'прочитать еще раз', 'перечитать'.

До последнего времени в японоведении имели известное распространение такие взгляды на морфологический анализ слова, которые препятствовали отграничению сложного глагола от производного. В некоторых научных исследованиях[20] и пособиях указывается, например, что направление действия внутрь выражается в японском языке сложными глаголами, вторыми компонентами которых являются *иру* 'войти', *ирэру* 'вложить', 'вносить', 'помещать' и *кому* 'тесниться', 'быть людным'. Действительно, в современном японском языке существуют глаголы, значение которых получает дополнительный оттенок направленности внутрь от присоединения ко II основе глагола компонентов *иру, ирэру, кому*: *тобииру (тобу* 'летать'+*иру*) 'влететь'; *нагэирэру (нагэру* 'бросать'+*ирэру)* 'вбрасывать'; *одорикому (одору* 'прыгать'+*кому)* 'впрыгивать'; *норииру (нору* 'ехать'+*иру)* 'въехать'; *какиирэру (каку* 'писать'+*ирэру*) 'вписывать'; *какикому (каку* 'писать'+*кому)* 'вписывать' и др.

Как видно из приведенных примеров, значения глаголов с *иру* и *ирэру* складываются из значений составляющих их компонентов.

Но *кому* в составе слова не имеет никакого отношения к лексическому значению самостоятельного слова *кому* 'тесниться', 'быть людным'. Будучи второй морфемой слова, *кому* указывает на направленность действия, выраженного первой морфемой, внутрь. Тем самым *кому* несколько видоизменяет лексическое значение глагола, к которому присоединяется. Например: *цугу* 'лить' — *цугикому* 'влить'; *татаку* 'бить' — *татакикому* 'вбить'; *хау* 'ползти' — *хаикому* 'вползти'; *осу* 'толкать' — *осикому* 'вталкивать' и др.

Поэтому соотношение *кому* в составе слова с самостоятельно употребляемым глаголом *кому* 'быть людным', 'быть переполненным (людьми)', с которым оно имеет лишь одинаковую фонетическую и графическую форму, представляется нам в корне неправильным. Дело в том, что в древнеяпонском языке существовал переходный глагол *кому* (одновременно в языке использовался и его омоним — глагол *кому* 'быть людным') в значении 'вкладывать'[21], который, присоединяясь к соединительным (вторым) основам глаголов, образовывал сложные слова, выражающие действие, направленное внутрь. С течением времени *кому* в значении 'вкладывать' перестал употребляться в языке как самостоятельное слово, но, оставаясь в составе слова как одна из его морфем, продолжал выражать идею направленности действия внутрь.

Тоникаку има-мадэ-но сэмаи наямасии како то эн-о киттэ нанно какавари мо най сякай-но нака-ни норикому-но-ва омосирои (Арисима, 128) 'Во всяком случае интересно, порвав со вчерашним печальным

---

[20] О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, *Грамматика японского разговорного языка*, стр. 114; работы А. А. Пашковского: *«Сложно-составные глаголы в современном японском языке»*, стр. 51; *«Словообразование в современном японском языке»*, стр. 231.

[21] 金田一京助, 辞海, 1953.

прошлым и связями, попасть в общество, к которому не имеешь совершенно никакого отношения'.

В современном японском языке имеется еще, например, группа слов, вторая морфема которых обозначает конец действия, выражаемого первой морфемой. Наряду с другими глаголами ко вторым компонентам таких слов обычно относят *овару* 'кончаться', *оэру* 'кончать' и *киру* (в самостоятельном употреблении) 'резать'.

Переходный глагол *оэру* употребляется для выражения конца действия очень редко, гораздо чаще используют *овару,* лексическое значение которого в составе слова соответствует значению глагола *овару* в самостоятельном употреблении.

Что же касается *киру,* то может показаться, что эта морфема соотносится со словом *киру* 'резать'. Это поверхностное представление основано на том, что имеется какая-то далекая семантическая связь между понятиями «кончить» и «отрезать»; кроме того, *киру* в составе слова по своей звуковой и графической форме не отличается от глагола *киру* 'резать'. Однако *киру* в составе слова не соотносится и никогда не соотносился с глаголом *киру* в значении 'резать'. В древнем языке существовал еще один глагол *киру,* имевший значение 'кончаться' [22] (в современном языке осталось лишь отглагольное имя существительное *кири* 'конец'). По-видимому, будучи употреблен и в составе слова после II основы глагола, он указывал на окончание действия. Впоследствии он вышел из употребления как самостоятельное слово и используется только в составе глагола для выражения действия, доведенного до предела, для выражения полной законченности действия, обозначенного II основой глагола, за которой он следует.

Ватаси мо юкэру токоро-мадэ-ва юкикиритай то омоттэ имас (Акутагава, 99) 'И я хочу идти до того места, до которого я смогу идти'.

Соно мити-о ятто ноборикиттара, кондо-ва такаи гакэ-но муко-ни хиробирото усурасамуи уми-га хиракэта (Акутагава, 239) 'Когда (они) по этой дороге взобрались на самый верх, перед (ними) с высокого утеса открылось широкое, прохладное море'.

Намида-о нугуикиру то, хидари тэ-о агэтэ ками-но хоцурэ-о синаосинагара какиагэта токи, футари-ва мо сугу соба-ни тикаёттэ ита (Арисима, 133) 'Она насухо вытерла слезы и, собрав левой рукой распущенные волосы, причесалась. В это время оба уже подошли к ней вплотную'.

Как видно из приведенных примеров, для перевода *киру* недостаточно глагола совершенного вида, нередко добавляется и наречие.

В современном японском языке имеется несколько групп глаголов, в состав которых входят морфемы типа *кому* и *киру.* К какому же структурному типу слов относятся глаголы, содержащие в своем составе такие морфемы, — к простым, производным или сложным словам? Простыми эти глаголы не являются уже потому, что морфологически они членимы на две морфемы, каждая из которых принимает участие в образовании слова или новой формы слова. Сложными эти глаголы также не являются, так как вторая морфема не соотносится со значением самостоятельно употребляемого слова в современном языке, а то или иное значение имеет только в составе другого слова. Глаголы эти могут быть названы производными потому, что одна из

[22] 金田一京助, 辭海.

морфем, принимающая участие в их образовании, в современном языке потеряла семантическую связь с самостоятельными словами, однако она вносит определенное дополнительное значение в целый ряд слов. Такого рода морфемы необходимо считать суффиксами.

Таким образом, соотнесение морфем типа *кому* и *киру* со словами, имеющими с ними только одинаковую фонетическую и графическую формы, и отнесение слов, в состав которых входят такие морфемы, к сложным, является неправомерным, с точки зрения современного языка, а иногда, возможно, и исторически.

Суффиксы глагольного происхождения в словарях следует, видимо, помещать отдельно от слов, имеющих одинаковую с ними звуковую и графическую формы, указывая, к какому слою лексики и к каким частям речи они присоединяются и какое значение они вносят в производное слово.

В современном японском языке имеется немало таких суффиксов, этимологически восходящих к глаголам японского слоя лексики. Суффиксы эти следующие: *ау, авасэру//авасу* (выражают совместность или взаимность действия); *дасу, какэру* (выражают начало действия); *киру цукусу, нуку, хатэру, хатасу* (выражают полную законченность действия); *эру//уру* (выражает возможность совершения действия); *канэру* (выражает невозможность совершения действия); *цуку, цукэру* (выражают удачу, положительный результат действия); *осэру, сутэру* (выражают успешное выполнение действия); *нокосу, соконау, сондзуру* (выражают неудачу, неуспех действия); *сугиру* (выражает чрезмерность, избыточность действия и качества); *цумэру, цумару* (выражают интенсивность действия); *агуму, тагару* (выражают модальность); *кому* (выражает направленность действия внутрь).

Ау, авасэру//авасу: ииау 'разговаривать друг с другом', *дакиау* 'обниматься', *сасаякиау* 'перешептываться', *матиавасэру* 'ждать друг друга', *миавасу* 'переглянуться' и др.

...Дзибун-ва карэра-то тагаи-ни нагусамэаттэ... (Акутагава, 85) '...Мы бы с ним утешили друг друга...'

Кюко рэсся-но иттосицу-ни нориавасэтэ иру (Акутагава, 127) 'Мы ехали вместе в скором поезде, в вагоне первого класса'.

Дасу, какэру: утаидасу 'запеть', *эгакидасу* 'начать рисовать', *иикакэру* 'начать говорить', *юкикакэру* 'собраться было идти' и др.

Моси мата кэйкантати-га абарэдасу нара кайсю-но тарэ мо даматтэ митэ ва инай дарō (Фудзимори, 330) 'Если полицейские опять начнут скандалить, то вряд ли присутствующие будут молча смотреть на это'.

...Киё-э-но хэндзи-о какикакэта (Нацумэ, 345) '...Я принялся было писать ответ Киё'.

Киру, цукусу, нуку, хатэру, хатасу: моэкиру 'сгорать дотла', *урицукусу* 'продать все', *цукаихатасу* 'растратить все', 'прожиться', *утихатасу* 'убить наповал', *каварихатэру* 'совершенно измениться', *сиринуку* 'знать все', *цукарэнуку* 'устать до смерти' и др.

...Соно као-ва Ёко-но гэнсō-о татикиру ходо-но цуёса-дэ араварэдэта (Арисима, 126) '...Ее лицо настолько отчетливо появилось (перед Ёко), что совершенно развеяло все ее иллюзии'.

Дзибун-но бун-о кирэй-ни куицукуситэ... (Нацумэ, 339) 'Съели подчистую мою долю...'

Окин-ва соно ани-ни аттэ мо мō отагаи-ни као надо-ва васурэхатэтэ ита нара дō сиё надо то симпайсита (Сатō, 489) 'Окин волновалась:

встретится она с братом, а о чем говорить, если они даже в лицо забыли друг друга'.

...Энгэй дзасси-но хока-ни касю я сёсэцу мо икусацу наку санранситэ иру га, идзурэ мо ёи-но кути-кара ёмиакасинуита ато дэару (Нагаи, 362) '...Кроме театральных журналов, кругом разбросаны сборники стихов и романы, но все это после того как они за ночь были прочитаны от корки до корки'.

Эру/уру: какусиуру 'мочь скрыть', *мотомээта* 'смог приобрести' и др.

Ёко-ва нанто иттэ мо дзибун-га нодзомиуру кōфуку-но дзэттё-ни тикаи токоро-ни ита (Арисима, 233) 'Что ни говори, а Ёко была близка к вершине такого счастья, на которое она могла (только) надеяться'.

Канэру: тамариканэру 'не мочь вытерпеть', *матиканэру* 'не мочь дождаться' и др.

Ёко-но иси-ва ика-ни тэ-о нобаситэ мо мо кокоро-но оиюку фуками-ни-ва тодокиканэта (Арисима, 150), букв.: 'Как ни тянула руки воля Ёко, она уже не могла достичь глубины, куда упало ее сердце'.

Цуку. цукукэру: фукицукэру 'заносить', *татакицукэру* 'ударить', *нуицуку* 'пришить', *омоицуку* 'придумать' и др.

Ямабато-ва хаяси-но нака-ни кикинарэнай ниватори-но накигоэ-о кикицукимаситэ... (Тōсон токухон, 36) 'Дикий голубь услышал необычный для леса крик курицы...'

Ōсэру, сутэру: яриōсэру 'справиться', *нигэōсэру* 'осуществить бегство', *адзамукиōсэру* 'удачно обмануть', *кирисутэру* 'зарубить', *укисутэру* 'сжечь'.

Нокосу, соконау, сондзуру: минокосу 'недосмотреть', *кикинокосу* 'прослушать', *иисоконау* 'оговориться', *исондзуру* 'промахнуться стреляя', *какисондзуру* 'сделать ошибку на письме' и др.

Соно кися-о итидо норисоконау то мудани сандзикан мо маттэ инакэрэба инакатта (Сатō, 476) 'Если не сесть на этот поезд, то нужно будет ждать напрасно целых три часа'.

Сугиру: сирисугиру 'слишком хорошо знать', *арисугиру* 'иметь слишком много', *ясасисугиру* 'слишком утонченный', *хайкарасугиру* 'слишком модный', *риппасугиру* 'слишком прекрасный' и др.

...Амарини варэварэ-ва нингэнтэки-на сосицу-о тарё-ни мотисугитэ иру (Акутагава, 161) '...Мы обладали слишком человеческими натурами (В нас было слишком много человеческого)'.

Аммари сидзукасугитэ ёру нандзо осабисику ва аримасэн ка (Нагаи, 370) 'Здесь слишком тихо. По ночам не бывает скучно?'

Необходимо отметить, что обычно при наличии в предложении глагола или прилагательного с суффиксом *сугиру* чрезмерность действия или качества выражается еще, как правило, лексически при помощи наречия *амари (-ни)* 'слишком', 'чересчур'.

Цумэру, цумару: ницумару 'перевариваться', *омоицумэру* 'упорно думать о чем-либо', *тоицумэру* 'настойчиво спрашивать' и др.

Нани-о кисама-ва иссёкэммэй мицумэтэ иру н да? (Фудзимори, 33) 'Во что ты так сосредоточенно всматриваешься?'

Агуму, тагару: утаиагуму 'надоесть петь', *матиагуму* 'надоесть ждать', *мотиагуму* 'надоесть держать', *икитагару* 'хотеть идти', *синдзитагару* 'хотеть верить', *одоритагару* 'хотеть танцевать' и др.

Кому: хикикому 'втаскивать', *цугикому* 'вливать', *тобикому* 'впрыгивать' и др.

Хока-ни ōкина хако-о ёцу бакари цумикондэ... (Нацумэ, 244) 'Кроме этого, (в лодку) погрузили около четырех больших ящиков...

Помимо суффиксов в современном японском языке имеются и префиксы японского слоя лексики, этимологически восходящие к глаголам. Эти префиксы имеют форму II основы глаголов, от которых они произошли. Глагольные формы с префиксом не обладают каким-либо дополнительным значением по сравнению с соответствующими формами без префиксов, а отличаются большей эмоциональностью и выразительностью. Поэтому морфемы такого типа нельзя считать компонентами (корнями) сложных слов, как это делалось в предшествующей литературе. Кроме того, неправильным, по-видимому, является внесение в группу экспрессивных префиксов *аи* и *моти*[23].

Аи, на наш взгляд, не имеет экспрессивного значения; он придает глаголу значение взаимности действия: *аисиндзуру (синдзуру* 'верить') 'доверять друг другу', *аимацу (мацу* 'нуждаться', 'зависеть') 'быть взаимно зависимым', *аикоросу (коросу* 'уничтожать', 'убивать') 'взаимно уничтожать', 'исключать друг друга', *аицугу (цугу* 'следовать за чем-либо') 'следовать друг за другом', *аитомонау (томонау* 'сопровождать что-либо'), 'сопровождать друг друга' и др.

Префикса *моти* нет в современном, не было его и в древнем японском языке, где был префикс *мотэ,* являющийся сокращенной формой древнего деепричастия от глагола *моцу.* В древнем языке деепричастие образовалось путем агглютинации окончания *тэ* ко второй основе глагола: *цукуру-цукуритэ, моцу-мотитэ* и т. п. С появлением в некоторых типах глаголов флексии (начиная с XII в.) появляется новая форма деепричастия, существующая и в современном языке: *цукуру — цукуттэ, моцу — моттэ.* Префикс *мотэ* был образован от древней формы деепричастия глагола *моцу-мотитэ,* из которого выпал слог *ти: мотитэ-мотэ.* Однако в современном японском языке этот префикс является мертвым: в тех словах, в которых его можно выделить, его значение не ощутимо. Например, *мотэхаясу* 'восхвалять', *мотэасобу* 'играть', *мотэнасу* 'принимать', 'развлекать'.

Таким образом, в современном японском языке стилистическими префиксами глагольного происхождения можно считать *бути, ути. фури. мэси, каки, тати, тори, хики, оси и саси: бутиковасу* 'разрушать', 'ломать', *утисутэру* 'бросать', *фуримуку* 'отбиваться', 'обороняться', *мэситору* 'арестовывать', *какикиру* 'отсечь', *татисавагу* 'шуметь', *торихакарау* 'распоряжаться', *хикиханасу* 'разъединять', *ситаосу* 'валить', *сасисэмэру* 'приближаться' и др.

Мō сукоси ясуму нара дэру хō-га ии ё, хитори-дэ хикикомоттэ иру ёри-ва каэттэ ки-га харэру кара (Одзаки, 433) 'Отдохнул уже немного — можно и выйти! Ведь это лучше, чем одному сидеть взаперти, и на душе будет гораздо легче'.

Суруто гиси-ва фурикаэттэ... (Сатō, 492) 'Неожиданно инженер повернулся (к ней)...'

Сорэкара мата осидаматтэ яя сибараку аруита (Сатō, 501) 'Затем он опять замолчал и довольно долго шел молча'.

Сикаси кō нару то ёдзёхан мо хикихараванэба наран, (Нацумэ, 242) 'Но если так, я должен очистить (комнату) в $4^1/_2$ дзё'.

Тядай-о яранай то сомацу-ни ториацукаварэру то киитэ ита (Нацумэ, 246) 'Я слышал, что, если не дашь на чай, то с тобой будут грубо обращаться'.

---

[23] См.: А. А. Пашковский, *Словообразование в современном японском языке,* стр. 239.

Префиксы глагольного происхождения непродуктивны в современном языке. Они присоединены к определенным глаголам, в составе которых только и употребляются.

Суффиксы, исторически восходящие к глаголам, также в основном непродуктивны. Продуктивными суффиксами этого типа являются *ау* (выражает совместность или взаимность действия), *эру//уру* (выражает возможность совершения действия), *дасу* (выражает начало действия), *киру* (выражает полную законченность действия) и *сугиру* (выражает чрезмерность действия или качества).

Продуктивными могут считаться суффиксы, присоединяемые не только к японскому, но и к китайскому слою лексики, в частности, к продуктивному в современном языке классу глаголов китайского слоя лексики, образованных с помощью *суру: ииау (иу* 'говорить') 'говорить друг с другом', 'переговариваться'; *айбусиау (айбусуру* 'ласкать') 'ласкать друг друга'; *мотомээру (мотомэру* 'приобретать') 'смочь приобрести'; *кёкасиуру (кёкасуру* 'оценивать') 'смочь оценить'; *угокидасу (угоку* 'двигаться') 'начинать двигаться'; *кёхонсидасу (кёхонсуру* 'метаться') 'начинать метаться'; *урикиру (уру* 'продавать') 'продавать все (полностью'; *мокудзюсикиру (мокудзюсуру* 'повиноваться', 'покоряться') 'полностью повиноваться', 'покоряться'; *тигаисугиру (тигау* 'отличаться') 'слишком отличаться'; *тōтоцусугиру (тōтоцу-на* 'неожиданный') 'слишком неожиданный' и др.

Тагаи-ни хōмонсиатта кото-ва дзайгакутю вадзука-ни итидо ка нидо-гураи-ни сугинакатта (Нагаи, 369) 'Занимаясь в школе, они всего лишь какие-нибудь один-два раза навестили друг друга'.

Окимисан-но сантимантаридзуму-ни бисё-о киндзиэнай... (Акутагава, 169) '(Я) не могу подавить улыбки от твоей сентиментальности...'

Гои-ва соноути-ни, сюдзин-но сисэн-га, дзибун-но уэ-ни, ацуматтэ иру-но-о кандзидасита (Акутагава, 35) 'Гои в этот момент почувствовал, что взоры публики сосредоточились на нем'.

Соно токи-но мандзокусикитта карэ-но кокоро-ни-ва... (Акутагава, 77) 'В это время в его совершенно (до краев) удовлетворенной душе...'

Боку-ва амари тёкусэнтэкисугиру н дэсё ка (Арисима, 252) 'Я, вероятно, слишком прямолинеен?'

Непродуктивность отдельных суффиксов японского слоя лексики находится в прямой связи с общей тенденцией развития лексики японского языка, пополнение словарного состава которого происходит в основном за счет корней и аффиксов китайского слоя лексики. Корни китайского слоя лексики, как правило, не употребляются самостоятельно, вне сочетания их по два-три (и более) корня, образующих слово, самостоятельно используемое в языке. Поэтому, чтобы выразить, например, действие, направленное внутрь чего-либо, образуются слова из корней китайского слоя лексики, один из которых имеет значение 'входить' — *нюː* (入), и поэтому к таким словам уже не нужно присоединять еще суффикс *кому*. Например: *киньōсуру* 'вписать' (в список и т. п.); *синнюːсуру* 'вступить', 'войти (о войсках)', *нюːтōсуру* 'вступить в партию'; *нюːгакусуру* 'поступить в школу' и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном японском языке глаголы, образованные по модели «II основа глагола + глагол», не однородны, а составляют два структурных типа слов: сложные глаголы и производные глаголы. При определении морфологического типа того или иного слова следует исходить не из перевода его на

русский язык и не из письменности, а из характера образующих его морфем, при определении которых необходимо установить, чем является морфема на данном, рассматриваемом этапе развития языка независимо от ее этимологических связей.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Акутагава — 芥川龍介集, 現代本文學全集, 第三十篇, 1928.
Арисима — 有島武郎集, 現代日本文學全集, 第二十七篇, 1927.
Нагаи — 永井荷風集, 現代日本文學全集, 第二十二篇, 1927.
Нацумэ — 漱石全集, 第二卷, 1928.
Одзаки — 尾崎紅葉, 明治大正文學全集, 第五卷, 1927.
Сатō — 佐藤春夫集, 現代日本文學全集, 第二十九篇, 1927.
Фудзимори — 選新藤森成吉集, 1929.
Дзиммин бунгаку — 人民文學
Тōсон токухон — 藤村讀本, 第一卷, 1927.

Г. Ш. Шарбатов

О ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПЕТСКОМ ДИАЛЕКТЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Для отрицания факта действия или состояния употребляется частица: *ма...ш*[1] 'не', образованная от *ма...шē*; *муш/миш* 'нет', 'не', состоящая из *ма*+*ху*+*шē*. Подобный способ образования отрицательных частиц чужд литературному языку, где отрицание выражается частицами *лā*, *мā*, *лам*, *лан* и глаголом *лайса*. В глагольных выражениях употребляются *муш/мищ* (перед глаголом), *ма...ш* (*ма* перед глаголом, *-ш* после него). В именных предложениях встречаются частицы: *муш/миш* (перед именным сказуемым); *мафīш* (в роли именного сказуемого); *ма...ш* (если подлежащее выражено личным местоимением). Примеры:

мин йомēн ма калтīш (Mitch.. Eg. coll. ar., p. 152) 'Я не ел два дня';

ма лīш баҳт (Идрис, стр. 71) 'У меня нет счастья';

аслан ма нташ 'āриф (Аш-Шаркауи, стр. 212) 'Ты, действительно, не знаешь';

мищ 'āуиз ҳāга! (Диал. тексты, стр. 315) 'Ничего не хочу!';

мафīш 'андина маййа (Шарб., Хрест., стр. 40) 'У нас нет воды'.

В связи с этой особенностью и в повелительно-отрицательных предложениях в диалекте употребляется частица *ма...ш*:

ма тиз'алш (Мух. Теймур, стр. 375) 'Не сердись!'

ма тҫаддақуш (Eld., Eg. read, p. 2) 'Не верьте ему!'

Образование отрицательных предложений посредством указанных частиц в современном египетском диалекте является продуктивным и типичным. Но в отдельных случаях отрицание может выражаться только частицей *ма* (без *-ш*), если, например, факт отрицания усиливается клятвой:

ўаллāхи māни 'āриф хиййа мīн! (Идрис, стр. 54) 'Клянусь аллахом, я не знаю, кто она!'

'аҳсим лак ма кāн фīха 'илла ўарқītēн ил-боста! '(Идрис, стр. 60) 'Клянусь тебе, там не было ничего кроме двух почтовых открыток!'

[1] В данной статье примеры даются в русской транскрипции, разработанной акад. И. Ю. Крачковским. Для звуков, специфических только для диалектальной речи, нами введены дополнительно следующие знаки: *г, е, ē, о, ū,* (редуцированный *ы*). Примеры, взятые из диалектологических материалов западноевропейских ученых и произведений арабских писателей, переведены нами на русскую транскрипцию.

ўин- наби māна фāди! (Идрис, стр. 58) 'Клянусь пророком, я не свободен!'

В египетском диалекте повествовательные предложения, в которых сообщается или утверждается факт действия или состояния, не отличаются по своему характеру от соответствующих предложений в литературном языке:

лисса ма'āна флўс (Ал-Хамиси, стр. 74) 'У нас пока есть деньги';

ўи фил-л-ҳāл дафа' лу франкēн ўе қа'ад йāкул (Eld., Eg. read., p. 4) 'Он тотчас уплатил ему два франка и сел поесть'.

Значительные расхождения в области синтаксиса простого предложения между египетским диалектом и литературным арабским языком обнаруживаются в предложениях вопросительных. В отличие от литературного языка, общий вопрос в диалекте строится без вопросительных частиц. Здесь главную роль играет интонация вопросительного предложения[2]. Например:

тāкул ҳēру ўитҳибб гēру? (Lit., Kair. Spr., S. 16) 'Ты ешь его хлеб, а любишь другого?'

қāл лу: инта гибт ил-бусāт? (Eld., Eg. read., p. 42) 'Он сказал ему: «Ты принес ковер?»'

Для сравнения приведем следующие примеры[3] из литературного языка и диалекта:

В диалекте	В литературном языке
و شفت سعادتك حمام السباحة؟	أ رأيت حمام السباحة؟ (٩٥)
'Видели ли вы купальню?'	
هوبيبيع العربية بتاعته؟ (٢٣٠)	أ يبيع سيارته؟ (١٠٠)
'Он продает свою машину?'	
هى جت من إسكندرية؟ (٢٣٦)	أجائت من الاسكندرية؟ (١٠٦)
'Она приехала из Александрии?'	
قلت حاجة لكريم بخصوص المطلب	أقلت شيئا لكريم فى شأن
بتاعته؟ (٢١٧)	المطلب الذى رغب فيه؟ (٧٧)

'Говорил ли ты Кериму что-либо о его деле?'

Кроме интонации для подчеркивания характера вопроса, широко используются в египетском диалекте различные лексические и синтаксические средства. Так, например. для выражения вопроса употребляется слово *йа'ни*, которое в этом случае, как надо полагать, теряя свои глагольные свойства, превращается в частицу. Нередки случаи, когда перед вопросительным предложением специально ставится личное местоимение *хуўўа*, чтобы лучше акцентировать идею вопроса. *хуўўа* не согласуется с подлежащим и не изменяется, что, видимо, свидетельствует также о потере им своего лексического значения и постепенном превращении в частицу. Для различения вопросительных предложений в диалекте употребляется также постпозитивная частица *ш*, восходящая к *шē* 'что-либо'.

Как и в литературном языке, в вопросительных предложениях может употребляться оборот *йа тара* 'неужели', 'интересно знать', 'знаешь ли' и

[2] Данное явление присуще всем современным диалектам арабского языка.

[3] Примеры взяты из пьесы Махмуда Теймура «Ложь во лжи», написанной им на литературном языке и на египетском диалекте: محمود تيمور، كذب فى كذب، القاهرة

т. д., который можно отнести к разряду модальных слов, выражающих оттенок предположения или вероятности. В диалекте оборот *йа тара* употребляется перед вопросительными предложениями (в литературном языке этот оборот обычно стоит в конце предложения) [4].

Приведем случаи употребления указанных вопросительных слов в египетском диалекте.

Вопросительные предложения с *хуўўа:*

хуўўа ана ртакабт гинайа? (Мух. Теймур, стр. 362) 'Разве я совершил преступление?';

хуўўа фӣ хага танйа? (Мух. Теймур, стр. 335) 'Есть что-нибудь другое?';

хуўўа нта муш митгаз минну? (Идрис, стр. 65) 'Ты на него не сердишься?';

хуўўа нти? (Spitta-bey, Cont. ar., p. 122) 'Это ты?'

хуўўа хна ма 'андинаш шугл гер-кум? (Аш-Шаркауи, стр. 62) 'Разве у нас нет дела кроме вас?'

Вопросительные предложения с *-ш:*

тирўхш инта ма'ах?... Тисафирш? (Аш-Шаркауи, стр. 119) 'Ты едешь с ним?.. Уезжаешь?';

Балакш фир-р-рагил да? (Spiro-bey, Ar. dict., p. 46) 'Помнишь ли ты этого человека?';

ма'акш мин маср хабар? (Palm., Man., p. 253) 'Есть ли у тебя из Египта какая-нибудь новость?';

тикўнш ил- 'аффўра хина? (Мух. Теймур, стр. 401), 'Здесь ли птичка?';

*йикўнший бёник ўе бёнха ма'рифа? (*Мух. Теймур, стр. 407) 'Знакома ли ты с нею?' [5].

Вопросительные предложения с *йа'ни:*

*йа'ни мта'аккид сахӣх 'инну муш хайкўл ли амӣн хага? (*Мух. Теймур, стр. 392) 'Ты действительно уверен, что он ничего не скажет Амину?';

йа'ни ма нтўш сактӣн? (Идрис, стр. 58) 'Не будете молчать?'

*йа'ни хуўўа л-мӣлик гамӣл 'аннак? (*Spitta-bey, Cont. ar, p. 57) 'Что, разве царь красивее тебя?'

Вопросительные предложения с *йа тара:*

йа тара 'абу ўала хабӣб илли катилак? (Spitta-bey, Cont, ar. p. 57) 'Как бы узнать, друг или недруг убил тебя?';

*йа тара ил-гара си хаттўл ўала'ё? (*Мах. Теймур, стр. 99) 'Интересно знать, долго ли будет продолжаться этот налет?'

---

[4] См.: А. Мамедов, *О простом предложении в современном арабском языке,* кандидатская диссертация, Баку, 1952, стр. 53.

[5] Не вполне обоснованным является утверждение Уилмора (S. Willmore, *The spoken arabic of Egypt,* London, 1905, p. 298) о том, что частица *-ш* является второй половиной сложной частицы *ма...ш.* Как показывает ряд примеров, частица *-ш* самостоятельна и не связана с *ма.* Об этом свидетельствует и литературная параллель нашего последнего примера: فهل بينك و بينها معرفة؟ (Мух. Теймур, стр. 406).

Как видно из примеров, перечисленные выше дополнительные средства усиления вопроса обычно стоят в начале предложения.

В отличие от литературного языка, в диалекте при образовании специальных вопросительных предложений вопросительные слова, за исключением отдельных случаев, ставятся не в начале, а в конце предложения. Для сравнения возьмем несколько примеров из пьесы Махмуда Теймура «Убежище № 13», [6] написанной на литературном языке и египетском диалекте:

В диалекте	В литературном языке
بس اخرج ازاى؟! (١٠٢)	و كيف اخرج؟ (١٧)
'Как же я выйду?!'	
نمرة العربية كام؟ (١!٢)	كم رقم السيارة؟ (١٧)
'Какой номер машины?'	
انت فين؟ (١٦٨)	اين انت؟ (٨٢)
'Где ты?'	
انت جبتها منين؟! (١٥٥)	من اين اتيت بها؟ (٦٩)
'Откуда ты принесла ее?'	
امال عايزه ايه؟ (١١٠)	ماذاتطفين اذن؟ (٢٥)
'Что же ты хочешь?'	
الهانم مش راضيه ترقص ليه؟ (١١٩)	و لم لاتريد الهانم ان ترقص؟ (٣٤)
'Почему ханум не желает танцевать?'	

Приведем несколько примеров также из других диалектологических материалов:

*'инт амсафир фён? (*Spitta-bey, Cont. ar., p. 16) 'Ты куда едешь?'

зи'илтӣ минха лё? (Диал. тексты, стр. 322) 'Почему ты рассердился на нее?'

гара'ё? (Mitch ., Fg. coll. ar., p. 150) 'Что случилось?'

да хаттӣ мӣн? (Heyw.-Dunne, C. dar, p.18) 'Это чей почерк?

бити'мил'е ? (Шарб., Хрест., стр. 53) 'Что ты делаешь?'

Своеобразие места вопросительных слов в специальных вопросительных предложениях в египетском диалекте, видимо, объясняется влиянием синтаксиса коптского языка [7]. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что в коптском языке специальные вопросительные слова также стояли в конце предложения [8]. Аналогичный порядок слов был характерен и для древнеегипетского языка: *i r t r tn ?* (А. Эрман, *Египетская грамматика,* СПб., 1905, стр. 148) 'Куда ты идешь?' (*tn* 'где', 'куда').

Об иноязычном, неарабском, происхождении подобного порядка слов в вопросительных предложениях свидетельствует также и то, что в других арабских диалектах вопросительные слова стоят в начале предложения, как и в литературном языке. Примеры:

Сирийский диалект:

ўён бидрӣд трўх? (Сем., Хрест., стр. 50) 'Куда хочешь ехать?'

кӣф хӓл абўк? (Сем., Хрест., стр. 52) 'Как здоровье твоего отца?'

---

[6] محمود تيمور، المخبأ رقم ١٣، القاهرة، ١٩٤٩

[7] Впервые такое предположение высказал Ф Преторпус в статье «Koptische Spuren in der ägyptisch-arabischen Grammatik («Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1901, Heft 1).

[8] G. Steindorff, *Koptische Grammatik,* Berlin, 1904, § 422.

шӯ битрӣд 'амр сӣдӣ? (Сем. Хрест., стр. 53) 'Что вам угодно приказать, господин?'

Иракский диалект:

миннēщ таӯаджджа'т? (Ber., Dial. ar., p. 31) 'От чего ты заболел?'

'ӣщ ма'нӣту 'исм ӯилӣйиткум? (Ber., Dial. ar., p. 34) 'Как называется ваш вилайет?'

лēш тес'ел хес-суӯӣл? (Ess, Sp. ar., p. 93) 'Почему ты задаешь этот вопрос?'

ӣймта тарджа'? (Ess, Sp. ar., p. 52) 'Когда вернешься?'

Магрибинские диалекты:

Тунис: *фӣн ҳатт ел-мгарфа?* (Jour., C. pr. d'ar., p. 76) 'Куда он положил ложку?';

'еш 'амалт ел-бēрах? (Jour., C. pr. d'ar., p. 76) 'Что ты делал вчера?'

Алжир: *кӣш ма то'рафш?* (Mar., Text. ar., p. 87) 'Как ты не знаешь?'

уӣщ нкӯлу? (Mar., Text. ar,, p. 61) 'Что мы ему скажем?'

Марокко: *фӣин мӣши б-ход ел-ҳӣбйа?* (Col., chrest., p. 90) 'Куда ты идешь с этим кувшином?';

у кӣфӣш ӣмкен хӣд еш-шӣ? (Col., chrest., p. 107) 'Как это может быть возможно?'

Постановка вопросительных слов в конце вопросительных предложений является нормой в современном египетском диалекте. Вместе с тем в нем наблюдаются случаи, когда вопросительные слова выносятся в начало предложения. Подобные случаи встречаются главным образом в сложных предложениях, где препозитивное использование вопросительных слов, видимо, вызывается необходимостью ясного и четкого построения этих конструкций. Например:

'иззӣй 'аҳаллӣки тикра ӯ инти 'андики ҫдӣ' (Мух. Теймур, стр. 414) 'Как же я позволю тебе читать, когда у тебя болит голова?'

'ē илли sapa? (Мух. Теймур, стр. 414) Что [то, что] произошло?'

Кроме того, под влиянием литературного языка и других диалектов наблюдаются случаи, когда в египетском диалекте вопросительные слова стоят и в начале простых предложений. При этом в диалекте встречаются одни и те же примеры, в которых вопросительные слова стоят либо в начале, либо в конце предложения:

'ē фикрак? (Eg. read., p. 57) 'Как ты думаешь' и ср.: *фикрак 'ē?* (Eld., Eg. read., p. 63);

'ē хуӯӯ да? (Идрис, стр. 55) 'Что это?' и ср.: *хуӯӯа'ē?* (Идрис, стр. 55).

Однако случаи употребления вопросительных слов в начале простого предложения пока что очень редки. Так, анализ языка новой пьесы Ю. Идриса «Республика Фархата» (1956 г.) показал, что в 86 из 92 предложений с вопросительными словами эти слова стоят в конце предложения и только 6 предложений начинаются ими.

Мы коснулись в общих чертах некоторых особенностей синтаксиса современного египетского диалекта, благодаря которым он занимает несколько своеобразное место среди других арабских диалектов. Своеобразие это объясняется историческими условиями развития египетского диалекта в иноязычном (коптском) окружении. Коптский язык наложил заметный отпечаток на его грамматический строй и

лексический состав[9], в результате чего египетский диалект отстоит от литературного арабского языка намного дальше, чем арабские территориальные диалекты, например Сирии, Аравии, Ирака.

Ниже в качестве иллюстративного материала приводятся тексты на египетском диалекте. Они интересны главным образом тем, что содержат в себе много характерных примеров вопросительных и отрицательных предложений. Тексты извлечены из «Хрестоматии» Э. Элдера (E. Elder, *Egyptien colloquial arabic reader*, London, 1927, p. 13 cq).

Текст №1

марра ми-л-маррӣт тили' гӯҳа 'ал-мамбар 'алашӣн йиҳтуб ӯе йиӯ'иҙ ин-нӣс кӣл: йа нӣс, инту ти'рафулли рӣҳ акӯл-у лкум? кӣлу: ла ма ни'рафӯш.

кам кал лухум: мадӣм иннуку ма ти'рафӯш илли рӣҳ акӯлулкум мафӣш файда фи ӯа'ҙи лин-нӣс ил-гухала илли зеййукум. йинзил мин 'ала-л-мамбар ӯе ҳад ба'ду ӯе миши.

ӯеф йӧм тӣни рӣҳ иг-гӣми' ӯе тили' 'ал-мамбар ӯе кӣл: алла нту бтифхаму лли ана 'ӣйиз акӯл-у лкум? кӣлӯлу: ейӯа нифхам каӯи.

кам кал лухум; ҳēс иннуку бти'рафӯх мафӣш лузӯм фи кӧни акӯлулкум тӣни? ӯе низил мин 'ала-л-мамбар ӯе хараг.

ӯе ба'дēн фи йӧм тӣни ӯиқиф 'ал-мамбар ӯе кӣл: йа нӣс, йа мҫаллиййин инту ти'ламу лл ана рӣйиҳ акӯлу? фаҳтӣру фи-лгаӯӣб ӯеттафаку ӯеййа ба'дӣ 'ала иннӣ шӯеййа мин-хум йикӯлу: ла ма ни'ра-фш ӯе шӯеййа: ейӯа ни'раф ӯе гаӯбӯх зейй кида.

кӣм кал лухум: лӣзим инн илли йи'раф йи'аллим илли ма йи'рафш 'алашан ана муш 'ӣӯуз аӯга димӣги!

'Однажды Гуха поднялся на минбар, чтобы произнести проповедь перед людьми. Он сказал: «О люди! Знаете ли вы то, что я собираюсь вам сказать?». Они сказали: «Нет, мы не знаем этого».

И он сказал им: «Раз вы не знаете того, что я собираюсь вам сказать, нет пользы от моей проповеди для невежественных людей подобных вам». Он сошел с минбара, взял кое-кого с собой и ушел.

В другой раз он пришел в мечеть, поднялся на минбар и сказал: «А догадываетесь ли вы о том, что я хочу вам сказать?» Они ответили ему: «Да, мы очень хорошо догадываемся».

И он сказал им: «Так как вы знаете это, нет необходимости в том, чтобы я сказал это вам снова». Он сошел с минбара и вышел из мечети.

Потом в другой день он стал на минбаре и сказал: «О люди! О моляшиеся! Знаете ли вы, что я хочу вам сказать?» Они смутились в ответе и договорились друг с другом, что одни скажут: «Нет мы не знаем», а другие — «Да, знаем». Так и ответили ему.

И он сказал им: «Надо, чтобы тот кто знает, сообщил тому, кто не знает, так как я не хочу утруждать свою голову»'.

Текст №2

фи йӧм ми-л-аййӣм рӣҳ гӯҳа ли-т-тӣхӯнӣ фи-ҫ-ҫубхӣ 'ӣлӣшӣн йитҳин тиҳӣну фа бака йисрик мин куфаф ин-нӣс ӯехаттуфи куффитухуӯӯа.

---

[9] О характере коптских заимствований в словарном составе современного египетского диалекта см.: Г. Шарбатов, *Лексико-грамматическая характеристика египетского диалекта,* кандидатская диссертация, М., стр. 281.

фа қаллу-т-таххāн: бети'мил'ē йа гӯха? қам қаллу: ана 'абӣт фа қаллу-т-таххāн: иза куттӣ 'абӣт лē мабтахудшӣ мин куффитак ӯе тиӯда' фи куфаф ин-нāс.

қам қаллу гӯха: ана далӯактӣ 'абӣт ӯāхид ӯиза 'аталтӣ кида абқа 'абитен фа диҳик 'алēх ит-таххāн ӯе сāб-у.

'Однажды утром Гуха пришел на мельницу, чтобы молоть себе муку и стал красть (муку) из мешков (других) людей и сыпать ее в свой мешок.

И сказал ему мельник: «Гуха, что ты делаешь?» Гуха ответил ему: «Я дурачок». Мельник сказал ему: «Если ты дурачок, почему же не берешь муку из своего мешка и не кладешь ее в мешок людей?»

И ответил ему Гуха: «Сейчас я просто дурачок (букв.: 'один дурачок'). Если бы я сделал так, то стал бы дважды дурачком (букв.: 'стал бы двумя дурачками'). Посмеялся над ним мельник и отпустил его'.»

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ал-Хамиси	عبد الرحمن الخميسى، لن نموت، القاهرة، ١٩٥٣
Аш-Шаркауи	عبد الرحمن الشرقاوى، الارض، القاهرة، ١٩٥٤
Диал. тексты	Диалектологические тексты, помещенные в приложении к работе: Г. Ш. Шарбатов, *Лексико-грамматическая характеристика египетского диалекта*, кандидатская диссертация, М., 1955, стр. 281.
Идрис	يوسف ادريس، مسرحية "جمهورية فرحات"، ١٩٥٦
Мах. Теймур	محمود تيمور، مسرحية "المخبأ رقم ١٣"، القاهرة، ١٩٤٩
Мух. Теймур	مؤلفات محمد تيمور، الجزء الثانى، القاهرة، ١٩٢٢
Сем., Хрест.	Д. В. Семенов, *Хрестоматия разговорного арабского языка* (*Сирийское наречие*), Л., 1929.
Шарб., Хрест.	Г. Ш. Шарбатов, *Хрестоматия по египетскому диалекту*, М., 1954.
Ber., Dial. ar.	— E. Bérésine, *Guide du voyageur en orient. Dialogues arabes*, Spb., 1857.
Col., Chrest.	— M. Colin, *Chrestomathie marocaine*, Paris, 1939.
Eld., Eg. read.	— E. Elder, *Egyptien colloquial arabic reader*, London, 1927.
Ess, Sp. ar.	— J. U. Ess, *The spoken arabic of Iraq*, London, 1956.
Heyw.-Dunne, C. d'ar	— M. Heyworth-Dunne, *Cours d'arabe égyptien parlé*, London, 1948.
Jour., C. pr. d'ar.	— J. Jourdan, *Cours pratique d'arabe dialectal*, 1-ére année, Tunis, 1956.
L. it., Kair. Spr.	— Enno Littman, *Kairiner Sprichwörter und Rätsel*, Leipzig, 1937.
Mar., Text. ar.	— Ph. Marcais, *Textes arabes de Djidjelli*, Paris, 1954.
Mitch. Eg. coll. ar.	— T. E. Mitchell, *Egyptien colloquial arabic*, London, 1956.
Palm., Man	— E. H. Palmer, *The arabic manual comprising a condensed grammar of both the classical and modern arabic reading lessons and exercises*, London, 1925.
Spiro-bey, Ar. dict.	— S. Spiro-bey, *Arabic-English dictionary of the modern Arabic of Egypt*, Cairo (2 ed. 1923).
Spitta-bey, Cont. ar.	— G. Spitta-bey, *Contes arabes modernes*, Paris, 1883.
Nill., Sp.ar.	— S. Willmore, *The spoken arabic of Egypt*, London, 1905.

А. А. Рожанский

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В области фразеологии особенно отчетливо проявляется то, что обычно называют системой языка, т. е. взаимосвязь и взаимообусловленность языковых явлений. Между тем в лингвистической литературе существуют мнения, согласно которым переход свободных словосочетаний во фразеологические дает лишь лексико-семантические, но не структурно-грамматические изменения. Так, О. С. Ахманова пишет: «Фразеологические единицы выделяются своей семантической монолитностью, не отличаясь по форме от обычного словосочетания»[1].

Некоторое отклонение от подобной трактовки вопроса наблюдается у К. А. Левковской: «...фразеологические единицы по своему грамматическому оформлению в ряде случаев (разрядка моя.— *А. Р.*) ничем не отличаются от свободных сочетаний слов в предложении»[2].

Частично эту мысль находим у Э. В. Севортяна[3]: «...скованные сочетания... не подвергаются грамматической перестройке... второй элемент скованных сочетаний полностью (разрядка моя.— *А. Р.*) сохраняет способность ко всем грамматическим изменениям, свойственным данной части речи. Это значит, что приводившиеся выше глагольные выражения с дополнениями и пр.[4] не переходят в другие части речи, а остаются глагольными выражениями, и второй их член, т. е. глагол, способен принимать все грамматические изменения, присущие этим частям речи».

Положения упомянутых выше авторов справедливы в том смысле, что фразеологические единицы при своем возникновении грамматически оформлены по правилам свободных словосочетаний. Это значит, что в грамматическом отношении фразеологические словосочетания ка-

---

[1] О. С. Ахманова, *К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц* («Труды Института языкознания», т. IV, 1954), стр. 51.

[2] К. А. Левковская, *О словообразовании и его отношении к грамматике* («Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952), стр. 172.

[3] Э. В. Севортян, *Соотношение грамматики и лексики в тюркских языках* (сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952), стр. 322.

[4] Э. В. Севортян приводит примеры из азербайджанского языка: *арвад алмаг* 'жениться', 'взять в жены' (дословно: 'взять жену'); *аддым атмаг* 'шагать', 'ходить' (дословно: 'бросать', 'выбрасывать шаги'); *дил ачмаг* 'заговорить', 'стать разговорчивым' (дословно: 'открыть язык') и др.

кой-то отрезок времени еще не порывают со свободными словосочетаниями, из которых они возникли путем переосмысления. Но фразеологизация словосочетания не может не оказывать влияния на его структурно-грамматическую сущность. Процесс лексико-семантической фразеологизации сопровождается преодолением живых синтаксических связей между компонентами свободного словосочетания. Справедливо, с нашей точки зрения, утверждение Э. В. Севортяна о том, что глагольный стержень в лексикализованных выражениях сохраняет свою словоизменительную парадигму. Однако при фразеологизации словосочетаний происходит сужение и ограничение их грамматических свойств. В отдельных случаях имеет место архаизация грамматических форм с последующей заменой их новыми формами. В некоторых фразеологических словосочетаниях архаические формы сохраняются.

Мы отмечали, что с переходом свободных словосочетаний в устойчивые использование в них грамматических форм ограничивается. Подобные ограничения свойственны и словосочетаниям, возникшим сразу как фразеологические, без стадии свободных словосочетаний.

Проиллюстрируем это положение на материале глагольного управления. Один и тот же глагол, управляющий в свободных словосочетаниях многими падежами, входит в фразеологическое словосочетание с одним видом управления. Но это управление в силу семантического единства компонентов не осознается грамматически. Так, глагол *basmak* 'давить' управляет винительным и дательным падежами. Но в устойчивом словосочетании *el basmak* 'поклясться' глагольное управление не осознается, так как это словосочетание претерпело некоторую эволюцию: в нем затемнено управление, словосочетание выступает как единый член предложения (ср.: *O kızı seveceğine kurarı kerime el bastı* 'Он поклялся девушке, что будет ее любить').

Грамматические преобразования внутри фразеологических групп находятся в связи с их семантическим переосмыслением. Эти преобразования неодинаковы в фразеологических единицах различного типа.

Прежде всего нужно рассмотреть грамматические изменения в группе фразеологических сочетаний, являющихся первой ступенью перехода от свободных словосочетаний к устойчивым. Поскольку фразеологические сочетания выделялись из свободных словосочетаний, нужно проследить, как это отразилось на их форме, какая разница между синтаксическими связями в свободных словосочетаниях и фразеологических.

Способы синтаксических связей в фразеологических сочетаниях те же, что и в свободных. Но эти связи в фразеологизмах воспринимаются по традиции как готовые, а не как вновь создаваемые речевой деятельностью. Грамматические границы между фразеологическими и свободными словосочетаниями нечетки, колеблются. Но какими бы ни были их колебания, синтаксические связи фразеологических сочетаний сохраняют самую непосредственную связь с синтаксисом данного языка.

В словосочетаниях других разновидностей (фразеологические единства и сращения) можно наблюдать ряд синтаксических сдвигов. В фразеологических единицах этих типов семантическая неделимость ведет к их грамматической неделимости. Именно здесь внутри сочетаний отсутствуют отношения определения к определяемому, затемнено управление и т. д. Делимость на компоненты — лишь след былой

синтаксической делимости. Переход в фразеологические единства или сращения сопровождался потерей грамматической, синтаксической делимости. Рассматривая, например, фразеологическое словосочетание *göz açmak* 'прозреть', можно сказать, что *göz* 'глаз' по происхождению является прямым дополнением и управляется глаголом *açmak* 'открыть', но внутри фразеологического единства оно не является дополнением, так как выражение семантически неделимо.

Некоторые структурно-грамматические особенности, присущие фразеологическим словосочетаниям, обнаруживаются при рассмотрении отдельных грамматических категорий в устойчивых и свободных словосочетаниях. Начнем с залога, который получает свое грамматическое выражение в соответствующих формах глагола. В зависимости от того, имеют глаголы отношение к объекту или нет, они распределяются по двум группам: переходные и непереходные. Глаголы переходные обозначают действия, производимые субъектом и направленные на объекты (например: *kesmek* 'резать', *açmak* 'открывать, *almak* 'брать', *vermek* 'давать').

Исследуя устойчивые словосочетания в плане залоговой отнесенности их глагольных компонентов, можно установить отличительные для устойчивых словосочетаний особенности. На некоторые из них обращает внимание А. Н. Кононов: при построении лексической синтагмы, т. е. фразеологической единицы со вторым компонентом в виде глагола *etmek* и *olmak* согласно общему правилу, арабские «масдары и причастия... при сочетании с *etmek* образуют переходные глаголы, при сочетании с *olmak* — непереходные. Например, *kabul etmek* 'принимать', *kabul olmak* 'быть принятым'»[5].

Отметим и другие залоговые особенности глаголов в устойчивых словосочетаниях: преобладающее большинство глаголов в устойчивых словосочетаниях переходного значения. Следует отметить при этом, что некоторые свободные словосочетания с глагольным компонентом переходного значения, перерастая в фразеологические словосочетания, приобретают в целом значение непереходное, зачастую значение состояния. Например, *kavuk sallamak* 'лицемерить', имеющее непереходное значение входит к свободному словосочетанию, в котором глагол *sallamak* 'махать' имел переходное значение, управляя словом *kavuk* (старинный головной убор). Количество устойчивых словосочетаний с глаголами непереходного значения весьма ограничено.

Что касается наклонений, то можно отметить, что в устойчивых словосочетаниях исключается или весьма ограничено употребление повелительного наклонения. Например, устойчивые словосочетания *göze çarpmak* 'броситься в глаза', *pot kırmak* 'говорить глупости', 'болтать' не встречаются в формах повелительного наклонения. Если образовать формы повелительного наклонения *(göze çarpınız, pot kırınız)*, то эти словосочетания потеряют свое целостное значение. С переходом в повелительное наклонение происходит семантическое расчленение фразеологического словосочетания, и компоненты *göz, pot* можно принять за прямые дополнения.

Теоретически возможны, но практически очень редко встречаются фразеологические словосочетания в сослагательном наклонении. Система видов, тесно переплетенная с системой времен, очень сложна во

---

[5] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 264.

многих языках, особенно в турецком. Н. К. Дмитриев писал: «Понимание вида, которое вкладывали в русский глагол (количественное протекание действия, сводящееся к моментам совершенности и несовершенности, однократности и многократности), не исчерпывает всего содержания тюркских глагольных видов. Это связано, по-видимому, с тем, что сама категория вида в тюркских языках не окончательно стабилизировалась, кристаллизовалась, как это мы имеем в русском глаголе»[6]. Видимо поэтому некоторые тюркологи вообще отрицали наличие видов в тюркских языках. Применительно к турецкому языку и на большом фактическом материале М. С. Михайлов, различая виды длительный, предположительный, начинательный, завершительный, результативный и вид намерения, говорит не только о грамматических средствах их оформления, но и о тех аспектах, в которых могут фигурировать перифрастические формы. Что касается устойчивых словосочетаний, то в них видовые различия передаются при помощи перифрастических форм. В подтверждение этого положения М. С. Михайлов приводит следующие примеры: *Büyük valide namaz kılmakta imiş* 'Оказывается, бабушка непрестанно творила намаз'. В данном словосочетании форма *-makta imiş* передает непрерывность действия в прошлом.

Значение длительного вида имеет форма ***-miş bulunmaktadır.*** Например:

Asiler geniş olçüde bir taarruza girişmiş bulunmaktadırlar 'В последнее время повстанцы непрерывно предпринимают наступление в большом масштабе'.

Форма *makta olan* выражает длительность действия в настоящем или в прошлом. Например:

Gelenler hakikaten kol gezmekte olan yeniçeriler imiş 'Пришедшие, оказывается, действительно были янычарами, которые все время ходили дозором'[7].

Наши замечания по категории лица имеют в виду следующее: устойчивые глагольные словосочетания предполагают источник действия или состояния, выраженного глагольным фразеологическим словосочетанием преимущественно в одной форме лица.

Категория числа также ограничена в глагольных устойчивых словосочетаниях. Хотя многие из них допускают и единственное и множественное число, но можно говорить о глагольных устойчивых словосочетаниях, употребительных лишь в одной форме, преимущественно единственного числа. Например: *hoşuna gidiyor* 'ему нравится' (3-е лицо единственного числа).

Отметим также, что грамматически словосочетания формируются на основе синтаксических свойств компонентов, относящихся к определенным частям речи. Поскольку в каждом словосочетании обнаруживается ведущий, стержневой компонент, словосочетание в целом получает свое наименование: глагольное, именное, адвербиальное и т. д. Классификация словосочетаний по стержневому компоненту весьма важна, ибо отнесенность словосочетания к тому или иному типу

[6] Н. К. Дмитриев, *Преподавание родного языка в национальной школе на основе трудов И. В. Сталина* («Известия Академии педагогических наук РСФСР», М., 1952), стр. 34.

[7] М. С. Михайлов, *Перифрастические формы и категория вида в турецком языке*, М., 1954.

связана с многими лексико-семантическими и структурно-морфологическими показателями. Морфологическая принадлежность стержневого компонента, как правило, определяет конструкцию словосочетания в целом, его парадигму. Традиционная грамматика утверждает, что глагол-сказуемое зависит от подлежащего и выступает в роли подчиненно-зависимого компонента. Это справедливо, но лишь отчасти, только в формально-грамматическом отношении. Так, в предложении *kız okuyor* 'девушка читает' форма числа глагола-сказуемого определяется подлежащим. Обращаясь же к фразеологическому словосочетанию с глагольным компонентом, убеждаемся в доминирующей роли компонента-глагола как в конструктивном, так и в семантическом отношении. Глагольный компонент оказывается ведущим, стержневым. Глагольная принадлежность стержневого компонента определяет, как правило, конструкцию словосочетания, в котором глагол-стержень фразеологического словосочетания сохраняет свою парадигму, тогда как другие компоненты словосочетания застывают в одной из своих форм, например: *nefes ulmak* 'дышать', *nefes aldı* 'он сделал вдох' и т. д. Кроме того, грамматически доминирующая роль глагольного стержня выражается и в том, что все глагольное устойчивое словосочетание выполняет в предложении функцию предиката, обычно присущую глаголу. Например: *«Acaba ne var?»—diye ortaya bir sual attı* '«Что же случилось?»— спросил он'.

Разновидности глагольных устойчивых словосочетаний могут быть представлены следующими моделями:

1. Имя в винительном падеже +глагол: *arayı bozmak* 'портить отношения' (досл.: 'промежуток портить').

2. Имя в винительном падеже +переходный глагол: *pot kırmak* 'обмолвиться', 'сказать невпопад' (досл.: 'ломать деревянный настил в хлеву'). Данное словосочетание испытывает тенденцию к полному сращению, даже к переходу к единому (сложному) слову.

3. Имя в дательном падеже + глагол: *göze çarpmak* 'обнаружиться', 'стать заметным' (досл.: 'бросаться в глаза').

4. Имя с частицей *ile*+глагол: *dört gözle beklemek* 'ждать с нетерпением' (досл.: 'ждать с четырьмя глазами').

5. Имя с послелогом в винительном падеже+глагол: *içini dökmek* 'признаться' (досл.: 'излить то, что внутри человека').

6. Два имени без аффикса в винительном падеже+переходный глагол: *kapı yol açmak* 'показать пример' (досл.: 'открыть дверь и дорогу'); *Çin cümhuriyeti bütün Asya memleketlerine kapı yol açmıştır* 'Китайская республика показала пример всем странам Азии' [«Ulus», 1955, 23 ağustos). Данное словосочетание отличается тем, что ни один из именных компонентов не может быть опущен.

7. Имя с послелогом в местном падеже+глагол: *Hayretler içinde bırakmak* 'поражать' (досл.: 'среди удивлений оставлять').

8. Имя в местном падеже + глагол: *Müracaatte bulunmak* 'обратиться к кому-либо', 'попросить' (досл.: 'в обращении находиться').

9. Имя в дательном падеже + имя без аффикса в винительном падеже+глагол: *Ağzına bal çalmak* 'обманывать', 'водить за нос' (досл.: бросать в рот кому-либо мед'). В данном словосочетании ни один из именных компонентов не может быть опущен.

10. Два одинаковых имени, стоящие в разных падежах + глагол: *Baş başa çatmak* 'советоваться' (досл.: 'голову к голове приближать').

11. Прилагательное+имя в назывном (именительном) падеже+глагол: *Eli boş çıkmak* ‘не добиться результата’ (досл.: ‘с пустой рукой выйти’).

12. Глагол + имя в исходном падеже: *Burundan çikmak* ‘сильно устать’ (досл.: ‘выйти из носа’).

13. Глагол + повторяющееся причастие: *Diken diken olmak* ‘встать дыбом’ (досл.: ‘стать поднявшимися–поднявшимися’).

14. Глагол + два имени в дательном падеже’ *Akla hayale gelmek* ‘припомнить’ (досл.: ‘прийти на ум и воображение’)

15. Глагол+деепричастие и имя: *Fırsat sayıp dökmek* (досл.: ‘считая удобный случай, проливать его’).

16. Глагол+наречие и имя: *kapi dişarı etmek* ‘прогнать’, ‘выставить вон’ (досл.: ‘сделать за дверь’).

17. Два различных глагола + имя: *Söz dönüp dolaşıp* (в инфинитиве употребить нельзя) ‘обмениваясь словами’, ‘беседуя’ (досл.: ‘слово повернувши и побродив...’).

18. Глагол+два разных прилагательных: *Kanlı canlı dönmek* ‘вернуться невредимым’ (досл.: ‘вернуться сочным и живым’).

При опущении одного из прилагательных словосочетание теряет свой смысл.

19. Глагол+имя в винительном падеже и имя в исходном падеже: *Baklayı ağzından çıkarmak* ‘выболтать’ (досл.: ‘вытаскивать бобы изо рта’).

20. Глагол+имя существительное и числительное: *Bir araya gelmek* ‘встретиться’ (досл.: ‘прийти в одну среду’).

21. Глагол+деепричастие одного и того же корня: *Baka bakmak* ‘остолбенеть (от изумления)’ (досл.: ‘смотря, смотреть’).

22. Глагол+определительное местоимение и имя в исходном падеже: *Her telden çalmak* ‘знать всего понемногу’ (досл.: ‘играть на любой струне’).

К. К. Курдоев

О ДВУХ ПРИНЦИПАХ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ ПОДЧИНИТЕЛЬНОГО ТИПА В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Для образования новых слов курдский язык широко использует словосложение. В словосложении участвуют почти все части речи: имена существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, наречия и предлоги.

В курдском языке имеются два основных типа словосложения: сочинительный тип и подчинительный тип. Они подразделяются на несколько подтипов и подгрупп в зависимости от способа и характера слияния компонентов и порядка их следования.

По формальным признакам сложные слова сочинительного и подчинительного типов ничем не отличаются друг от друга. Они образуются в результате сложения неоформленных именных, глагольных и других основ, или же эти основы связываются соединительными гласными *э* или *о*. Во втором случае сложное слово может быть оформлено суффиксом *-к, -ок, -ки* или *-и*. Это различие в образовании сложных слов является чисто формальным, так как по существу и в том и другом случае между компонентами, сливающимися в одно сложное слово, устанавливаются одинаковые отношения. Основное различие между сочинительными и подчинительными типами словосложения заключается в том, что их составные элементы находятся между собой в разных синтаксических отношениях. Так, составные части сложных слов сочинительного типа не являются ни определением, ни определяемым. Сложное слово сочинительного типа образуется из союзного или же бессоюзного сочетания различного рода синтаксически равноправных и не зависящих друг от друга слов, тогда как сложные слова подчинительного типа исторически образуются из слов, зависящих друг от друга, отношения которых исторически восходят к атрибутивным отношениям.

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЙ ТИП СЛОЖНЫХ СЛОВ

К подчинительному типу могут быть отнесены сложные слова, образованные путем сложения определения с определяемым именем или глагольной основы с именем в роли определения.

---

[1] Работа построена на материале северного диалекта курдского языка — курманджи.

Порядок компонентов сложных слов подчинительного типа не всегда одинаков. В одном случае первым элементом сложения может быть определяемое, в другом — определение. В зависимости от этого подчинительный тип сложных слов подразделяется на два подтипа:

1. Определяемое + определение.
2. Определение + определяемое.

В первом подтипе словосложения первым элементом всегда выступает существительное, а вторым — существительные и прилагательные. Во втором подтипе первым элементом могут быть существительные, прилагательные, числительные, местоимения, а вторым — только существительные. Независимо от характера составляющих элементов в обоих подтипах подчинительного типа встречаются группы сложных слов полного и неполного сложения, характеризующих соответственно различные способы построения слов в курдском языке, так как соединительный формант *э по форме* и функционально представляет собой реликт форманта сопряженного состояния («изафета») (ср. *жьнэпир* 'старуха' и *жьна пир* 'старая женщина'; *мережьн* 'женатый' и *мере жьне* 'муж жены').

Первый подчинительный подтип сложных слов

1. Существительное + существительное

Известно, что в современном курдском языке определяемое предшествует определению. Морфологически их атрибутивные отношения выражаются оформлением определяемого слова формантами сопряженного состояния: *-а* для имен женского рода, *-е* для имен мужского рода в единственном числе, *-ед* (или *-е*) для имен обоих родов во множественном числе. Определение, если оно существительное, оформляется показателями косвенного падежа: *-е* для имен женского рода, нулевой исход или внутренняя флексия для имен мужского рода в единственном числе и *-а* (или *-ан*) для имен обоих родов во множественном числе. Иначе говоря, определяемое слово, предшествуя определению, связывается с ним изафетом, а определение, следуя за определяемым словом, оформляется показателями косвенного падежа. Например: *жьна бьре* 'жена брата' (*жьн* 'жена'; *бьра* 'брат'); *диза мэт'е* 'дочь тети' (*диз* 'дочь'; *мэт* 'тетя'); *жьна мер* 'жена мужа' (*мер* 'муж', 'мужчина'); *баве кӧр̄* 'отец сына' (*бав* 'отец'; *кӧр* 'сын'); *хӧдане хере* 'хозяин добра' (*хӧдан* 'хозяин'; *хер* 'добро'); *мере жьне* 'муж жены' и т. д.

Сохраняя этот обычный порядок, но выступая как сложное слово, составные части (определяемое и определение) приведенных примеров *жьна бьре, диза мэт'е* и других подобных теряют формальные показатели, выражающие их взаимоотношения. В результате их слияния получается сложное слово, значение которого расходится со значением соответствующего словосочетания.

Примеры: *мерэжьн* 'женатый' (*мере жьне* 'муж жены'); *бакӧр̄* 'родина' (*баве кӧр̄* 'отец сына'); *хwэймал* 'хозяин', 'домовладелец' (*хwэйие мале* 'хозяин дома'); *малбав* 'родные', 'родители', 'родина' (*мала баве* 'дом отца'); *бьразэва* 'шафер' (*бьре заве* 'брат жениха'); *жьнэмер* 'замужняя' (*жьна мер* 'жена мужа'); *жьнбав* 'мачеха' (*жьна баве* 'жена отца'); *сэрэкани* 'первоисточник' (*сэре канийе* 'начало источника'); *хӧданхер* 'доброжелательный', 'доброделель' (*хӧдане хере* 'обладатель добра', 'хозяин добра'); *ниврож* 'полдень' (*ниве роже* 'половина дня'); *нившэв* 'полночь' (*ниве шэве* 'половина ночи').

Некоторые сложные слова, образованные по этому типу и обозначающие родственные отношения, оформляясь суффиксом *-и* более отчетливо воспринимаются как определительные слова-существительные, например: *кӧрхали* 'двоюродный брат по материнской линии' (*кӧре хале* 'сын брата матери'); *жьнапи* 'тетя', 'жена дяди по отцовской линии' (*жьна апи* 'жена дяди по отцовской линии'); *дизмэти* 'двоюродная сестра по отцовской линии' (*диза мэте* 'двоюродная сестра', 'дочь тети по отцовской линии'); *дотмами* 'родственница'; *пьсмами* 'родственник' (*пьсе мам* 'сын дяди'); *гакуви* 'олень' (*гае куви* 'горный бык'); *пэскуви* 'лань' 'дикая коза' (*пэза куви* 'дикая овца') и др.

Доэ и пьс — первые компоненты сложных слов *домами, пьсмами* — в современном курдском языке самостоятельно не употребляются. Исторически слово *дот* означало 'дочь' (*дода горджа* 'грузинская дочь'), а слово *пьс* означало 'сын' (перс. *пӯс*<*пӯсӓр* 'сын'). Компонент *пьс* в сложном слове *пьсмами* 'родственник' является определяемым, что обозначается не только тем, что оно стоит перед *мам,* но также и относительно суффиксом *-и,* присоединяемым к исходу *мам — мами.* То же находим в словах *домами, кӧрмэти, жьнапи, малбави, дизхали, зькмаки* и т. д.

Синтетическое построение сложных слов этого типа, в отличие от аналитической конструкции соответствующего словосочетания, в одних случаях выражает тесную семантическую связь между входящими в его состав словами (*жьнхал, кӧрмэт, дизап*), а в других случаях не выражает этой семантической связи (*малбав, бавкӧр̄, жьнэмер, пьсмами, домами*). В последнем случае значение составных частей, слитых в одно семантическое целое, расходится со значением аналитического словосочетания. Получается, что слияние определяемого с определением приводит к выражению нового значения. Следовательно, здесь мы имеем дело с лексической функцией словосложения, тогда как в первом случае слияние определяемого с определением не приводит к выражению нового лексического значения, и синтаксическое отношение определяемого и определения при их слиянии сохраняется (*жьнбра* 'жена брата', ср. *жьна бьре* 'жена брата'; *жьнап* 'жена дяди по отцовской линии', ср. *жьна апе* 'жена дяди по отцовской линии'). Приведенные примеры показывают, что некоторые слова этого типа хотя и представляют в своей совокупности одну лексическую единицу, но, будучи образованы путем слияния определяемого с определением, сохраняют атрибутивные отношения между компонентами. Это, очевидно, свидетельствует о том, что словосложение в курдском языке первоначально выполняло функцию выражения синтаксических отношений определяемого и определения, а затем уже привело к выражению нового значения, т. е. стало выполнять лексическую функцию — функцию образования новых слов.

Формальным признаком, подтверждающим лексическую функцию словосложения, может служить склонение рассмотренных сложных слов. Его важно рассмотреть потому, что сложные слова этого типа относятся к тому или иному роду не в зависимости от родовой принадлежности второго компонента, а в зависимости от родовой принадлежности того слова, которое в сложном слове выступает в качестве главного компонента независимо от занимаемого места.

Так, в словосочетаниях *малбава мьн* ‘мои родители’ (родные). *жьнапа мьн* ‘моя тетя’, *домама wə* ‘ваша родственница’, *пьсмаме мə* ‘наш родственник’, *бьразəвə жир* ‘смышленый, деятельный шафер’, *кӧрмəте we* ‘ее двоюродный брат’, *мираве гӧнд* ‘деревенский мираб’ (распределитель воды) и т. д. Сложные слова *малбав, жьнап, домам* склоняются по типу имен женского рода, так как первый компонент сложения, выступающий в качестве главного члена, является в самостоятельном употреблении именем женского рода. А сложные слова *пьсмам, бьразəва, кӧрмəт, мирав* склоняются по типу имен мужского рода, так как первый компонент (определяемый) как отдельное слово является именем мужского рода.

Таким образом, слияние существительных, выступающих в роли определяемого и определения, выполняет лексическую и синтаксическую функции. Лексическая функция заключается в выражении нового лексического значения, отличного от значения их аналитического сочетания. А синтаксическая функция заключается в выражении атрибутивных отношений между ними как самостоятельных лексических единиц, хотя и выступающих в слитном виде. Сама синтаксическая функция слияния существительных, выступающих в роли определяемого и определяющего, приводит к лексической функции словосложения. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда второй элемент у одних сложных слов оформляется словообразовательным суффиксом, а у других — показателями женского или мужского рода, в зависимости от того, какое слово выступает в качестве главного и определяющего элемента сложения.

2. Существительное + прилагательное

Образование сложных слов путем слияния существительного с прилагательным происходит так же, как происходит слияние существительных, выступающих в роли определяемого и определения, т. е. в этой подгруппе сложных слов имена существительные в качестве первого элемента сложения выполняют роль определяемого элемента сложного слова, а прилагательные — роль определения. Иначе говоря, слитное состояние этих элементов (существительного и прилагательного) в сложном слове по существу является синтетической формой выражения атрибутивных отношений определяемого и определения в аналитическом сочетании. Разница между синтетическим и аналитическим построениями заключается в том, что при аналитическом построении существительное, занимая первое место, связывается с прилагательным посредством изафета, а при синтетическом построении существительное, предшествуя прилагательному, сливается с ним непосредственно. Как в первом, так и во втором случае прилагательное имеет нулевое окончание, т. е. ничем не оформляется.

Помимо этих формальных признаков, основная разница между словосочетанием и сложным словом такого типа заключается в том, что в аналитическом построении прилагательное выступает как самостоятельное слово, а при синтетическом построении оно выступает как функциональное слово, служащее для превращения существительного (определяемого) в имя прилагательное. В аналитическом построении существительного и прилагательного выражается качество предмета вообще (здоровое тело, смуглое лицо), а в синтетическом построении выражен тот или иной постоянный признак предмета, нередко выступающий в качестве названия обладателя признака. Благодаря этому среди сложных слов этой подгруппы встречаются как слова с предметным значением, так и со значением качества или свойства. Примеры: *гӧ'дреж* ‘длинноухий’, ‘имеющий длинные уши’, ‘осел’ (*röhe дреж* длинные уши’); *голизəр* ‘златокудрая’ (*гӧлийе зəр*) ‘золотые кудри’; *бəжнзьрав* ‘имеющий тонкую талию’; ‘стройный’ (*бəжна зьрав* ‘тонкая талия’); *демдəмəр* ‘смуглоликая’ (*дема дəмəр* ‘смуглое лицо’); *ч'əврəш* ‘черноглазый’, ‘имеющий черные глаза’ (*ч'əве рəш* ‘ черные глаза’); *п'орсор* ‘рыжеволосая’, ‘имеющая рыжие волосы’ (*п'оре сор* ‘рыжие волосы’); *чəнгзəрин* ‘златорукий’, ‘имеющий золотые руки’ (*чəнге зерин* ‘золотые руки’); *дəстдреж* ‘длиннорукий’, ‘имеющий длинные руки’ (*дəсте дреж* ‘длинные руки’); *к'ӧмтуж* ‘носящий острую шапку’ (*к'ӧме туж* ‘острая шапка’); *к'ӧмсор* ‘носящий красную шапку’ (*к'ӧме сор* ‘красная шапка’); *дапир* ‘бабушка’ (*диа пир* ‘старая мать’); *бапир бавпир* ‘дедушка’ (*баве пир* ‘старый отец’).

Формальное единство приведенных сложных слов подкрепляется еще и тем, что одни из них, выступая как самостоятельные лексические единицы в значении существительного, приобретают форманты сопряженного состояния, а другие, приобретая суффикс отвлеченности *-и*, выступают как отвлеченные существительные со значением признака (качества, свойства), склоняемые по типу имен женского рода:

а) *дапира мьн* ‘моя бабушка’, *əз дапире ḥьз дькьм* ‘я люблю бабушку’; *бапире мьн зəф башə* ‘мой дедушка очень хороший’; *жьнəпира бəлəнгаз* ‘бедная старуха’; *гӧḥдьреже мəзьн* ‘большой осел’; *гак'увийе ч'ийе* ‘горный олень’; *пəск'увийа хӧрт* ‘жирная лань’ и др.

б) *джансахи* ‘здоровье’ (*джансах* ‘здоровый телом’); *мерхаси* ‘храбрость’ (*мерхас* ‘храбрый’); *дьлсари* ‘хладнокровие’ (*дьлсар* ‘хладнокровный’); *бəхтрəши* ‘несчастье’ (*бəхтрəш* ‘несчастный’); *дьлшайи* ‘радость’ (*дьлша* ‘радостный’); *к'əфхwəши* ‘веселье’ (*к'ефхwəш* ‘веселый’); *сəргəрми* ‘пылкость’, ‘вспыльчивость’ (*сəргəрм* ‘пылкий’, ‘вспыльчивый’) и др.

Образованные таким образом от сложных слов со значением прилагательного отвлеченные существительные морфологически относятся к имени женского рода, так как в сопряженном состоянии и косвенном падеже они склоняются по типу имен женского рода. Например:

а) в сопряженном состоянии: *əз джансахийа тə дьхwазьм* ‘я желаю тебе здоровья’; *əва йəка жь дьлсарийа мьн дəwьми* ‘это произошло благодаря моему хладнокровию’; *əwи бəхтрəшийа мьн бу* ‘это было моим несчастьем’ и др.

б) в косвенном падеже: *əз джансахийе тəра дьхwазьм* ‘я желаю тебе здоровья’: *далшайийе бькə дьле мə* ‘всели радость в наши сердца’; *хwə жь бəхтрəшийе хьлаз кə* ‘избавь себя от несчастья’; *дьлсарийе мəкə* ‘не будь хладнокровным’ (букв.: ‘не делай хладнокровия’); *əм хwəра к'ефхwəшийе дькьн* ‘мы веселимся’ (букв.: ‘мы себе устраиваем веселье’) и др.

Второй подчинительный подтип словосложения

Наиболее древний и распространенный в курдском языке — второй подтип сложных слов определительного характера.

Если первый подтип исторически возник и возникает из современного обычного порядка синтаксического сочетания слов по принципу: определяемое + определяющее, то второй подтип сложных слов возник

из старого атрибутивного сочетания: определение + определяемое. Кроме того, сфера употребления различных слов в качестве составных частей сложений второго подтипа гораздо шире, чем у первого. Если в первом подтипе в качестве второго элемента выступают имена существительные, прилагательные, а в качестве первого элемента — только существительные, то во втором подтипе словосложения в роли второго элемента выступают имена существительные, числительные, а в роли первого элемента (определяющего) — существительные, прилагательные, числительные и местоимения, например: *хасмер* 'храбрый', 'богатырь' (*хас* 'лучший качеством'); *пирәжьн* 'старуха' (*пир* 'старый'); *чарпе* 'четвероногий' (*чар* 'четыре'); *һәргав* 'всегда', 'постоянно' (*һәр* 'каждый'); *һәвдӧ* 'оба', 'двое' (*һәв* 'друг-друга', 'взаимно'); *wедәр* 'там' (*е* 'тот' 'та') и мн. др.

В этих примерах первое слово служит для конкретизации более общего значения второго слова, т. е. является определением к последнему слову. По аналогии с этим примерами можно сказать, что курдские сложные слова второго подтипа (*хасмер* 'храбрый'; *пирәжьн* 'старуха'; *каләмер* 'старик'; *джанәга* 'бычок' и др.) образовались по тому же принципу словосложения как в древнеперсидском языке, где определяющее слово является не вторым элементом сложения, а первым. При разложении сложных слов второго подтипа на составные элементы их атрибутивная связь может быть выражена только перестановкой их и оформлением определяемого показателями сопряженного состояния. В таком случае составные элементы сложного слова второго типа выступают как синтаксическая единица, значение которой совпадает в основном со значением сложного слова. Например: *пирәжьн* 'старуха' (*жьна пир*) 'старая женщина' ; *малхwе* 'хозяин' (*хwәйе мале* 'хозяин дома'); *каләмер* 'старик' (*мере кал* 'старый мужчина'); *джанәга* 'бычок' (*гае джан* 'молодой бык'); *деләгӧр* 'волчица' *гӧре дел* 'волчица', *дел* 'самка' ; *дәрсханә* 'школа', 'классная комната' (*ханийе дәрса* 'классное здание', 'школа') и др.

В сложных словах *пирәжьн, джанәга, каләмер, хасмер, дәрсханә* и других чувствуется момент отвлечения, обобщения и синтезирования различных слов-понятий в одно лексическое целое, хотя в ряде случаев их компоненты еще могут быть восприняты как самостоятельно значимые слова. Эту их особенность можно наблюдать на примере разбора отдельных намечаемых групп сложных слов этого подтипа.

В зависимости от семантики и характера компонентов сложные слова этого подтипа делятся на следующие группы:

1. Прилагательное + существительное.
2. Существительное + существительное.
3. Числительное + существительное.
4. Местоимение + имя (существительное, числительное).

Во всех этих группах первый компонент фактически выполняет роль определения, а второе слово — роль определяемого. Разберем каждую группу в отдельности.

1. Прилагательное + существительное

В курманджи (основном диалекте курдского языка) при сложении слов прилагательное чаще выступает вторым элементом. Употребленное в роли первого элемента, оно выполняет ту же определительную функцию. Сложные слова, состоящие из прилагательного на первом

месте и существительного означают, с одной стороны, качество и свойство предмета, а с другой — название обладателя признака. Например: *дьлсар* 'хладнокровный', 'имеющий холодное сердце'; *хасмер* 'храбрый', 'богатырь'; *каләмер* 'старик', 'старый мужчина'; *пирәде* 'бабушка', 'старая мать; *пирәжьн* 'старуха', 'старая женщина'; *рәшбәхт* 'несчастный'; *тирәмәр* 'стреловидная' (ядовитая) змея'; *хwәшбин* 'благовоние' (букв.: 'приятный запах'); *хwәшдәнг* 'нежноголосый'; *зәрмәмьк* 'златогрудый'; *шӧрав* 'похлебка'; *рәшһал* 'несчастный'; *бьльнджи* 'возвышенность' (букв.: 'высокое место'); *хwәшһал* 'радостный', 'счастливый', *хьрабмал* 'несчастный', 'имеющий разоренный дом' и др.

В этой группе сложных слов мы находим много таких, составные элементы которых являются теми же словами, что и в первом подтипе. Формальная разница между ними заключается в том, что в одном случае первым элементом композита выступает определяемое слово, а в другом — определение. Однако семантически мы не находим никакой разницы между такими парами слов. Например: *хасмер* и *мерхас* 'храбрый', 'мужественный'; *жьнхал* и *халожьн* 'тетя' *жьнәпир* и *пирәжьн* 'старуха', *бехтрәш* и *рәшбәхт* 'несчастный', *мальхьраб* и *храмбал* 'несчастный' *дапир* и *пирәде* 'бабушка'; *мерәкал* и *каләмер* 'старик' и др.

По существу оба слова каждой пары выражают одинаковые атрибутивные отношения. Однако формальное различие обоих типов, очевидно, свидетельствует о двух исторически различных способах выражения атрибутивной связи слов в курдском языке. Примеры показывают, что вместо обычного порядка сложения слов типа *мерхас* 'храбрый', *жьнәпир* 'старуха' (из слов сочетания *мере хас* 'храбрый мужчина'; *жьна пир* 'старая женщина') мы имеем *хасмер* 'храбрый'; *пирәжьн* 'старуха', составные части которых в качестве самостоятельных слов не могут образовать словосочетание *хасе мер, пира жьн*. Есть только словосочетания типа *мере хас, жьна пир,* так как в современном курдском языке нет таких словосочетаний, где определение стояло бы впереди определяемого [2].

2. Существительное + существительное

В эту группу мы включаем такие сложные слова, в которых первый элемент выполняет роль определения, а второй — роль определяемого.

При выражении атрибутивной связи компонентов сложных слов этой подгруппы аналитическим путем в словосочетании, определяемое (существительное), выступая первым, сочетается с определением (существительным) с помощью формантов сопряженного состояния. Такое словосочетание обычно обозначает то же значение (понятие), которое выражается ими в слитном виде, например: *деләгӧр* — волчица (*гӧре дел* — 'волчица'); *дәвгәм* 'намордник', 'уздечка' *гәма дәв* 'уздечка', *халожьн* 'тетя' (*жьна хале* 'жена дяди'); *шишк'әбав* 'шашлык', изготовленный на пруте' (*к'әбабә шише* 'шашлык, изготовленный на пруте'; *гӧлав* 'розовая вода', 'духи' (*ава гӧле* 'розовая вода'); *жә'рав* 'ядовитая вода', *жерави* 'яд', (*ава жә'ре* 'ядовитая вода'); *зькеш* 'имеющий бо-

[2] Исключением являются словосочетания с числительным, определительным, взаимным, указательным и вопросительно-относительным местоимением, которые перед различного рода словами выступают в качестве их определителя (см. ниже).

лезнь живота' (*еша зьк* 'болезнь живота'); *дьлеш* 'имеющий болезнь сердца', (*еша дьл* 'болезнь сердца'); *малхwə* 'хозяин' (*хwəйе мал* 'хозяин дома'; *шəвəдьз* 'ночной вор' (*дьзе шəве* 'ночной вор'); *т'əрэсбав* 'имеющий отца христианина' (*баве тə тəрəсə* 'твой отец — христианин') и др.

Эту группу сложных слов, как видно, можно подразделить на три подгруппы:

а) слова, воспринимаемые как существительные, обозначающие название предмета: *делəгöр* 'волчица', *дəвгəм* 'намордник', 'уздечка', *жə'рав* 'яд' и др.

б) слова, значение которых совпадает со значением аналитического сочетания их составных элементов: *шəвəдьз* 'ночной вор' (*дьзе шəве* 'ночной вор'); *халожьн* 'тетя' (*жьна хале* 'тетя') и др.

в) слова, воспринимаемые как существительные, выражающие обладание качеством или признаком: *дöригöли* 'имеющий локоны на шее'; *т'əрэсбав* 'имеющий отца христианина'; *зькеш* 'имеющий больной живот'; *дьлеш* 'имеющий больное сердце'; *дьранеш* 'имеющий болезнь зубов' и др.

При сложении существительного с существительным в ряде случаев второй элемент воспринимается как словообразовательный суффикс. Это имеет место особенно в том случае, когда в качестве определяемого (второго элемента сложения) выступают слова *ханə* (или *хани)* 'дом'; *гə (гəh)* 'место', и когда последние определяются первым элементом композита, в качестве которого выступают существительные и некоторое количество глаголов. Выступая вторым элементом композита, слова *гə* 'место'; *ханə* 'дом' выражают место нахождения предмета или место совершения действия, т. е. по существу выполняют функции суффикса, образующего слова определительного типа: *бузханə* 'ледник' (*буз* 'лед'); *ч'əкханə* 'оружейная', 'арсенал' (*ч'əк* 'оружие'); *бьзьрханə* 'маслобойня' (*бьзьр* 'подсолнечное масло'); *нəхwəшханə* 'больница' (*нəхwəш* 'больной'; *дəрсханə* 'классная комната', 'школа', (*дəрс* 'урок'); *ньвисханə* 'канцелярия' (*ньвис* от *ньвисар* 'письмо', 'писание'); *дəрманханə* 'аптека' (*дəрман* 'лекарство'); *гöдарханə* 'аудитория' (*гöдари кьрьн* 'слушать') и др.

Сложение глагольной основы или инфинитива (масдара) со словом *ханə* образует сложные слова, которые также выражают место действия или же место нахождения предмета, например: *разанханə* 'спальня' (*разан* 'спать', 'спанье'); *хwəрьнханə* 'столовая' *хwəрьн* 'есть', 'еда'); *хwəндьнханə* 'читальня' (*хwəндьн* 'читать', 'чтение'); *гьртиханə* 'тюрьма' (*гьртьн* 'держать', 'арестовывать'); *листьнханə* 'место танцев' (*листьн* 'танцевать') и др.[3]

По этому принципу образованы сложные слова, вторым компонентом которых выступает слово *гə* 'место', не употребляющееся самостоятельно в современном курдском языке: *дəргə* 'ворота', 'проход' *дəри* 'дверь'); *бьнгə* 'основа', 'основание' (*бьн* 'под', 'основа'); *долгə* 'место рождения' (*дол* 'потомство'); *п'егə* 'тропа' (*п'е* 'нога'); *нишангə* 'тир', 'мишень' (*нишан* 'знак'); *qəраргə* 'штаб', (*qəрар* 'решение'); *сəйрангə* 'место прогулки'; *мьжулгə* 'место занятия (деятельности)' *wəгə* 'место кочевки' и др.

[3] В ряде случаев слово *хан* воспринимается как лексикализованная часть бывших композитов: *духан* 'дымоход'; *дэстхан* 'скатерть', 'поднос'; *qэйхан* 'жаровня'; *бархан* 'таможня'.

3. Числительное + существительное

В курдском языке количественное числительное, выполняя функцию определения, всегда предшествует названию считаемого предмета и не приобретает никаких форм, указывающих на атрибутивную связь, например: *дö к'ьтеб* 'две книги'; *се кəч* 'три девушки'; *пендж мал* 'пять домов'; *чар бар* 'четыре груза' и др.

В сложениях с именами существительными числительное выступает первым элементом сложного слова, сохраняя роль определения. При этом одна часть этой группы сложений воспринимается как имена прилагательные, а другая — как существительные, например: *həв(т) рəнг* 'семицветный', 'имеющий семь различных цветов'; *дöп'е* 'двуногий'; *сет'ьли* 'вилы', 'имеющий три пальца'; *сегошль* 'треугольник'; *чарбəр* 'носилки', 'имеющий четыре стороны'; *чарп'е* 'четвероногий'; *добьр* 'имеющий два прохода' (*бьр<бьһьр* 'проход'); *пенджсали* 'пятилетний', 'пятилетка'; *йəксали* 'одногодичный'; *сеп'и* 'треножник'; *дöру* 'двуличный'; *дöнöкол* 'имеющий два клюва'; *чарбаск* 'нагрудник'; *чарали* 'кругом', 'вокруг' (*али* 'сторона') и др.

Так же образованы названия дней недели: *дошəми* 'понедельник' *сешəми* 'вторник'; *чаршəми* 'среда; *пенджшəми* 'пятница'. Присоединением слов *п'а (п'ар)* 'часть', 'доля'; *та (таq)* 'слой', 'ряд'; *бəр* 'лицо', 'сторона'; *дəрп* 'удар'; *джар 'раз'* к числительным, выполняющим роль определения в сложении, образуются кратно-определительные числительные: *йəкта* 'одинарный', 'единичный' *(йəк* 'один'): *дöта* 'двукратный ('*дö* 'два'); *тета* 'трехкратный', 'тройной' (*се* 'три'); *чарта* 'четверной', 'четырехкратный' *(чар* 'четыре'); *пенджта* 'пятикратный' (*пендж* 'пять') и т. д.

йəкп'а — 'одна часть', 'один раз'; *дöп'а* 'двукратный'; *сеп'а* 'трехкратный' *чарп'а* (четырехкратный; *пенджп'а* пятикратный и т. д.) [4].

йəкбəр 'односторонний'; *дöбəр* 'двухсторонний'; *себəр* 'трехсторонний; *чарбəр* 'четырехсторонний' и т. д.

йəкджар 'однажды'; *дöджар* 'дважды'; *седжар* 'трижды'; *чарджар* 'четырежды' и т. д.

дöдəрпи 'двухзарядный'; *седəрпи* 'трехзарядный' *чардəрпи* 'четырехзарядный'; *пенджəрпи* 'пятизарядный'; *шəшдəрпи* 'шестизарядный' и т. д.

В случае, когда первым компонентом выступает числительное, а вторым элементом — слово *ханə,* образуются сложные имена прилагательные в следующих значениях: *сеханə* 'трехзарядный'; *чарханə* 'четырехзарядный'; *шəшханə* 'шестизарядный'; *деһханə* 'десятизарядный' и т. д.

4. Местоимение + имя (существительное, числительное)

1. С различными именами, выступающими вторым элементом, указательные, вопросительные и определительные местоимения в курдском языке образуют сложные слова, выступающие в предложении в качестве определений и обстоятельств:

а) сложение местоимения *һəр* 'каждый', 'всякий' со словами, выражающими время, образует сложные слова определительного типа, на-

[4] Встречаются и параллельные формы: *йэкп'и. допи, сеп'и, чарп'и, пенджп'и* и т. д., также выражающие многократность.

пример: *hərk'əc* 'каждый', 'всякий' (о людях); *hərtьшт* 'всякий', 'каждый' (о вещах); *hərtьм (hərdəм)* 'постоянный' (*dəм* 'время'); *hərroж* 'ежедневный', *hərсал* 'ежегодно', *hərшав* 'еженощный' *hərdəp* 'повсеместный' (*dəp* 'место'); *hərгав* 'постоянный' (*гав* 'время') и др.

б) сложение числительных с определительным местоимением *hər* образует сложные слова, выражающие собирательность, например: *hərйək* 'каждый', 'всякий'; *hərdö* 'оба' (букв.: 'каждые два'), *hərсе* 'трое' (букв.: 'все три', 'каждые трое'); *hərчар* 'четверо' (букв.: 'каждые четыре', 'все четыре'); *hərпендж* 'пятеро' (букв.: 'все пять', 'каждые пять'); *hərшəш* 'шестеро' (букв.: 'все шесть', 'каждые шесть'); *hərhəвт* 'семеро' (букв.: 'все семь') и пр.

в) По этому принципу с помощью сложения указательных и вопросительно-относительных местоимений с именами образуются различного рода слова наречного характера. Примеры:

ведəре 'здесь', 'тут' (букв.: 'это место'); *шедəре* 'там' (букв.: 'то место'); *витəhəри* 'таким образом' (*т'эпəр* 'образ'); *əшqас* 'столько' (*qас* 'количество', 'размер'), *чьqас* 'сколько', *чьчах* 'когда' (букв.: 'какое время'); *чьто 'какой'* (из *чь тоур* 'каким образом'); *чаша* 'как' (из *чь аша* 'каким образом'; ср. *аша* 'так', 'вот так'); *к'идəре* 'где' (из *к'и дəре* 'какое место'); *к'энге* 'когда' (из *к'и ан гаh* 'которое время'); *hьнго* 'тогда' (из *hан ан гаh* 'то время'); *к'ижан* 'который' (из *к'и жь шан* 'кто из них'); *шичахи* 'тогда' (из *ши 'то'* и *чах* 'время') и др.

2. Сложение взаимно-возвратного местоимения с некоторыми именами существительными и числительными также приводит к образованию сложных слов, используемых в качестве определений. Примеры: *həвдости* 'содружественный'; *həвдəнги* 'созвучный'; *həвдəр* 'взаимоисключающий'; *həвhьз* 'взаимолюбящий'; *həвт'ьфади* 'взаимоспаянный'; *həвра* 'вместе', 'совместно', 'друг для друга' (с предлогом *ра*); *həвдö* 'взаимно', 'обоими вместе', *həвру* 'друг против друга', 'лицом к лицу' и др.[5].

Таким образом, в современном курдском языке имеется два противоположных синтаксических принципа образования сложных слов подчинительного типа. В одном порядок слов при сложении соответствует старому правилу словосложения, где определение стоит перед определяемым *(джанəга, хасмер, пирəжьн, калəмер, аwqас, hərрож, чьqас, чарбəр, сета* и др.), а в другом порядок составных элементов сложения соответствует новому правилу синтаксического сочетания слов, где определяемое стоит перед определением *(кöран, жьнап, руспи, дизхал, жьсмам* и др.).

Различение этих двух принципов сложения слов подчинительного типа внешне является формальным, так как сложные слова обоих типов имеют определительный характер. Однако различение их важно постольку, поскольку они исторически представляют собой два различных способа выражения атрибутивных отношений между одними и теми же определениями и определяемыми словами, выступающими как в аналитическом виде, так и в слитном.

Важно отметить, что несмотря на то, что эти два способа образования сложных слов исторически различны, в современном курдском языке они являются живыми и производительными.

[5] Местоимение *həв* употребляется для образования взаимно-возвратного залога *мэ həв дит* 'мы увидились' *həв к'этьн* 'сталкиваться друг с другом', *həв гьртьн* 'держаться друг за другом'.

Ю. А. Рубинчик и Л. Н. Муравьева

АРТИКЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Разработка вопроса об артикле в современных таджикском и персидском языках имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку в анализе сущности и функций таджикского и персидского артиклей, в выявлении случаев, когда их надо употреблять, нуждаются как преподаватели этих языков, так и обучающиеся им.

Существует ряд наименований безударного постпозитивного персидского *-и* и таджикского *-е*. Авторы различных грамматик и учебников персидского и таджикского языков, разграничивая функции артикля, называют его «*-и* (или *-е*) неопределенности», «-и (или *-е*) единичности», «*-и* указательное», «*-и* определенности» и т. д.

Основных точек зрения на понимание персидского и таджикского артиклей две. Согласно п е р в о й, традиционной, безударные *-и,* и *-е,* используемые при имени, к которому не относится придаточное определительное предложение, и безударные *-и* и *-е,* употребляемые при определяемом имени в сложном предложении с придаточным определительным, противопоставляются друг другу как два разных артикля (неопределенный и определенный), совпадающих по форме, но имеющих разное происхождение и выполняющих разные функции[1].

Согласно в т о р о й точке зрения безударные *-и* и *-е,* используемые при имени, не определяемом придаточным предложением, и безударные *-и* и *-е,* употребляемые при определяемом имени в сложном предложении с придаточным определительным, не противопоставляются друг другу как два разных артикля, а рассматриваются как одно явление[2]. Од-

[1] Н. Березин, *Грамматика персидского языка,* Казань, 1853; К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, *Краткая грамматика новоперсидского языка,* Спб. 1890; Мирза Джафар, *Грамматика персидского языка,* М., 1901; Е. Э. Бертельс, *Грамматика персидского языка,* Л., 1926; О. А. Сухарева, *Руководство для изучения таджикского языка,* ч. I, Самарканд—Ташкент, 1929; D. C. Phillot, *Higher Persian grammar,* Calcutta, 1919; Ann. K. S. Lambton, *Persian grammar,* Cambridge, 1953 и др.

[2] С. Д. Арзуманов, *Забони тоҷикӣ. Учебник таджикского языка для взрослых,* Сталинабад, 1951; Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзӣ, Л. Бузургзода, *Грамматикаи забони тоҷикӣ,* к. I *Фонетика ва морфология,* Сталинобод, 1954; Ш. Н. Ниёзӣ, *Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. Очеркҳо оид ба грамматикаи забони тоҷики. чизъи* 7, Сталинобад, 1954; *Грамматикаи забони тоҷики;* к. I. *(Фонетика ва морфология).* دستور فرخ ، کتاب صرف ، یخش *Китоби дарсӣ барои мактабҳои оли,* Сталинобод, 1956; اول—اسم ، تهران ، ۱۳۲٤ ؛ دستور زبان فارسی برای سال اول و دوم دبیرستانها ، جلد اول ، برای سال سوم و چهارم دبیرستانها ، جلد دوم ، تهران ، ۱۳۲۸—۱۳۲۹ ؛ Clair-Tisdall, *Modern Persian conversation grammar,* London, 1902.

нако этому правильному, на наш взгляд, объединению не дается никакого объяснения.

В имеющихся работах относительно использования таджикского и персидского артиклей даются лишь самые общие указания, конкретные случаи их употребления почти совсем не рассматриваются, а сущность и функции не вскрываются [3].

В данной статье авторы ставят своей целью теоретически осмыслить употребление артикля и показать необоснованность выделения двух артиклей (неопределенного и определенного) в современных таджикском и персидском языках [4].

Как известно, таджикский и персидский языки — близко родственные, имеющие общее происхождение. Наблюдения показывают, что сущность и функции артиклей в них одинаковы. Это дало возможность излагать материал обоих языков совместно. Отдельные случаи своеобразного использования артиклей в том и другом языке не рассматриваются, так как в данной статье выясняется прежде всего то общее, что есть между ними.

* * *

Происхождение артикля тесно связано с развитием всей языковой системы от флективного типа к аналитическому, в частности с развитием и изменением средств выражения грамматических категорий имени существительного.

В древнеперсидском языке не было артикля. Один из современных исследователей древнеперсидского языка Р. Кент, рассматривая синтаксические функции местоимения *hya* 'какой', 'тот, который' (женский род *hyā,* средний род *tya*), указывает, что оно в основном употреблялось как относительное местоимение и только в редких случаях выступало в функции, близкой к функции определенного артикля. При этом местоимение *hya* одновременно связывало определяемое слово с определением. На основании анализа примеров употребления этого древнеперсидского местоимения, Р. Кент приходит к выводу о том, что оно не имело необходимых признаков определенного артикля [5].

Развитие *hya* пошло по другому пути. В дальнейшем, как отмечают многие исследователи, оно превратилось в среднеперсидском языке в частицу *i,* употреблявшуюся в качестве изафетного показателя и относительного местоимения.

В связи с вопросом о происхождении артикля заслуживает быть отмеченным употребление древнеперсидского количественного числительного *aiva* 'один' в сочетании с именами существительными. Это числительное могло употребляться перед именами существительными

[3] В 1955 г. в Ленинградском университете М. А. Салахетдиновой была защищена кандидатская диссертация «Артикль в современном персидском языке». Общетеоретические вопросы, связанные с использованием артикля, в диссертации специально не рассматриваются. В понимании сущности персидского артикля автор придерживается первой точки зрения.

[4] Вопросы, относящиеся к проблеме артикля в этих языках, были поставлены в кандидатских диссертациях авторов данной статьи: Ю. А. Рубинчик, *Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке,* М., 1953; Л. Н. Муравьева, *Артикль в современных таджикском и персидском литературных языках,* М., 1955.

[5] R. Kent, *The Old Persian relative and article* («Language», 1944, vol. 20, № 1), p. 10.

не только с чисто количественным значением, но и в функции неопределенного артикля. В этой функции числительное *aiva,* обозначенное цифрой, встречалось иногда перед словом *martiya* 'человек', когда речь шла о впервые упоминаемом, неизвестном лице, например: *θātiy Dārayavauš xšāyaθiya pasāva I martiya magušāha Gaumāta nāma* (DB, I). 'Говорит Дарий царь: затем был один человек, маг, по имени Гаумата'.

Однако употребление числительного *aiva* в качестве неопределенного артикля не носило регулярного характера: в ряде случаев, несмотря на неопределенное значение имени, числительное *aiva* отсутствует. Не случайно поэтому, никто из исследователей древнеперсидского языка не говорит о наличии в древнеперсидском языке неопределенного артикля. Артикль появляется только в среднеперсидском языке. В работе Нюберга [6] являющейся одной из наиболее в среднеперсидских работ по среднеперсидскому языку, говорится о наличии в среднеперсидском языке постпозитивного неопределенного артикля *-ē,* например: *x̌ atāy-ē u patixšāh-ē* 'некий царь и повелитель'; *čiš-ē ke* 'нечто, что' *vāt-ē i huβōδ* 'какой-то благовонный ветер' и т. д. [7]

В упоминаемой работе ничего не сообщается об определенном артикле. Однако Нюберг отмечает, что среднеперсидское указательное местоимение *ēt* 'этот', 'эта', 'это', происходящее из древнеперсидского указательного местоимения *aita,* в более позднем произношении звучало как *ē.* Такое произношение приводило к смешению указательного местоимения *ē*<*ēt*<*aita* и неопределенного артикля *ē*<*ēv*<*aiva* [8].

По вопросу о происхождении артикля в современных таджикском и персидском языках исследователи древних иранских языков высказывают различные точки зрения.

Дж. Дармстетер считает, что «*-и* указательное» или «*-и* определенности» (*ē* démonstratif ou *yā* de définition), служащее, по его мнению, определенным артиклем перед придаточным определительным предложением, происходит из древнеперсидского указательного местоимения *aita* 'этот', 'эта', 'это', утратившего второй слог, а «*-и* единичности» (ē d'unité) из древнеперсидского числительного *aiva,* также утратившего второй слог [9].

К. Г. Залеман и В. А. Жуковский полагали, что в новоперсидском языке существует определенный и неопределенный артикли, совпадающие по форме, но имеющие разное происхождение. Об определенном артикле они пишут: «Это указательное ی (یای اشارت или یای تعریف) по происхождению есть старое местоимение (*aita* 'этот'), но теперь как таковое более не понимается» [10]. Неопределенный артикль (یای وحدت *«-и единичности»*) происходит, по их мнению, из древнеперсидского числительного *aiva* 'один'.

Другого мнения придерживался П. Хорн. Он утверждал, что так называемое *«-и* указательное» восходит не к древнеперсидскому указательному местоимению *aita,* а так же, как и «*-и* единичности или неопределенности», происходит из древнеперсидского числительного *aiva* [11]

[6] N. S. Nyberg, *Hilfsbuch des Pehlevi,* II, Glossar, Uppsala, 1931.

[7] Ibid., S. 63.

[8] Ibid., S. 68.

[9] J. Darmesteter, *Études iraniennes,* t. I, Paris, 1883, p. 161, 274.

[10] К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, *Краткая грамматика новоперсидского языка,* СПб, 1890, стр. 26.

[11] P. Horn, *Neupersische Schriftsprache* («Grundriss der iranischen Philologie», Bd 1, Abt. 2, Strassburg, 1901), s. 107, 120.

* * *

Какова же сущность таджикского *-е* и персидского *-и*? Можно ли противопоставлять употребление артикля при имени, к которому не относится придаточное определительное предложение, употреблению его при имени с придаточным определительным предложением, иными словами, существуют ли в современном таджикском и персидском два артикля (неопределенный и определенный) или в каждом из этих языков есть только один артикль с единой функцией?

Анализ материала приводит к выводу о том, что безударные *-е* и *-и* в различных случаях своего употребления (без придаточного определительного предложения и при наличии такового) выполняют одинаковую функцию и поэтому представляют собой единый артикль.

Для того чтобы выяснить сущность использования артикля и установить выполняемые им функции, необходимо проанализировать как случаи его употребления после имен существительных, к которым не относятся придаточные определительные предложения, так и случаи употребления артикля в сочетании с придаточными определительными предложениями после определяемых имен.

Остановимся сначала на случаях употребления артикля при именах существительных без придаточного определительного предложения. Возьмем попарно несколько предложений, в которых одно и то же слово употреблено с артиклем или без него.

Как известно, имя существительное в предложении может по-разному соотноситься с тем, что оно обозначает: либо оно соотносится сразу со всеми предметами, т. е. выражает понятие, и в этом случае говорят о логической соотнесённости имени, либо существительное соотносится только с одним из обозначаемых им предметов. В последнем случае имеет место предметная соотнесённость имени [12].

Коргар *дар завод кор мекунад*. **'Рабочий** работает на заводе'.
Коргаре *аз куча гузашта мерафт* (Д. Точиев, А. Эшончонов, Боқи Раҳимзода, *Китоби дарсӣ барои синфи III мактабҳои ибтидоӣ*, Сталинобод, 1947). 'По улицам проходил **какой-то рабочий'.**

Одно и то же слово *коргар* 'рабочий' в данной паре примеров выступает в первом случае без артикля *-е*, а во втором оформлено им. Содержание слова в этих примерах также неодинаково: в первом случае *коргар* выражает понятие («рабочий» в отличие, например, от понятия «крестьянин»), т. е. оно имеет логическую соотнесённость, во втором случае слово *коргар* называет одного какого-то представителя, т. е. оно имеет предметную соотнесённость.

او روز دیگر به کارخانه آمده کتاب و روزنامه با خود آورد («مردم» ۱۳۶۲، شماره ۱۴۵).

'Он на другой день пришел на завод и принес с собой **книги** и **газеты'.**

او روز دیگر به کارخانه آمده کتابی آورد.

'Он на другой день пришел на завод и принес **какую-то книгу'.**

В этих примерах имя существительное کتاب 'книга' без артикля имеет логическую соотнесённость, так как обозначает понятие; это же

[12] Характеристику лексического значения слов см. в автореферате докторской диссертации В. А. Звягинцева «*О принципах семасиологических исследований*», М., 1954, стр. 7—13.

существительное с артиклем имеет предметную соотнесённость, так как обозначает предмет, точнее один какой-то предмет из числа предметов с ним однородных.

Те же соотношения между именами с артиклем или без него устанавливаются и при наличии у этих имен придаточного определительного предложения:

... زبان که این احتیاجات‌را منعکس میکند لغات جدیدی می پذیرد («پیام نو»، ۱۳۳۰، شماره ۲).

'...**Язык,** который отражает эти потребности, воспринимает новые слова'

مقامی که تالستوی در ادبیات روس و جهان دارد بی نظیر است («پیام نو»، ۱۳۳۰، شماره ۲).

'**Место,** которое занимает Толстой в русской и мировой литературе, не имеет себе равных'.

Бачагон чун гурӯҳи ***гунҷишкон****, ки аз калхот мегурехта бошанд, якбора аз ҷойҳояшон ҷаста ба тарафи дар давиданд* (С. Айнӣ, *Мактаби кӯҳна*) 'Дети подобно **стайке воробьев,** которые спасаются от орла, сразу вскочили со своих мест и побежали к двери'.

Ӯ чун гурӯҳи ***коргароне****, ки онҳо бо вай дар завод кор мекунанд, дар кружок машғулият мегузаронд* («Газетаи муаллимон», 1955, № 4). 'Он, как и группа **рабочих**, которые работают с ним на заводе, занимался в кружке'.

Таким образом, отсутствие артикля указывает на логическую соотнесённость имени, т. е. на то, что имя в данном случае обозначает понятие; наличие артикля указывает на предметную соотнесённость имени, т. е. на то, что имя обозначает какой-то предмет.

Анализ примеров (без придаточного определительного предложения при имени и при наличии его) дает возможность определить основную функцию, выполняемую таджикским и персидским артиклями. Употребление артикля связано с именем существительным как частью речи. Наличие артикля указывает на предметную соотнесённость имени. В тех случаях, когда имя существительное имеет логическую соотнесённость, артикль обычно отсутствует. Эти случаи можно рассматривать как случаи значащего отсутствия артикля.

Основная функция, выполняемая артиклем, может быть определена как выделительная, так как она заключается в выделении предметов и явлений из ряда однородных. Поэтому мы назвали его выделительным.

Выделительная функция артикля проявляется по-разному в зависимости от того, обозначают ли имена существительные считаемые предметы и явления или несчитаемые. В первом случае его роль сводится к выделению одного предмета из ряда однородных (см. примеры выше).

Если артикль присоединяется к именам, обозначающим несчитаемые предметы или явления (таковы имена существительные вещественные, собирательные и отвлеченные), то выделительная функция проявляется у них иначе: выделяется часть из общей массы или часть из всей совокупности или берется одно из возможных проявлений того, что выражено отвлеченным именем без артикля, т. е. различные качества, действия, состояния, обозначаемые отвлеченными именами, осо-

знаются ограниченными определенными рамками в пространстве и во времени. Например:

اگر مداد یا پارهٔ کاغذی مأمورین زندان در دست ما می دیدند جنایت بزرگی بشمار میرفت (بزرگ علوی، ورق پاره‌های زندان، تهران، ۱۳۳۲).

'Если мы попадались тюремщикам с карандашом или **клочком бумаги**, это считалось **большим преступлением**';

*У дар миёни **мардуме** буд, ки дирӯз дар хонаам ҷамъ шуда буданд* («Точикистони сурх», 1953, № 290) 'Он находился среди **людей** (букв.: среди народа'), которые вчера собрались в моем доме'.

Как видно из приведенных выше примеров артикль в таджикском и персидском языках может употребляться с различными семантико-грамматическими типами существительных. Интересно отметить также возможность употребления артикля с субстантивированными инфинитивами и существительными, обозначающими «единственные в своем роде» предметы. Примеры:

چند ررز پس از ورودش بتهران بخانه‌اش رفتم لازم بود که من دیدنی از او بکنم (بزرگ علوی، چشمهایش، تهران، ۱۳۳۱).

'Через несколько дней после его прибытия в Тегеран я поехал к нему: было необходимо его повидать'.

در برابر خورشیدی که با شکوه تمام بالا میرود و آسمان تاریك وطن ما را نوریاران میکند، خفاشان کور جز آه و ناله چکار میتوانند بکنند ("شجاعت"، ۱۳۳۲، شماره ۱۱).

'На что способны, кроме вздохов и стонов, слепые летучие мыши по сравнению с **солнцем**, которое величественно поднимается вверх и освещает мрачное небо нашей родины'.

В последнем примере артикль употреблен после существительного, обозначающего «единственный в своем роде» предмет — солнце. Наличие артикля свидетельствует о том, что «единственный в своем роде» предмет в данной речевой ситуации берется как один из ряда подобных.

Артикль может быть присоединен и к служебному слову, если оно используется в значении существительного. В этом случае артикль употребляется как субстантиватор, как показатель использования данного слова в функции существительного. Однако такие случаи встречаются редко:

پیشخدمت نگاه دزدیده‌ای باو کرد و بدون آنکه آره یا نه‌ای بگوید بطرف مشتری دیگر رفت (عبدالحسین نوشین، استکان شکسته، "نمونه‌هائی از نثر کنونی ادبیات ایران"، مسکو، ۱۹۴۹).

'Официант украдкой посмотрел на него и, не сказав **ни „да" ни „нет"**, направился к другому посетителю'.

* * *

Выше мы пытались показать, что артикль в различных конструкциях — как при имени без придаточного определительного к нему, так и при наличии его — имеет единую функцию — выделительную. Связь артикля с придаточными определительными предложениями не случайна. Она объясняется сходством функций, выполняемых придаточными определительными предложениями и артиклем [13].

[13] В данном случае речь идет о наиболее распространенном виде придаточных предложений, называемых нами собственно определительными. Случаи употребления артикля с другой разновидностью придаточных определительных — с определительно-

Большинство определительных придаточных, давая ту или иную характеристику предметам и явлениям, индивидуализирует их, выделяет среди множества предметов и явлений, принадлежащих к тому же классу или роду. Таким образом, эти придаточные предложения, выражая признак, характеризующий предметы и явления с какой-нибудь одной стороны, ограничивают возможность иной характеристики данных предметов и явлений. Так, если сказать: کتابی که خواندم جالب توجه است 'Книга, которую я прочитал, интересна' — то мы выделим данную книгу, т. е. «книгу, которую я прочитал», из общего класса книг.

Использование артикля в современных таджикском и персидском языках связано с выделением предметов и явлений из ряда им подобных. Именной член главного предложения, к которому относится определительное предложение, получая артикль, выделяется из множества однородных. При этом придаточное определительное предложение указывает на то, в каком отношении, с какой точки зрения выделяются предметы и явления. Придаточное определительное предложение конкретизирует выделительное значение артикля. Артикль, употребленный в сочетании с придаточными определительными, обычно называют *«-и (-е)* указательным» или *«-и (-е)* определенности». Однако такое название неточно, так как артикль только выделяет предмет, обозначаемый именем, тогда как придаточное определительное, выделяя предмет, еще и конкретизирует его в той или иной степени.

Следует иметь в виду, что далеко не всякое придаточное определительное предложение делает имя, к которому относится, о п р е д е л е н н ы м [14]. Так, в примере کتابی که خواندم جالب توجه است 'Книга, которую я прочитал, интересна' нет оснований считать имя с артиклем **کتابی** 'книга' определенным только потому, что за ним следует определительное придаточное предложение. Последнее, хотя и конкретизирует в какой-то степени значение определяемого, однако не может выделить предмет, им обозначаемый, настолько, чтобы сделать его единственно возможным в данной речевой ситуации, т. е. определенным. См. также следующие примеры:

کسی دکتر شناخته میشود که در رشتهٔ خود مطلب مهم و تازه‌ای کشف کند (پیام نو، ۱۳۲۳، شماره ٤).

'Доктором наук может считаться **человек,** который произведет важное и новое открытие в своей области'.

*Баъд азягон соати дигар роҳ рафтан аз пешам **киштзори фароҳе** баромад, ки кулӯхшудгор кардагӣ буд* (С. Айнӣ, *Марги судхӯр*). 'После еще одного часа пути передо мной открылось **широкое поле,** которое было вспахано'.

изъяснительными предложениями — наблюдаются редко. Артикль со второй разновидностью придаточных определительных встречается только тогда, когда определяемое имя не имеет при себе указательного местоимения. Об этом см.: Ю. А. Рубинчик, *О двух видах придаточных определительных предложений в современном персидском языке* («Труды ВИИЯ», № 7, 1955, стр. 56).

[14] Под о п р е д е л е н н ы м именем мы понимаем такое имя, которое обозначает предмет (в широком смысле), е д и н с т в е н н о в о з м о ж н ы й в д а н н о й р е ч е в о й с и т у а ц и и. Наоборот, п о д н е о п р е д е л е н н ы м мы понимаем такое имя, которое обозначает предмет, вовсе не единственно возможный в данной речевой ситуации, а о д и н к а к о й-т о и з ч и с л а п р е д м е т о в с н и м о д н о р о д н ы х. Иными словами, определенность имени не допускает возможности выбора предмета для обозначения его этим именем в данной речевой ситуации, тогда как неопределенность имени, наоборот, допускает и предполагает такую возможность.

И в этих примерах имена, к которым относится артикль и которые определяются придаточными определительными предложениями (کس, киштзор), нельзя считать определенными, так как они характеризуются в соответствующих придаточных предложениях только с какой-то одной стороны, лишь в самом общем виде, и поэтому предметы, ими обозначаемые, не являются единственно возможными в данной речевой ситуации.

Отметим, что в некоторых случаях характеристика, даваемая придаточным определительным предложением определяемому имени с артиклем, оказывается достаточной, чтобы сделать это имя определенным. Например:

Корпартоии калоне *ки дар соли 1885 дар фабрикаи Морозов дар Орехово-Зуево барпо шуда буд, дар таърихи ҳаракати революционӣ аҳамияти махсусан калон дошт* (*«Таърихи Партияи Коммунистии (Большевикони) Умуми Иттифоқ*, Курси мухтасар», Сталинобод, 1950). *'Особенно большое значение в истории революционного движения имела* ***большая стачка****, вспыхнувшая в 1885 году на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве'.*

همین امر علت ظاهری رنجش کنت سرتیژ از دولت ایران گشت و نشانی که در سال ۱۲۶۰ از طرف محمدشاه باو اعطا شده بود برگردانده... (فریدون آدمیت، امیر کبیر و ایران، قسمت سوم، تهران ۱۳۲٤).

'Это дело послужило внешней причиной обиды графа Сертижа на правительство Ирана, и он возвратил **орден**, который был пожалован ему шахом Мухаммедом в 1260 году...'

Придаточные предложения в последних двух примерах настолько конкретны по своему содержанию, что не допускают соотнесения определяемого имени, обозначающего данный предмет, с каким-нибудь другим предметом того же класса.

Таким образом, имя с артиклем, определяемое придаточным определительным предложением, может иметь как значение неопределенности, так и в некоторых случаях значение определенности, т. е. эти значения имени определяются не артиклем, а контекстом и речевой ситуацией. Функция же, выполняемая артиклем, является выделительной. Поэтому неправомерно называть артикль при имени, к которому относится придаточное определительное предложение, определенным, как это делается в ряде грамматик по персидскому языку.

Авторы некоторых работ полагают, что от места придаточного определительного по отношению к главному предложению зависит употребление определенного или неопределенного артикля после определяемого имени.

Так, например, считают, что с придаточными определительными предложениями, находящимися в постпозиции, всегда используется неопределенный артикль [15].

Анализ многочисленных примеров показывает, что положение определительного придаточного по отношению к главному предложению не влияет на значение определенности или неопределенности определяемого имени. С постпозиционными придаточными предложениями в роли определяемых имен часто употребляются существительные,

[15] См., например, D.C. Phillott, *Higher Persian grammar*, p. 147; H. Jensen, *Neu persische Grammatik*, Heidelberg, 1931, S. 92.

являющиеся вполне определенными из предыдущего контекста. Например:

کمونیستها نیروی بزرگی هستند، آنها همین نیروئی هستند که همیشه مبارزه میکند و بر دشواریها پیروز میگردد ("مردم"، ۱۳۲٦، شماره ۱٤۲).

'Коммунисты — это **большая сила**. Они являются именно **той силой**, которая постоянно ведет борьбу и побеждает трудности'.

Положение определительного придаточного по отношению к главному служит важным стилистическим средством выделения определяемых имён, но оно не дает оснований для разграничения определенного и неопределенного артиклей.

* * *

Артикль, употребляемый после именных членов предложения, к которым не относятся придаточные определительные, выполняет, как мы пытались показать выше, аналогичную выделительную функцию. Эта функция артикля наиболее ярко проявляется со словами, имеющими широкое и общее значение и обозначающими счисляемые единицы. К таким словам можно отнести существительные *кас,* کس 'человек', 'личность' и *чиз,* چیز 'вещь'. Эти существительные, выступая в роли различных членов предложения, почти всегда имеют при себе артикль или определения, конкретизирующие их значение (чаще всего в роли определения выступают указательные местоимения). Такое «несамостоятельное» употребление существительных, обладающих широкой семантикой, объясняется тем, что в каждом конкретном случае они берутся как единичные представители всего класса. Артикль, являясь грамматическим средством для обозначения выделения, придает существительным *кас,* کس и *чиз,* چیز значение 'один из многих'. Отсюда становится понятным то значение, которое приобретают эти имена существительные, когда они употреблены с артиклем: 'некто', 'нечто' или 'кто-нибудь', 'что-нибудь'. Например:

هر جا کسی مارا میدید، اولین سؤالی که از ما میکرد، این بود... (بزرگ علوی، پنجاه و سه نفر، چاپ دوم، تهران).

'Повсюду, где нас встречал кто-нибудь (букв.: **какой-нибудь человек**), его первым вопросом было...'

Такую же выделительную, индивидуализирующую функцию выполняет артикль и тогда, когда он присоединяется к другим именам существительным .

Значение неопределенности, обычно связываемое с артиклем при имени без придаточного определительного предложения, создается не артиклем, а контекстом. Так, в последнем примере существительное کس 'человек' имеет значение неопределенности. Однако последнее объясняется смыслом всего высказывания и, в частности, тем, что данное слово называет лицо, впервые упоминаемое.

Имя с артиклем без придаточного определительного предложения может и не иметь значения неопределенности:

У нимханде *кард, аммо* **чавобе** *надод* («Точикистони сурх», 1953, № 293). 'Он усмехнулся, но ничего не ответил' (букв.' он сделал **усмешку**, но **ответа** не дал').

اصلا من آدم تنبلی هستم (صادق هدایت، فردا...، "نمونه‌هائی از نثر کنونی ادبیات ایران": مسکو، ۱۹٤۹).

'В общем, я **человек ленивый**'.

В связи с вышесказанным нет оснований говорить об «*-и* (или *-е*) неопределенности», или неопределенном артикле в современных таджикском и персидском языках, как это делается в ряде работ.

* * *

Неправомерность противопоставления так называемых «*-и (-е)* неопределенности» и «*-и (-е)* определенности» подтверждается тем, что к именному члену с артиклем в простом предложении может быть почти всегда присоединено придаточное определительное предложение. Например, в предложении این چه کسانی هستند؟'Это что за люди?' после слова کسان употреблен артикль. Артикль был бы употреблен после этого имени и в том случае, если бы к нему относилось придаточное определительное предложение:

این چه کسانی هستند که پیش شما آمده اند؟

'Это что за **люди**, которые пришли к вам?'

Можно ли считать в последнем примере артикль определенным?

Говорить о наличии определенного и неопределенного артиклей в языке можно лишь в том случае, если они являются соотносительными формами, т. е. при употреблении с одинаковыми именными членами предложения сообщают им разные значения (например, артикли в ряде западноевропейских языков). Использование артикля в современных таджикском и персидском языках не дает оснований для противопоставления неопределенного и определенного артиклей.

Итак, независимо от того, как будет решен вопрос о происхождении «*-и (-е)* указательного», в современных персидском и таджикском языках следует говорить о наличии одного артикля. Такой подход имеет и большое методическое значение, так как облегчает понимание сущности артикля и запоминание различных случаев его употребления.

В связи с изложенным встает вопрос о том, можно ли выделять в числе грамматических категорий имени существительного таджикского и персидского языков категорию неопределенности, как это сделано в некоторых работах[16].

Грамматическая категория, чтобы быть выделенной в том или другом языке, должна, как известно, характеризоваться наличием определенного значения и формы, его выражающей. В случае, когда имеется, например, только какое-то значение и нет формы для его выражения, выделить грамматическую категорию было бы неправомерно.

Именно таково положение в таджикском и персидском языках, когда идет речь о значении неопределенности имени существительного. Традиционно считалось, что для выражения неопределенности (при имени без придаточного определительного предложения) служат без-

[16] Б. Ниёзмухаммадов ва Бузургзода, *Морфологияи забони тоҷикӣ*, Сталинобод, 1941; В. С. Расторгуева, *Краткий очерк грамматики персидского языка* («Персидско-русский словарь», сост. проф. Б. В. Миллером, 2-е изд. М., 1953); В. С. Расторгуева, *Краткий очерк грамматики таджикского языка* («Таджикско-русский словарь» М., 1954); Ш. Н. Ниёзӣ, *Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ*; Б. Ниёзмухаммадов, Ш. Ниёзӣ, Л. Бузургзода, *Грамматикаи забони тоҷикӣ*, к. I, *Фонетика ва морфология; Грамматикаи забони тоҷикӣ*, қ. I, *(Фонетика ва морфология)*, Китоби дарсӣ барои мактабҳои олӣ Сталинобод, 1956 и др.

ударные *-е* и *-и*. Однако, как мы пытались показать, роль артикля при имени существительном в различных конструкциях заключается в выделении предметов и явлений из числа с ними однородных, а не в выражении артиклем значения неопределенности имени (без придаточного определительного к нему) или определенности (при наличии придаточного определительного). Эти значения создаются не артиклем, а всем контекстом или описываемой ситуацией в целом.

Таким образом, грамматической формы для выражения значения неопределенности имени ни в таджикском, ни в персидском языках нет. Поэтому не следует, по нашему мнению, выделять в них грамматическую категорию неопределенности имени существительного.

Что касается категории определенности, то отсутствие определенного артикля в таджикском и персидском языках не позволяет выделить и эту категорию. Как уже отмечалось, артикль в своем использовании связан с именем существительным как частью речи. Употребляясь только с существительными или словами, выступающими в значении существительных, артикль служит грамматическим средством для выделения предметов и явлений из ряда им подобных. Имя существительное с артиклем получает значение выделенности.

Поскольку артикль не может рассматриваться как форма для выражения категории неопределенности имени, возникает вопрос о том, какая другая грамматическая категория существительных выражается артиклем в современных таджикском и персидском языках. Эту категорию можно было бы назвать категорией выделенности.

* * *

Кроме выделительной функции артикля, свойственной ему как грамматическому средству указания на предметную соотнесённость имени, артикль выполняет в ряде случаев стилистическую функцию, заключающуюся в эмфатическом выделении слова в предложении. В стилистических целях артикль используется обычно тогда, когда предмет не может быть выделен из множества ему подобных. Это бывает в редких случаях употребления артикля после имен собственных и личных местоимений (к которым относятся определительные придаточные), а также в некоторых других. Например:

هدایتی که همه چیزرا نفی میکرد میگوید... ("بسوی آینده"، ۱۳۳۱، شماره ۵۲۹)

'**Тот самый Хедаят**, который все отрицал, говорит...'

*Сафар дар охир ба **Зебие**, ки дар рӯ ба рӯяш бо парешонҳоли меистод, табассумкунон нигоҳ кард...*' (Ниёзӣ, *Вафо*, Сталинобод, 1949)

'Сафар, наконец, улыбаясь, взглянул на **Зеби**, в растерянности стоявшую перед ним'.

من تسلیم شدم، منی که خیال میکردم خشك و مومیائی شده‌ام، منی که جز کار اداری و استاد چیز دیگری در سر ندارم، من در مقابل این زن ناشناس زانو زدم (بزرگ علوی، چشمهایش)

'Я сдался, я, воображавший, что высох и превратился в мумию, я, думающий только о службе и о художнике и ни о чем другом,— не смог устоять против этой незнакомой женщины'.

Употребление артикля в стилистических целях свойственно главным образом эмоциональной речи.

* * *

В ряде случаев в роли артикля выступает числительное *як,* يك ‘один’. При этом оно не выражает идеи счета и может интонационно примыкать к последующему слову, теряя самостоятельное ударение. Например:

Як *бегоҳирӯзӣ ӯ дар хонаи муаллимон нишаста, газетаи деворӣ менавишт* (П. Толис, *Дар сари роҳи калон,* Сталинобод, 1954), ‘Однажды вечером он сидел в учительской и делал (букв.: писал) стенную газету’.

يك خانم كه نزديك ميز او نشسته بود با هول و هراس پالتوى خودرا كنار كشيد (عبدالحسين نوشين، استكان شكسته).

‘Какая-то дама, сидевшая рядом с его столом, со страхом и ужасом отодвинула свое пальто’.

В этих примерах числительное *як,* يك заменяет артикль (*-е, -и*) в свойственной ему выделительной функции.

Иногда в таджикском и персидском языках встречается одновременное употребление при имени артикля и числительного *як,* يك:

Дар лабони ҷавон ***як*** *табассуми ба Сайёра номафҳуме сайр мекард* (П. Толис, *Дар сари роҳи калон*) ‘По губам юноши пробегала *какая-то непонятная Сайёре улыбка*’.

Числительное *як,* يك в сочетании с артиклем, а также одно числительное в роли артикля может иногда (хотя и очень редко) употребляться при именах во множественном числе. Например:

Як афсонахо *медонистанд, ки!* (П. Толис, *Дар сари роҳи калон*) *‘О, какие сказки* он знал!’

فقط پيش خودش ممكن بود يك فكرهائى بكند (صادق هدايت، فردا...).

‘Только наедине с самим собой он мог думать о чем-нибудь’.

Присоединение числительного *як,* يك к именам во множественном числе свидетельствует о потере им в данных случаях лексического значения «один». Однако, поскольку в большинстве случаев, употребляясь в значении артикля, числительное *як,* يك не теряет полностью своего числового значения, оно не может быть понято как омоним числительного «один» и не является самостоятельным артиклем.

Использование числительного «один» в функции, когда его числовое значение не ощущается, не является чем-то исключительным для таджикского и персидского языков. Так употребляется числительное «один» и в русском языке. Например, во фразе «Я должен зайти к одному человеку» числительное «один» употреблено в значении: «какой-то», «некий». Оно не имеет самостоятельного лексического значения и в предложении «Вас спрашивает один человек» [17].

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

По характеру своего использования, по своей семантике выделительный артикль в таджикском и персидском языках весьма своеобразен.

1. Артикль в этих языках не заключает в себе морфологической характеристики имени.

[17] *«Грамматика русского языка»,* т. I, *Фонетика и морфология,* Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 408.

2. Свойственное ряду языков противопоставление соотносительных форм определенного и неопределенного артиклей в таджикском и персидском отсутствует.

3. Артикль широко употребляется при именах существительных, имеющих при себе придаточные определительные предложения.

4. Артикль употребляется после имен существительных как в единственном, так и во множественном числе.

5. Выполняя стилистическую функцию, артикль употребляется после имен собственных и личных местоимений, имеющих при себе придаточное определительное предложение.

Если отвлечься от особенностей таджикского и персидского артиклей и взять то общее, что характерно для них, можно сказать, что функция безударных *-е* и *-и* близка к так называемой индивидуализирующей функции артикля в ряде языков. Поэтому мы сочли возможным применять к таджикскому *-е* и персидскому *-и* термин «артикль». Этот термин был уже применен к ним ранее в некоторых работах, хотя разнобой в их наименовании продолжает существовать.

Случаи употребления артикля в основном вытекают из выполняемой им основной функции — служить средством для выделения предметов и явлений из ряда им подобных. Однако встречаются случаи, которые не могут быть мотивированы таким образом. Выделительная функция артикля может осложняться, видоизменяться, а в некоторых случаях отодвигаться на задний план под воздействием ряда факторов (например, под влиянием синтаксической функции слова в предложении, семантической связи с зависимыми словами, стилистических особенностей речи и т. д.), которые подлежат особому изучению.

Таковы некоторые основные замечания по поводу вопросов, связанных с пониманием сущности артикля в современных таджикском и персидском языках.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Т. Т. Мхитарян. Опыт экспериментального исследования гласных фонем современного вьетнамского литературного языка 16

М. С. Андронов. Разговорные формы тамильского глагола 26

А. С. Теселкин. О «спрягаемых формах глагола» в индонезийском языке . . 39

Н. Н. Третьяк. Разграничение сложного и производного глагола в японском языке 52

Г. Ш. Шарбатов. О вопросительных и отрицательных предложениях в современном египетском диалекте арабского языка 59

А. А. Рожанский. О некоторых особенностях глагольных фразеологических сочетаний в турецком языке 65

К. К. Курдоев. О двух принципах образования сложных слов подчинительного типа в курдском языке 75

Ю. А. Рубинчик и Л. Н. Муравьева. Артикль в современных таджикском и персидском языках 75

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XXIX

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. Л. Цаболов*

Технический редактор *Л. Т. Цигельман* Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Корректор *В. Г. Анохин*

Сдано в набор 5/V-59 г. Подписано к печати 9/IX-59 г. Т-08196 Формат 70×108¹/₁₆ Печ. л. 5,5
Усл. п. л.7,54 Уч.-изд. л. 7,11 Тираж 1200 экз. Зак. 1117 Цена 4 руб. 25 коп.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография издательства восточной литературы, Москва, И-45, Е. Кисельный пер., 4

Список опечаток

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	16 сн.	*ceyyaч*	*ceyyap*
20	5 св.	*naṭa*	*na-*
20	6 св.	*na- naṭaḳḳutu,*	*naṭaḳḳutu,*
27	7 св.	*in*	*ini*
40	18 сн.	拠	挙
40	19 сн.	模わる и 模	横わる и 横
40	22 сн.	呟	咥
48	15 св.	*оиююку*	*отиюку*
48	18 св.	*цукукэру*	*цукэру*
55	19 св.	ماذاتطفين	ماذاتطلبين
55	21 св.	راطيه	راضيه
56	21 сн.	*sapa*	*çap*
67	10 св.	*апи*	*апе*
67	15 св.	*Доэ*	*Дод*
70	13 св.	*wegəp*	*wegəpe*
70	14 св.	*е*	*we*
72	3 св.	*мал*	*мале*
72	5 сн.	*wəгə*	*wəргə*
73	26 сн.	*тета*	*сета*
73	13 св.	*сегошль*	*сегошэ*
74	14 сн.	*жьсмам*	*пьсмам*
74	15 сн.	*кӧран*	*кӧрап*
77	14 св.	в среднепер-	значительных
85	8 сн.	تسيلم	تسليم

Зак. 2276